

Г. Садовников ✻ Пешком над облаками

Г. Садовников

Пешком
над
облаками

издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Т. САДОВНИКОВ

ПЕШКОМ НАД ОБЛАКАМИ

ПОВЕСТЬ-
СКАЗКА

МОСКВА:

"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

1980

Фантастическая повесть-сказка, в которой, как и в предыдущих фантастических книжках Георгия Садовникова «Продавец приключений» и «Спаситель океана», смешались реальная жизнь его героев с самыми невероятными, почти мюнхаузеновскими приключениями. А начинается всё с того, что один любознательный юнга отправился в необычное плавание... Но не будем забежать вперед. Когда вы прочитаете книгу, вы узнаете о самых невероятных приключениях ее героев и убедитесь в том, как надо много знать и уметь, чтобы овладеть морскими профессиями и плавать на современном судне.

Рисунки В. Сергеева

С $\frac{70802-092}{M101(03)80}$ 444—80

**ПРЕДИСЛОВИЕ, в котором рассказчик обещает
обойтись без предисловия, потому что сам
страсть как не переносит предисловий**

Это верно, я ужас как не люблю предисловия, смотреть на них не могу. В самом деле, что может быть хуже: ты открываешь книжку, трепеща перед таинственным сюжетом, готовясь с первых строк уйти с головой в увлекательное действие, но автор вместо того, чтобы сразу приступить к делу, начав, скажем, так: «Наш герой шагнул в темноту, и тут же почва ушла из-под его ног. Он полетел в неизведанное...» Так вот, вместо того, чтобы с места в карьер бросить тебя (да что там бросить — швырнуть!) в гущу событий, автор медленно начинает испытывать твоё терпение. Нет, не люблю я предисловия и, сам перенеся эти ни с чем не сравнимые муки, со всей ответственностью заявляю тебе, читатель: «Не бойся, мой друг, уж я-то от предисловия тебя избавлю. Хотя в отличие от иных, лично мне предисловие необходимо как воздух, как вода. Чтобы напомнить о себе, читатель».

Но я не стану этого делать. Потому что, как ты уже знаешь, ужасно не люблю предисловия. И во-вторых: не сомневаюсь, все и так узнали меня. Да, да я тот самый известный Иван Иванович, который полвека проплавал юнгой на линии Новороссийск — Туапсе, а потом, удалившись на отдых в дачное место Кратово, пересказал содержание книги «Продавец приключений», повествующей о похождениях бывалого астронавта Аскольда Витальевича и его юных друзей.

Но главное, что удерживает меня от соблазна, это моя неизменная скромность. И если уж мне пришлось сказать несколько вступительных слов, то лишь ради того, чтобы объяснить причины, принудившие меня сесть за эту книгу.

Впрочем, причина всего одна: желание защитить свое доброе имя, на скромность которого многие мои современники бросили тень. Уж что они только не насочиняли обо мне! Если верить им, то я и самый мудрый, и самый находчивый на Земле. И ко всему еще самый отважный! Бывало, куда ни заглянешь — на бак ли корабля, в уютную беседку городского парка, — всюду слышишь: «А Иван-то Иваныч...» А вот недавно совсем, разыскивая следы слесаря-сантехника, зашел я в клуб при нашем домоуправлении и попал на встречу старых пенсионеров. Ветераны сидели кружком на сцене и с удовольствием вспоминали минувшие дни. В тот самый момент, когда я вошел и скромненько сел у входа, дали слово знаменитому в прошлом летчику-испытателю.

— Может, хотя бы вы поведаете о своих подвигах-приключениях? — сказал ему председатель собрания. — А то все воспоминания наши как-то свелись к одному человеку.

— А чем я хуже других? — обиделся старый летчик. — Я тоже хочу рассказать о юнге Иван Иваныче. О том, например, как он здорово вышел из абсолютно безвыходного положения.

И он сейчас же придумал обо мне какую-то фантастическую небылицу. То есть сам факт в истории место имел И я действительно нашел выход из абсолютно безвыходного положения. Но в этом не было ни малейшей моей заслуги. Мне даже неловко стало за себя.

— Позвольте, — подал я голос из зала, — позвольте, но в этой истории ничего особенного нет. Обычная, товарищи, произошла история, и каждый из вас, окажись на моем месте, тоже бы вышел из положения. И даже ловчее меня!

Ветераны обернулись на мой голос и, сгоряча не узнав меня, сказали голосом летчика:

— Да как вы можете сравнивать нас с Иваном Иванычем? Как только у вас, честное слово, повернулся язык! Сразу видно, вы ничего не смыслите в людях!

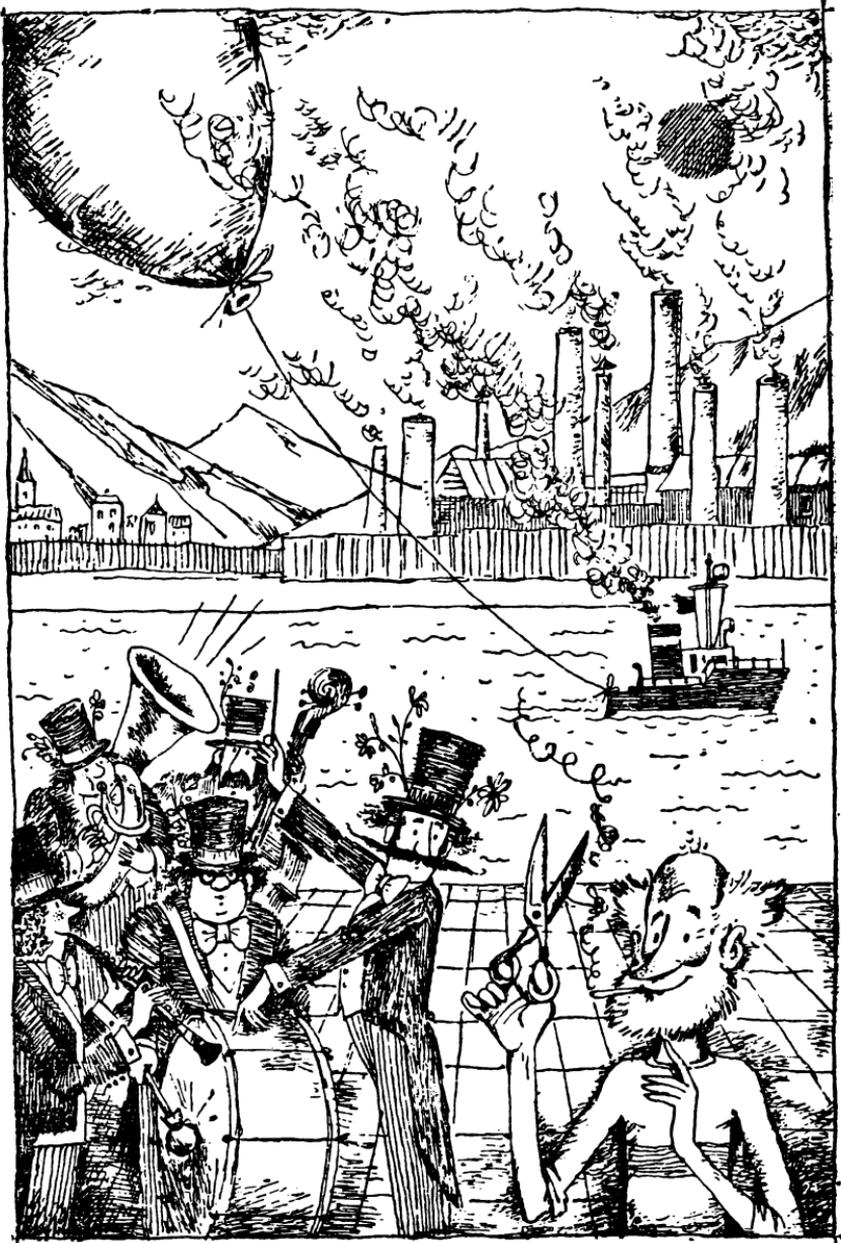
— Ну, знаете! — совершенно справедливо возмущился я и вышел из зала.

Во мне все так и кипело. «Что же такое творится? — подумал я. — Сколько можно напраслину возводить на человека? Сколько можно незаслуженно расхваливать его?»

Этот случай переполнил чашу моего терпения. После таких нападков я решил сесть за письменный стол и, припомнив кое-что небольшое из своих многочисленных историй, рассказать самолично, как все было на самом деле. Скромность требовала защиты, и я прибег к помощи истины!

К тому же мудрый астронавт Аскольд Витальевич был прав, когда говорил своему славному экипажу: «Вам не хочется расставаться с нашим путешествием и со всем, что было с ним связано. Но, увы, когда-то это приходится делать, и тогда, чтобы как-то вознаградить вас, наступает пора воспоминаний. Если уж откровенничать — не менее прекрасная пора. И сразу же намотайте на ус: предаваться воспоминаниям можно в любом состоянии, но лучше всего это делать в глубоком кресле. Уйдя в него с головой, откинувшись на спину и закрыв глаза, вы постоянно погружаетесь в минувшие события».

Итак, я в кресле. Глаза мои закрыты, затылок покоится на мягкой спинке кресла. Передо мной гудит, потрескивает воображаемый камин. За окном воеет воображаемая метель. Все готово для воспоминаний. И я говорю: «Друзья, вперед! Без предисловий, прямо в гущу небывалых приключений, в начало книги!»

**Г Л А В А I, которую иначе никак не назовешь,
потому что она и есть самая первая
и служит началом всей истории**

В тот день мы уходили в свой обычный каботажный рейс в далекий, но тем не менее известный каждому жителю Новороссийска порт Туапсе. Я бы с удовольствием добавил слово «заморский» — это так украшает далекие города. Но по странному стечению обстоятельств город Туапсе тоже стоял на побережье Черного моря, и я, как человек объективный, все же вынужден отказать себе в понятном каждому моряку удовольствии. И потому мы плавали в просто далекий порт Туапсе. Но сам путь вознаграждал нас в избытке за это маленькое упущение со стороны первых строителей Туапсе. Он лежал через Дарданеллы и все Средиземное море. Потом, пройдя Гибралтар, мы повернем на юго-запад, прямо на мыс Горн. Обогнув Южную Америку, наш маленький, но отважный буксир ляжет курсом на Мыс Доброй Надежды. Ну, а оттуда, от Южной Африки до Туапсе, как известно каждому школьнику, уже подать рукой. В общем, рейс предстоял самый обычный, рабочий рейс. За те пятьдесят лет, что я плавал юнгой на портовом буксире «Перепелкино», мы так изучили свой маршрут в Туапсе, что нам была знакома каждая волна в морях и океанах, встречающихся у нас на пути. Я мог, закрыв глаза, моментально вспомнить ее высоту и цвет. И норв. И тем не менее каждый наш рейс изобиловал массой самых невероятных приключений.

Поэтому, когда я в сопровождении своей восьмилетней внучки спустился по кривой улице к морю, берег Цемесской бухты был уже усеян празднично одетыми людьми. На наши проводы вышло все население Новороссийска.

А сам-то город! Сам город был украшен флагами. Суда, стоявшие в бухте, то и дело подавали приветственные гудки. Торжественно, точно салютуя нам, клубились красивым желтым дымом трубы знаменитых цементных заводов.

Этот дым и был нашим главным грузом. Мы возили его в далекий и славный порт Туапсе. Там дымом надували воздушные шары, и дети пускали их в небеса. Дело в том, что туземная промышленность не могла обеспечить свой город достаточным количеством дыма, и его привозили из других богатых этим бесценным продуктом мест. И ребята города Туапсе, играя в полезные игры, то и дело поглядывали в сторону моря: не везет ли буксир «Перепелкино» новую партию дыма?

Мое появление на территории порта было, как всегда, встречено овацией. Мальчишки кричали, смущая меня:

— Юнга! Юнга! Сам героический юнга идет! — и бежали следом за мной, а самые предприимчивые из них по очереди несли мой старинный матросский сундучок.

— Вы ошибаетесь. Нет во мне ничего геройского, — отвечал я, краснея.

Да и что говорить про малых ребят, когда суровые седые капитаны, забыв про свои пенковые трубочки — носогрейки, и те жадно следили за мной со своих капитанских мостиков. Если им верить, каждый из них многое бы отдал, только бы получить на свое судно такого опытного, по их словам, выдавшего виды юнгу. Потому что если на судне нет настоящего юнги, то не видать экипажу приключений, как своих ушей.

Говорят, в давние времена флибустьеры, прежде чем напасть на мирный корабль, кричали со своего борта:

— Юнга у вас есть?.. И как он? Достаточно смекалист и отважен?

И если капитан мирного корабля подтверждал, что его юнга достаточно отважен и смекалист, чтобы заварить целую кашу из преследований, погонь и кораблекрушений, флибустьеры шли на абордаж. А иначе и не желали терять попусту время — тут же раздували черные паруса и отправлялись искать другой корабль.

И уж как только не соблазняли меня капитаны, обещали попасть вместе со мной в самый сильный ураган на

свете, наткнуться на айсберг. Клялись найти еще никому не известный необитаемый остров и совершенно случайно забыть меня на нем, специально позаботившись, чтобы у меня не оказалось ни пищи, ни воды, ни огня. А течь в днище судна и дрейф с поломанной машиной и вышедшей из строя ракетой, если верить их словам, будет случаться каждые пять миль. Но я не поддавался на их уговоры, храня верность нашему старенькому буксиру и твердо зная, что нам он не даст скучать.

К тому же для меня до сих пор оставалось загадкой, чем могла привлечь такое внимание опытных капитанов лично моя неприметная особа. И я отказывал капитанам, предохраняя их от заведомой ошибки.

Словом, меня окружали толпы моих почитателей, которые непонятно что во мне нашли. Но все же я вдруг ощутил еле уловимое зловещее дуновение, пронзившее атмосферу всеобщего праздника. Оно мелькнуло точно молния и исчезло с такой быстротой, что, кроме меня, никто почему-то этого не заметил. Я взглянул в сторону моря и увидел судно, входящее в бухту. Это был пассажирский пароход из Туапсе. Его капитан, высунувшись из рубки, приветственно махал мне фуражкой и потому пропустил то, что не ускользнуло от моего зоркого глаза. С кормы его парохода незаметно прыгнул в воду худой бородатый человек в джинсах, засученных почти до колен, и оранжевой футболке. Незнакомец держал в углу рта зажженную сигарету и временами, взяв ее правой рукой, стряхивал в море пепел, продолжая грести левой рукой к берегу. Выйдя на берег, он отшвырнул сигарету, сплюнул попавшие в рот крошки табака и исчез за старой, ржавой баржей, давным-давно выброшенной на берег, и больше не показывался на глаза, но я почувствовал, что с этой минуты за нами следит кто-то враждебный, обеспокоенный тем, что мы везем туапсинским ребятам бесценный груз.

Но я специально не придавал этому значения, потому что путешествие еще только начиналось и все еще было впе-

реди, и приветствуемый на каждом шагу земляками, осыпаемый их добрыми пожеланиями, застенчиво проследовал на пирс, к которому был пришвартован буксир «Перепелкино». Как и положено юнге, я слегка опоздал. И капитан уже привычно волновался. Потому что судно было готово к отходу. За его кормой на тресе, точно на веревочке воздушный шарик, висел огромный баллон, наполненный желтым дымом. Словом, время для опасений, что юнга может остаться на берегу, было самое подходящее. И, увидев меня, капитан, как и положено, погрозил мне пальцем. У трапа я распрощался с внучкой. Она расправила веером мою пушистую седую бороду и сказала:

— Ну, юнга, будь умницей. Слушайся капитана. Не пей сырую воду. И не выходи на берег один в чужом порту.

Не успели мы с внучкой расцеловаться как следует, как раздался молодой голос капитана:

— Эй, юнга, долго мы еще будем вас ждать?

Он крикнул так грозно не потому, что сердился на меня, а потому, что капитан должен то и дело воспитывать юнгу.

Я быстро взбежал на борт, и капитан крикнул:

— Боцман! Проверить: нет ли на борту переодетых пиратов! Не проникли ли к нам на судно диверсанты какого другого сорта, чтобы сразу чинить нам препятствия!

— Капитан! Мы осмотрели все! Нет ни пиратов, ни других диверсантов, способных тотчас чинить нам препятствия! — доложил боцман, едва скрывая разочарование.

— Ну, а такие, чтоб не сразу? Потенциальные? — спросил капитан.

— Увы, — ответил боцман, разводя руками.

— Жаль, — проговорился капитан и, вздохнув, подал команду: — Все же отдать швартовы!

Я и матросы щедро отдали швартовы, а люди на пирсе с благодарностью приняли их.

— Полный вперед! Скорость сразу двадцать узлов! — приказал капитан, и наш буксир под одобрительные воз-

гласы зрителей и гудки кораблей поплыл к выходу из бухты.

Свободные от вахты члены команды тотчас спустились в машинное отделение вязать узлы, а в моей душе появилось ощущение, что именно в это время крайне необходимо случайно забрести на корму. И точно: сейчас же луна решила затмить солнце, и порт погрузился в подозрительные сумерки. Я отправился туда, куда меня тихонько подталкивала судьба, и увидел долговязую, худую фигуру в засученных по колено джинсах и оранжевой футболке. Незнакомец был бос. Он только что вылез из моря, с него еще ручьями стекала вода. Одной рукой незнакомец поддерживал тяжелые от впитанной воды джинсы, в другой тускло блестели длинные портновские ножницы. Его седые космы были нечесаны, а клочья свалывшейся бороды напоминали старую щетку.

Он повернул голову, и я тотчас узнал его. Это был мой давний противник — известный туапсинский хулиган Пыпин, который вот уже целых пятьдесят лет наводил ужас на школы и родителей, очень плохо влияя на детей.

На ближнем пирсе замелькали темные фигуры людей с музыкальными инструментами. Это был симфонический оркестр Комитета по делам кинематографии. Пыпин приглашал его каждый раз, когда собирался совершить особенно тяжкий поступок. Он хотел, чтобы оркестр силой своего искусства подчеркивал весь драматизм его преступления. «Желаю, чтобы у меня было как в кино», — говорил Пыпин.

Дирижер постучал палочкой по пюпитру и объявил своим музыкантам: «Тема: Преступление под покровом солнечного затмения».

Оркестр заиграл очень тревожный мотив, и Пыпин с ножницами наперевес двинулся крадучись к тросу, который удерживал рвущийся в небо баллон.

А с пирса доносился голос дирижера, направлявшего своих музыкантов:

— Мрачно... Мрачнее... Еще мрачнее! Совсем зловеще!

— А теперь мой ход, семья и школа! — цедил сквозь зубы хулиган. — Пусть ваши дети останутся без новых игрушек. Не имея игрушек, они будут шляться по улице, не зная, куда себя деть, и вот тут-то я научу их курить и не слушаться старших.

Злоумышленник поднес ножницы к тросу. Над бухтой рассыпалась дробь барабана.

— Что вы делаете, Пыпин? Вы же так перережете трос, — произнес я с самым искренним удивлением.

Пыпин выронил ножницы за борт и, крикнув: «Дяденька, это не я!» — плюхнулся вслед за ножницами в море. Передо мной мелькнули его желтые пятки.

Дирижер оглянулся через плечо и, заметив меня, взволнованно крикнул оркестру:

— Появились светлые силы! Добро торжествует! Теперь бодро! Оптимистично! Совсем триумфально!

Одновременно с радостными аккордами музыки вновь засияло солнце и на бухту вернулся ясный солнечный день.

Я поискал глазами бежавшего диверсанта. Его голова скрылась за бурунами, потом он вылез невдалеке на мол, подбежал к бульдозеру, оставленному нерадивым шофером, прыгнул в кабину и укатил за гребень высокого берега.

А я присоединился к товарищам, вязавшим узлы.

Я очень люблю эти часы. Они напоминают мне старинные сельские посиделки. Матросы вяжут и ведут неторопливый разговор. Сколько слушаешься тут историй! Увлекательных и самых невероятных!

А судно весело бежит по волнам, постепенно наращивая скорость: пятнадцать узлов... двадцать... тридцать!..

Потом кто-нибудь, слегка пригорюнившись, запевает тоненьким тенорком на мотив популярной «Пряхи»:

Ночь. Иллюминатор.
Лампочка горит.
Молодой матросик
В кубрике сидит.

И остальные, забыв об узлах, проникновенно подтягивают ему густыми басами:

Приключений жаждет,
Годы напролет,
Только почему-то
Буря не грядет!

Есть вода под килем,
Там полно акул,
Только он ни разу
В жизни не тонул.

Но тут мы вовремя вспоминаем про благородную цель нашего рейса, о том, что везем радость детишкам, и в глоса наши вливается бодрость:

Не горюй, матросик:
Коль гуманна цель,
Будут ураганы,
В днище будет щель!¹

Из-за нехватки узлов скорость буксира постепенно падает. Заметив это, капитан кричит в переговорное устройство:

— Прибавить обороты!

И мы, спохватившись, начинаем вязать дружно и накрепко. Да так, что узел не разрубить топором...

Так, незаметно, за посиделками, мы миновали Черное и Средиземное моря, обкатанные за тысячи лет различных цивилизаций и потому гладкие, как асфальт, и вышли в Атлантический океан. Вода здесь, особенно в Бискайском заливе, была неровной, волнистой, и наш буксир молодецки запрыгал на ухабах.

И капитану теперь часто приходилось выходить на свой мостик и, лизнув указательный палец, показывать его вет-

¹ Избегая ненужной шумихи, рассказчик скрыл, что текст песни и другие приведенные в этой книге стихотворные строки придуманы лично им.

ру. Заметив поднятый палец, простодушный ветер начинает смеяться и тем самым выдает себя.

Однажды утром мы, связав тридцать прочных узлов, взяли мел и занялись чисткой медных частей корабля, а капитан вышел на мостик, показал ветру палец, но вместо ожидаемого приступа смеха услышал в ответ гробовое молчание.

На этот раз нам подвернулся ветер, начисто лишенный чувства юмора. И все же наш бравый капитан не отступал. У него уже затек палец — так долго он его держал перед носом тупицы, но тот по-прежнему помалкивал, затаившись в снастях.

Наш капитан был еще молод и неопытен. Его прислали к нам прямо из высшего морского училища, и ему до сих пор приходилось иметь дело только с нормально развитыми ветрами. Поэтому на помощь капитану поспешил боцман Пасенюк. Бывалый моряк поднялся на капитанский мостик и отпустил соленое словцо, способное рассмешить и глухого. Но ветер будто и вправду оглох. Вскоре на мостике собрался весь экипаж, кроме юнги, — кроме меня, значит. Такого концерта юмора и сатиры, наверное, не слышал ни один зрительный зал. Наши моряки перебрали все известные и даже еще не известные им анекдоты и забавные случаи и даже придумали массу новых, а ветер хоть бы хихикнул разок.

Экипаж нашего славного буксира никогда не терялся, даже в самых фантастических переделках. А тут все, как один, упали духом. Потому что нельзя плавать по морю, не зная, где в это время находится ветер.

И тогда кто-то, будто невзначай, сказал:

— Капитан, может, кликнуть юнгу?

И как следовало по традиции, боцман Пасенюк ответил сердясь:

— Да что он может? Сосунок еще, салага! Вы бы еще грудное дитя о помощи попросили.

— А все-таки можно попробовать. Разве мы не должны

заботиться, чтобы юнга рос, набирался опыта, — возразил капитан и послал за мной матроса Костю.

Я в это время безмятежно лежал на корме и словно бы в первый, а на самом деле в сто первый раз читал поучительный роман Р. Стивенсона «Остров сокровищ», из которого каждый юнга мог почерпнуть много полезных сведений.

— Иван Иванович, вставайте, вас капитан зовет, — сказал матрос Костя, прибежав на корму.

— За что? Как будто я ничего такого не сделал? Кажется, еще не залил чернилами карту в каюте у штурмана. И случайно не упал за борт исключительно по своей вине, — сказал я, притворяясь обеспокоенным, и нехотя поднялся, потому что матрос прервал меня на странице, рассказывающей, как должен вести себя юнга, попавший к пиратам в плен.

Но я и в самом деле был удивлен ранним вызовом капитана. Рейс только начинался, и до приключений, по моим расчетам, было еще далеко.

— Сейчас все узнаете сами, — добродушно ответил Костя и подбадривающе потрепал меня по плечу, потому что каждый матрос должен оказывать юнге покровительство.

Придя на капитанский мостик, я случайно сразу понял, что этот недотепа-ветер из северо-восточных. Мне давно была известна эта угрюмая семейка, что ни ветер — то бука. Темнота, деревенщина, одним словом. Но этот новый норд-ост был мне пока не знаком. Видно, он появился на свет совсем недавно. Но уже сейчас можно было с уверенностью сказать, что этот юнец характером в остальную родню. Что такого и в самом деле непросто расшевелить. Тут без тонкого знания психологии не обойдешься. «Так-с, что же он из себя представляет? Наверняка был отпетый двоечник и боялся школьного начальства», — мысленно прикинул я, совсем не считая себя тонким психологом.

И вдруг громко и озорно крикнул:

— Полундра! Метеоролог идет!

Молодой норд-ост по привычке перепугался, дунул, со-

бираясь удрать, и запутался в снастях. Это был такой могучий порыв, что даже наш бывалый буксир и тот едва не перевернулся вверх килем. Мы ухватились, кто за что успел, чтобы не свалиться в море. Все, что не было прочно к этому времени закрепленным на палубе, начало ездить от борта к борту. А одна из крепко привязанных шлюпок вдруг откинулась набок, и мы увидели мальчика. Он лежал под шлюпкой, свернувшись калачиком.

Мальчик живо вскочил на ноги и с надеждой спросил:
— Мы тонем? Мы уже идем ко дну?

Мы изумленно молчали¹. Дети, удиравшие из дома на поиски приключений, не были редкостью на нашем борту, и каждый раз, перед тем как отдать швартовы, команда осматривала корабль и возвращала беглецов на пирс. Но этот «заяц» каким-то образом сумел забраться под шлюпку и пролежать, согнувшись, много дней без пищи и воды. И притом он не только остался живым, но и выглядел еще ко всему розовощеким и бодреньким, будто вернулся с новогодней елки. Пока мы прикидывали, как же это могло случиться, мальчик увидел, что буксир как ни в чем не бывало летит по волнам Атлантического океана, и этот отрадный факт почему-то вызвал у него откровенное неудовольствие.

— Ничего не случилось? А я-то думал, что нас вот-вот поглотит пучина, — разочарованно произнес мальчик.

— Ну, к счастью, до этого еще далеко. А ты кто будешь, мальчик? — спросил капитан, одним из первых придя в себя.

— Я — Толик Слонов из четвертого «А», — невозмутимо представился непрощеный пассажир.

— А теперь, Толик Слонов, скажи: когда ты успел забраться под шлюпку? — продолжал капитан свой допрос.

— Ну, может, час тому назад. А может, полтора. Я за-был посмотреть на часы, — так же невозмутимо пояснил Толик.

¹ В отличие от остальных я почему-то не потерял присутствия духа. И молчал только ради того, чтобы не выделяться среди других.

Если судить по его здоровому виду, то мальчик говорил сущую правду. Но вот только как он попал к нам на борт, если буксир уже который день находился в открытом океане, вдали от оживленных морских и воздушных путей? Этот вопрос возник у каждого члена экипажа.

Мы тут же дружно осмотрели небо и горизонт, но они были пусты.

— Лишние полчаса не играют существенной роли, — сказал капитан, стараясь сохранить самообладание. — Суть в том, что ты находишься на палубе нашего буксира.

— Верно! Я здесь, и это самое главное! — возбужденно воскликнул мальчик.

— И каким же образом тебе удалось это сделать? — спросил капитан, отводя глаза, чтобы Толик не заметил в них жадного любопытства.

— Да очень просто, — небрежно отмахнулся мальчик. — Настолько легко, что говорить об этом не стоит.

Мы тогда подумали, что он не желает открыть свой секрет. А как следует попросить его нам мешала гордость.

— В общем, неважно, с помощью чего ты проник на буксир, — сказал капитан, пряча обиду. — Если ты даже попал к нам с помощью волшебной лампы, все равно мы должны доставить тебя в ближайший порт. И не потому, что будто бы нам всем обидно. Просто ребенок не имеет права плавать на корабле, не отпросившись у родителей. Ты же не спрашивал, я угадал?

— Угадали! — честно признался Толик. — Но я так спешил... Мне так не терпелось!.. А они были на работе.

— Эй, на руле! Курс сто восемьдесят градусов! — решительно скомандовал капитан.

— Есть курс сто восемьдесят градусов!

Но он так и не успел направить буксир в сторону ближайшего порта. Что-то вновь испугало застрявший в сетях ветер. Он забился в путях, пытаясь вырваться на свободу, и развел вокруг нашего судна такой невообразимый шторм, что о возвращении в порт не могло быть и речи.

Огромные волны, разъяренные тем, что кто-то нарушил их покой, гнали нас в сторону от берега, бесцеремонно перебрасывая буксир из рук в руки друг другу. Баллон с желтым дымом бился где-то под облаками, точно последний лист на ветру.

«Э, тут что-то не так. Не зря все совпало: и неожиданное и пока необъяснимое появление мальчика, и буря, из-за которой нельзя его отправить домой», — подумал я.

Но я-то ладно, у меня за плечами такой опыт, что посмотрел краем глаза — и все как на ладони. Удивительно то, что мальчишка сразу понял, что обстановка сложилась в его пользу. Я даже заметил довольную усмешку, мелькнувшую на его губах.

— Ну-с, кэп, поплыли навстречу опасностям? — произнес осмелевший мальчишка, подражая морским волкам.

«Ваня, к нам, на буксир, пробрался маленький авантюрист, держи с ним ухо востро», — сказал я себе.

А ничего не подозревавший экипаж окружил Толика Слонова, и на мальчишку посыпались возгласы невольного одобрения:

— Непослушный, но смелый мальчик!

— Вот это пацан! Ему все нипочем!

— Это же прирожденный путешественник, ребята! Порази меня насморк, если я ошибся!

Мои мужественные, но простодушные друзья, привыкшие иметь дело со скромными людьми, не подозревали, что в этот момент собственными руками раздувают огонь, опасный для нашего старого доброго буксира.

Как я и ожидал, чрезмерная и еще не заслуженная похвала ударила мальчику в голову. В его глазах вспыхнул огонь азарта. Толик окинул неистовым взглядом палубу, выискивая что-то, и вдруг бросился к мачте.

— Анатолий, ты куда? — окликнул его капитан.

— Я полез по вантам! — небрежно бросил мальчик.

— Э, у нас не парусный корабль, — засмеялся боцман. — У нас ванты не водятся.

Мальчик остановился и оглядел наш буксир от носа до кормы, словно только что его увидел. На лице его появилось горькое разочарование. И обида, словно кто-то обманом заманил Толика на этот корабль.

— И это знаменитый буксир «Перепелкино»? Да у вас не судно, а консервная банка, — сказал презрительно мальчик. — А впрочем, кого винить, если я выбрал сам такую развалину?

Мне показалось, что норд-ост на время затих, несмотря на свою неотесанность. И весь экипаж открыл от удивления рты, настолько был несправедлив мальчик к нашему замечательному буксиру. Но замешательство длилось не больше мгновения. Из могучих грудных клеток, украшенных замысловатой татуировкой, сделанной на островах в Океании, и обтянутых тельняшками, выгоревшими на солнце, иссеченными муссонами, пассатами и тайфунами всех широт и просоленными волнами всех океанов и морей, вырвался вздох облегчения. Мои друзья вспомнили, что слава о подвигах портового буксира «Перепелкино» уже вошла в историю мореплаваний, и теперь никто не в силах бросить тень на великую репутацию нашего парохода. Да и кто усомнился в достоинствах выдающегося судна? Смешно сказать: мальчишка, который, наверное, получил двойку за то, что не знал, где проходит течение Гольфстрим. На такого стыдно было обижаться. Такого мальчика следовало учить. И я увидел, что моим друзьям в самом деле стало стыдно.

— Толик, ты в каком городе живешь? — смущенно спросил штурман.

— В Новороссийске, а где же еще, — рассеянно ответил мальчик, все еще продолжая переживать свой просчет.

— И ты ничего не читал про наш знаменитый буксир? — удивился боцман Пасенюк, нервно теребя густой прокуренный ус.

— Да в том-то и дело, — ответил с досадой мальчик. — И в газетах читал, и в журналах, и в книгах! Да только все это обман! Там пишут, что вы только и делаете, что

гоняетесь за самыми страшными опасностями. И будто вы не в силах прожить даже минуту без приключений, и если вокруг спокойно и тихо, тотчас становитесь больны. А я у вас нахожусь уже целых двадцать минут, и ничего, кроме какого-то жалкого шторма!

— Если о нас пишут именно так, то, значит, это в самом деле чистая неправда. Мы никогда сами не ищем беды. Что точно, то точно, — признался боцман за весь экипаж. — У нас не военное и не какое-нибудь научно-исследовательское судно. И тем более не пиратский корабль. Наш буксир развозит грузы, только лишь и всего.

— А я что говорю? — невольно обрадовался мальчик. — Ну, ничего, ошибку еще можно исправить. В конце концов, еще не поздно выбрать другой корабль.

У меня не было сомнений в том, что он так и сделает. При том таинственном способе передвижения, которым Толик владел, ему ничего не стоило перенестись на другой корабль. Потом на третий... четвертый. И отправится легкомысленный мальчик гулять по белу свету, если мы не удержим его при себе. Да, появление Толика Слонова значило больше, чем рядовое появление нового человека на корабле. Оно оповещало о начале целой Истории.

Но мои друзья еще не знали, что ждет наш мирный буксир, а я не мог посвятить их в свое открытие: они бы все равно не имели права принять предостережение юнги всерьез. И к тому же, если бы я высказал свои догадки, это могло показаться нескромным. Никто до сих пор не заподозрил ничего такого, а я, мол, вон какой: сразу сообразил, что к чему.

Единственное, что можно было позволить, это выразительно посмотреть на капитана. И тот сразу понял меня.

— Нет, мальчик, мы тебя никуда не отпустим, — твердо сказал капитан. — Мы отвечаем за тебя.

— Ладно, я не тороплюсь. Нужно еще поразмыслить, что и как. А пока можно и на вашем буксире что-нибудь придумать. Глядишь, и вам станет веселей... Вот что, ска-

жите, кэп, в какой стороне находится берег? — спросил Толик, хитро прищурившись.

— Если ты имеешь в виду Европу, она за кормой. А Южная Америка прямо по курсу, — пояснил капитан, довольный тем, что мальчик перестал нервничать и заинтересовался вопросами навигации.

— Да это же возмутительно! — закричал мальчик вне себя. — В такой сильный шторм любое порядочное судно уже давно должно было сбиться с курса и нестись прямо на берег. И чтобы там скалы торчали из воды!

— Ты хочешь, чтобы мы сами... собственными руками направили наш старый добрый буксир на острые скалы? — нахмурился капитан, а остальные члены экипажа осуждающе покачали головой.

— Наконец-то вы меня поняли, кэп! — обрадовался Толик, не замечая всеобщего порицания.

— Ты ошибаешься, мальчик, — строго сказал капитан, — мы очень чтим свой буксир и делаем все, чтобы уберечь его от кораблекрушений.

— Неужели вы не любите бороться с опасностями? — спросил Толик, обводя всех нас удивленными глазами.

— Мы боремся с ними, но мы их не любим, — веско ответил капитан.

Толик едва не заплакал от разочарования. И я тотчас же пожалел его. Мне была знакома такая жажда приключений. Когда-то давным-давно я тоже с нетерпением ждал встречи с опасностью.

Но у мальчика был сильный характер. Он быстро взял себя в руки и покладисто сказал:

— Ну, так и быть, я подожду, пока опасность придет сама. И кстати, где он, ваш хваленый юнга?

И только лишь я заметил, как хитро блеснули его глаза. Капитан, не зная, что у мальчика уже что-то появилось на уме, облегченно вздохнул и сказал:

— Вот и договорились! А пока мы будем думать, как вернуть тебя домой, ты будешь жить в одной каюте с ним,

с нашим юнгой. А вот он сам, наш лихой Иван Иванович, — и капитан торжественно указал на меня.

— Неужели этот старик и есть легендарный юнга? Ну и ну! Да я бы в вашем возрасте, дедушка, уже давно стал адмиралом, — разочарованно произнес Толик Слонов.

Я, как все считают, прошел сквозь огонь и воду¹, но мне еще никогда не приходилось выслушивать такие обидные слова. И дело вовсе не в намеке на то, будто мне до сих пор не удалось дослужиться до звания просто матроса. Ведь мальчику невдомек, что даже самые прославленные адмиралы в свое время страстно мечтали о том, чтобы прослужить в юнгах до старости лет, и пока только мне каким-то образом удалось добиться этой невиданной чести. Меня в его словах задело другое: он, даже не подумав, сказал, что я дедушка! В то время как моя родная внучка и та никогда так не обращалась ко мне. Она называла своего дедушку, как и положено, юнгой.

«Ну подожди, — рассердился я про себя. — Мы еще посоревнуемся с тобой. Посмотрим, кто моложе душой».

Не отличаясь особой выдержкой, я все же ничем не выдал своей обиды. Но капитан на всякий случай сказал:

— Что касается нашего юнга, то тут ты, мальчик, глубоко не прав. Юнга не может быть дедушкой, потому что в судовой роли эта должность отводится самому юному духом!

Пока капитан говорил, и на мой взгляд, убежденно и с достаточным красноречием, Толик крутил головой, уже высматривая объект для своей будущей проделки.

— Посмотрим, посмотрим, на что вы способны. И правду ли о вас говорят, — сказал он мне, продолжая изучать такелаж и надстройки.

— Неправду, неправду. Я ничего не умею, — шепнул я тайком, мне не хотелось расстраивать экипаж, который считал, что я умею все.

¹ Я пробовал пройти и сквозь медные трубы, но меня вовремя удержала присущая мне удивительная скромность.

— Так уж и ничего? — не поверил Толик. — А это что за колбаса тянется за нами? — спросил он, разглядев среди низко клубящихся туч баллон с нашим грузом.

Глаза мальчишки сверкнули, и я понял, что в его голове закипела работа. Он прикидывал, что можно сделать с баллоном такое, чтобы это неминуемо вызвало опасность. Над главной целью нашего рейса нависла страшная угроза.

И тогда я тоже пустился на хитрость. Я сказал чистой-пую правду. Я сказал, что в баллоне дым из труб цементного завода, и Толик тотчас потерял к нему интерес.

— Итак, юнга, пока мы не встретим идущий в Европу корабль, наш юный гость будет вашим товарищем. Играйте, бегайте! Ведь вы же еще сами в душе ребенок.

— Ваш приказ будет выполнен! — ответил я молодецки, но впервые за всю долготную службу распоряжение капитана не принесло мне обычного удовольствия.

И даже наоборот, я с тревогой предчувствовал, что меня ожидает такое испытание, какого не выпадало за всю мою полувековую карьеру на море. Но конечно, никто из нашей славной команды так никогда и не узнал об опасениях, овладевших мной в ту минуту.

— Прошу следовать за мной, — бодро сказал я, не выдавая своего мрачного настроения, и повел подопечного в экскурсию по буксиру.

— Нос... Корма... Труба... Палуба, — пояснял я на ходу. — Сделаны, между прочим, из необычайно прочного материала. Не сломать, не согнуть. Не стоит даже пытаться. А это борт. За бортом океан. Там глубоко. Больше чем с ручками. И еще. Нет, правда, таблички. Но скоро будет. «В океане злая акула». Словом, лучше не искушать судьбу, — говорил я с тонким намеком.

Но Толик будто забыл про свое намерение, пропустил мои устрашения мимо ушей и по дороге засыпал меня градом головоломных вопросов:

— А вы бы смогли определить стороны света, когда нет ни солнца, ни звезд? И компаса, конечно!..

— А как зовут рыбу, что проплыла за бортом?..

— А есть ли теперь пираты? И могут ли они взять нас на абордаж?

Мне понравилась любознательность Толика, и я объяснил, как нужно ориентироваться, не имея компаса в непогоду.

— Все дело в том, — сказал я, невольно удивляясь сам только что пришедшей мне мысли, — что тучи стараются те места на небе, где расположены солнце, луна или звезды, замазать погуще, чтобы не пробивался свет. Таким образом, на месте звезд появляются черные пятна, которые точно соответствуют рисунку созвездий. Или одно большое черное пятно, если речь идет о солнце или луне.

Я достал из кармана брюк блокнот и шариковую авторучку и для примера нарисовал черное созвездие Большой Медведицы.

— Ну, а рыба? — спросил Толик. — Вон та, что плывет рядом с нами. Ее как зовут?

— Ее зовут Гриша. Это тунец Гриша. Я помню его еще вот таким, — и я показал на свою ладонь.

— А пираты? Вы ничего не сказали про пиратов! — не унимался Толик.

— До пиратов еще очередь не дошла, — спокойно заметил я. — Так вот, что касается пиратов и прочих морских разбойников, то лично тебе следует опасаться только одного из них — матерого хулигана Пыпина.

Произнося это, я вдруг всей кожей своей, всем нутром ощутил опаляющую близость первого приключения. И точно: сейчас же с мостика донесся тревожный возглас вахтенного:

— Аврал! За кормой цунами!

Я обернулся и обомлел. За нами гналась, точно огромная злая собака, волна высотой с телевизионную башню в Останкино. Однако мне было достаточно одного-единственного взгляда, чтобы определить, что эта преследующая нас гигантская волна не имеет ни малейшего отношения к цу-

нами и даже не приходится ему дальней родственницей. Я сразу разгадал ее секрет, понял, чьих рук это дело.

Нас преследовал легкий на помине хулиган Пыпин. Еще не потеряв надежды уничтожить наш баллон, он приделал к носу несомненно похищенного судна широкий нож бульдозера и пустился за нами в погоню. По дороге от Новороссийска его морской бульдозер собрал все маленькие волны в кучу и теперь толкал перед собой высоченную волну, чтобы безжалостно обрушить ее на хрупкую палубу маленького буксира.

Итак, я уже нечаянно раскусил коварно сплетенный замысел Пыпина, для этого мне хватило одного-единственного, как я говорил, рассеянного взгляда. Но догадались ли об искусственном происхождении волны мои товарищи? Я в этом не был уверен и потому, оставив Толика на корме, побежал на мостик, чтобы совершенно случайно попасть на глаза капитану.

Капитан в это время тревожно вглядывался в бинокль, безуспешно пытаясь отыскать причину столь внезапного появления водяной горы. Заметив меня, вертящегося на мостике перед самым его носом, капитан опустил бинокль и, как бы между прочим, спросил:

— Юнга, вы, кажется, что-то сказали? Говорите, не стесняйтесь. Если что-нибудь не так, мы, как старшие товарищи, вас поправим.

Я, как и положено, смущаясь, рассказал капитану о своих догадках.

— Молодец юнга! По-моему, вы нашли верное объяснение странному явлению природы. Это и вправду не что иное, как очередная проделка хулигана Пыпина. Но я опасался, что вам не удастся заметить то, что должно быть ясно с первого взгляда каждому опытному моряку, — сказал капитан и одобрительно потрепал меня по плечу.

Мое положение на судне не позволяло ему признать все, как было на самом деле.

— Ну-с, юнга, а теперь скажите, что должен сделать

капитан в такой обстановке? — лукаво спросил капитан, ценой великих усилий скрывая свою озабоченность.

— По-моему, вы должны позаботиться, чтобы в машинном отделении прибавили еще два-три узла. И тогда Пыпину за нами не угнаться. Я думаю, ему не связать и тридцати узлов, — сказал я, стараясь казаться учеником, не очень уверенно отвечающим на вопрос старого учителя.

— Что ж, это близко к истине, — кивнул капитан, с трудом подавляя вздох облегчения. — Если вы будете так же прилежны, то в скором времени из вас получится настоящий моряк.

После этого он вытащил пробку из переговорной трубы и призывно сказал в машинное отделение:

— Ну-ка, ребята, свяжите нам еще три узелка!

Наш буксир вздрогнул, словно его легонько пришпорили, и начал удаляться от водяной горы, уже катившейся за нами буквально по пятам.

Сквозь свист и брызги морской пены до нас долетел сердитый, полный безнадежности крик Пыпина:

— Значит, ты раскусил меня, Ванька, да? Опять разгадал мои планы и радуешься, да? Ну, я тебе еще покажу!

Пыпин был единственным человеком на всей земле, который упорно обращался ко мне на «ты». Уж сколько раз я терпеливо ему внушал, что это некультурно, но все мои самые добрые наставления, как правило, проходили мимо его ушей. Но я был человеком не гордым и, забыв про грубость Пыпина, радовался вместе с капитаном, потому что нам удалось спасти от такого матерого хулигана драгоценный груз, предназначенный для туапсинских ребят.

Но вскоре, когда наша радость чуть-чуть улеглась, мы заметили, что исполинский водяной вал снова настигает наш буксир. И снова до нас донесся ликующий голос хулигана.

— Ага, попались! Ха-ха! От меня не уйдешь! — торжествовал Пыпин на весь Атлантический океан.

Капитан по молодости решил, что в расчеты его юнги

в конце концов каким-то чудом вкралась ошибка, и изумленно взглянул в мою сторону. Но у меня и теперь не оставалось сомнений, что ленивый и не любивший трудиться Пыпин не смог навязать столько узлов. Здесь было замешано что-то другое.

Но у меня уже не было времени заниматься загадкой, которую задал нам Пыпин. Неумолимая водяная стена находилась всего в двух шагах от кормы нашего крошечного судна. Еще мгновение — и она бы вдребезги разнесла буксир.

Не теряя времени, я бросился на корму и в тот момент, когда вал подступил почти вплотную к буксиру, вытянул руки и придержал ладонями катящийся вал.

Это длилось долю секунды, а в следующую долю много-тонная стена шутя преодолела бы мое сопротивление и рухнула на корабль, но капитан уже понял мой маневр и зычно крикнул в мегафон:

— Свистать всех наверх!

Мои товарищи, поспешившие на зов капитана, тотчас заняли место рядом со мной, и нам, сложив свои усилия, удалось удержать вал на месте. Он неподвижно застыл между нашей кормой и бульдозером Пыпина. Через прозрачную зеленоватую стенку воды было видно, как неистовствовал хулиган, бегал по палубе похищенного корабля, потрясая кулаками, и в бессильной ярости кричал нам:

— Отдайте мне дым! Я выпущу его в воздух! Или вы наглотаетесь у меня этой соленой морской воды!

А стена стояла, не подаваясь ни в одну, ни в другую сторону, потому что наступило равновесие сил. И тогда я вспомнил о Толике Слонове. Может быть, нам как раз не хватало его, чтобы отодвинуть громоздкий вал подальше. Но Толик, еще недавно крутившийся на корме и совавший повсюду любопытный нос, куда-то исчез. Словно сквозь палубу провалился.

Но на поиски мальчика у нас уже не оставалось ни минуты, нужно было срочно придумать выход из этой почти

неправдоподобной ситуации. Не могли же мы оставаться здесь целую вечность, в то время как у туапсинских детей, может быть, сломались последние игрушки, и ребята вот-вот начнут шляться по улице, попадая под ее разлагающее влияние.

Но как найти этот спасительный выход? Наше положение было просто безнадежным. И вдруг, когда казалось, что все потеряно, меня озарило! Я взял пожарный багор, подпер им стенку вместо себя, чтобы не ощущалось мое отсутствие, и, разувшись, незаметно прыгнул за борт. Уйдя под воду, я подплыл к стенке с противоположной стороны, осторожно подрыл ее основание и так же незаметно вернулся на буксир.

А в это время на поверхности произошли очень важные события. Пока меня не было, Пыпин залез на гребень водяного вала и теперь с ножницами в зубах пробирался, балансируя на кружевах пены, к тросу, на котором держался наш баллон. Мои товарищи с ужасом следили за каждым его шагом. И можно представить их горе, когда они вдобавок ко всему обнаружили мое отсутствие. Но зато абсолютно неописуемой была их радость, едва над фальшбортом появилась моя мокрая борода.

Я шепнул несколько загадочных (даже для себя) слов на ухо боцману и занял свое место у стены.

— Сколько я перевидал юнг на своем веку, а такого смышленного еще не встречал, — сказал боцман, удивленно покачав головой, и, набрав в могучую грудь побольше воздуха, зычно гаркнул: — А ну, братцы, нажмем! Раз, два, взяли!

Мы поплевали на ладони и навалились на водную громаду плечами. И в тот самый момент, когда Пыпин, встав на носки, уже тянулся с ножницами к тросу, вал с шумом рухнул на его морской бульдозер и подмял под себя. А сам хулиган с криком «Спасите, я утону, я не умею плавать!» полетел вниз и скрылся среди сверкающих столбов воды и облака брызг.

Разувшись на этот раз вторично, я бросился в океан и резво поплыл к Пыпину, бултыхающемуся в воде.

— Зачем же вы нас обманываете? — спросил я, добравшись до терпящего бедствие. — Ведь у вас по плаванию третий разряд. Вы получили его лет пятьдесят тому назад, когда были еще юным и сильным.

— Я нарочно, — признался Пыпин. — Мне очень нужно пробраться на ваш буксир. А иначе бы вы меня ни за что не подобрали. Предоставили бы плыть к своему кораблю.

Морской бульдозер уже отряхнул с себя тонны воды и добродушно покачивался неподалеку от нас с Пыпиным.

Признание хулигана не сулило нам ничего хорошего, но все-таки меня тронула его прямота — родная сестра честности. Значит, он не такой пропащий, этот ужасный Пыпин.

— Только дайте честное слово, что вы даже пальцем не притронетесь к нашему баллону, — сказал я, плавая вокруг хулигана.

— Ну уж сразу и честное слово, как что — сразу клянись, — искренне обиделся Пыпин. — А без этого разве нельзя? Разве нельзя по-свойски? На простом доверии?

— С вами нельзя, — сказал я виновато. — Уж очень ценный груз везем. Рисковать не имеем права.

— Ладно, на этот раз даю честное слово, — пообещал Пыпин, тяжело вздохнув, и сварливо уточнил: — Но только на один раз. Понятно?

Пока мы добирались до нашего судна, мои товарищи успели взять морской бульдозер на буксир, чтобы впоследствии вернуть его растяпистой команде.

Я помог Пыпину забраться на судно. Хулиган окинул буксир оценивающим взглядом и заметил Толика Слонова.

— Вот видишь: мы встретились, — сказал Пыпин мальчику, почему-то торжествуя.

— Это еще ничего не значит, — уклончиво ответил мальчик.

— Ну так уж и ничего? Ведь ты здесь без спроса? Без

спроса, да? — не унимался Пыпин. — Ну как же ты сюда попал?

Мальчик покраснел и упрямо сказал:

— Это секрет.

Я тогда не придал значения их диалогу. Меня мучила другая загадка, более важная в этот момент. Я отвел Пыпина в сторону и, сгорая от любопытства, спросил:

— Скажите, Пыпин, неужели вы связали сорок узлов?

— Да чтобы я занимался такой работой? — оскорбился Пыпин. — Да мне стоит связать штук десять, и уже хочется спать. А ты сразу — сорок!

— Но как же вам удалось настичь наш буксир? Ведь это самое быстроходное судно в мире!

— Откуда я знаю? Я думать не люблю, — ответил Пыпин, отжимая мокрую футболку.

Но загадка лишила меня покоя. Раздумывая над странным происшествием, я машинально спустился в трюм, и вдруг мой рассеянный взгляд наткнулся на дюжину развязанных узлов, неумело припрятанных за бочкой.

По лабиринтам моих извилин со скоростью курьерского поезда пронеслась догадка. Так вот почему нам не удалось уйти от Пыпина! Какой-то таинственный вредитель, проникнув незаметно в машинное отделение, распустил двенадцать узлов, чтобы снизить скорость нашего буксира.

«Но кто это мог сделать? — с горечью подумал я. — Неужели в нашей прославленной команде завелся изменник, тайный агент хулигана Пыпина?»

Перед моим мысленным взором, точно на киноэкране маленького сельского клуба, прошли мужественные и честные лица моих старших (по должности) товарищей, с которыми было сделано столько рейсов из Новороссийска в Туапсе и обратно. И ни один из членов команды не вызвал у меня ни капли сомнения. С каждым из них я был готов снова пройти по нашему полному испытаний маршруту.

И все же кто-то скрытно от всех спустился в машинное отделение и развязал узлы.

Терзаясь загадкой, я медленно поднялся на палубу, и тут меня окликнул матрос Костя.

— А я вас ищу, — сказал Костя. — Вам нужно как можно скорей случайно заглянуть в каюту капитана.

— Извините, капитан, — сказал я, переступая порог каюты, — я торопился на камбуз, но ошибся дверью и вот угодил прямо к вам.

— А, юнга, — будто бы удивился капитан, отдохавший на диване. — Ну, заходите, если вы уж здесь. Кстати, если желаете, можете прочесть радиogramму из Новороссийска. Я забыл ее вон там, на столе. Привыкайте! Когда-нибудь и вам придется читать служебные радиogramмы.

Он произнес это как бы между прочим, небрежно. Ему, как и остальным членам нашего экипажа, приходилось делать невероятные усилия, чтобы не прорывалось наружу его огромное уважение ко мне. Я — юнга, и этим все сказано!

Я подошел к письменному столу, стоявшему в углу капитанской каюты, взял бланк с текстом радиogramмы и прочитал:

БОРТ СЛАВНОГО БУКСИРА «ПЕРЕПЕЛКИНО» КАПИТАНУ ЛИЧНО БЛАГОДАРИМ ЗА ИЗВЕСТИЕ О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ УЧЕНИКА ШКОЛЫ НОМЕР ЧЕТЫРЕ ГОРОДА НОВОРОССИЙСКА АНАТОЛИЯ СЛОНОВА СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ СЛОНОВ ПРОПАЛ САМЫМ НЕОБЪЯСНИМЫМ ОБРАЗОМ ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ ДО ЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МАЛЬЧИКА ВИДЕЛА УЧЕНИЦА АНТОНИНА КОЗЛОВА ПРОИСШЕСТВИЕ СЛУЧИЛОСЬ ВО СТОЛЬКО-ТО ЧАСОВ ТАКОГО-ТО ЧИСЛА ТАКОГО-ТО МЕСЯЦА С ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИМ ПРИВЕТОМ ЗАВЕДУЮЩИЙ ГОРОДСКИМ ОТДЕЛОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Именно в тот день, о котором говорилось в радиogramме, через час после происшествия мы нашли Толика Слонова у себя на буксире.

— Как видите, ничего секретного. Рядовая открытая радиogramма. И я показал ее просто так, — сказал капитан, подавляя рвущееся наружу волнение.

Он с нетерпением ждал, что скажет юнга.

— В самом деле, капитан, в радиограмме нет ничего особенного, — ответил я, придавая своему голосу оттенок легкого разочарования. — Подумаешь, из одной из школ крупного портового города Новороссийска исчез ученик. А теперь он нашелся. И мало ли как Толик мог попасть на буксир? Мальчишки — народ очень ловкий! И я надеюсь, вы не очень будете меня ругать, если я ошибусь опять и перепутаю камбуз с вашей каютой? — добавил я, возвращая на столик листок с радиограммой.

— Ошибайтесь, юнга, не бойтесь ошибок. От этого не застрахованы даже капитаны, адмиралы и сами морские министры. А для юнги иногда делать ошибки даже полезно. И когда вы полагаете попасть ко мне ненароком в следующий раз? Нельзя ли узнать хотя бы приблизительно? — спросил капитан с живой заинтересованностью.

Я пообещал сделать это как можно скорее.

Словом, окажись в это время в каюте третье лицо, оно бы не нашло ни малейшего изъяна в нашей беседе. Мы держались так, как и положено капитану известного корабля и человеку, который является всего лишь юнгой.

Выйдя из капитанской каюты, я побежал прямо на ют, надеясь найти там Толика и потолковать с ним по душам. Пока нам неизвестен способ его передвижения в пространстве, мальчик может в любой момент убежать с корабля, как бы внимательно мы ни следили за ним.

Толик, к моему удивлению, словно специально ждал меня на юте. Он лежал на животе, подставив маленькую мускулистую спину лучам солнца.

Рядом с ним сидел, обнаженный по пояс, мой закоренелый противник Пыпин и, грея на солнце жилистый белый торс, поучал:

— А почему ты должен слушаться Ваньку? Что это такое? Дома слушайся отца и мать и, понимаешь, школу. А здесь хочет командовать этот. Да кто он такой? Юнга — вот и всего! А юнга не может считаться взрослым!

Неподалеку от нас, метрах в десяти, прошел белый электроход с туристами. На палубе гремела музыка, пассажиры купались в бассейне, играли в настольный теннис, гуляли в модных костюмах.

Когда электроход пронесся мимо и шум его винтов затих вдали, Толик живо спросил:

— Дядя Пыпин, а почему вы выбрали для своих безобразий какой-то невзрачный буксир? Пассажирский лайнер гораздо больше, и на нем тысячи туристов.

— Видишь ли, цель их недостаточно гуманна. Сейчас они главным образом заботятся о своем отдыхе. И значит, они недостойны моего внимания, — высокомерно произнес Пыпин.

— А самый достойный юнга Иван Иваныч?! — воскликнул догадливо Толик.

— Ну, с ним-то у меня особые счеты, — угрюмо буркнул старый хулиган.

Увидев меня, Пыпин повалился на спину, закрыл глаза и захрапел, притворяясь спящим.

И хотя я обычно двигаюсь легко и бесшумно, даже бесшумней кошки, Толик почувствовал мое присутствие и задиристо спросил, подняв голову:

— Юнга, вы что-то хотели сказать?

— Хотел, но, признаться, уже позабыл, — сказал я, покосившись на Пыпина.

Я еще не имел ни малейшего представления о тайне, окружавшей Толика Слонова. Но чутье шепнуло мне, что, если Пыпин ее узнает, быть большой беде. Я решил пока уклониться от разговора.

— Чего же молчишь? А ты постарайся, постарайся вспомнить, — сказал мне Пыпин, не поднимая век. — Не бойся, я ведь сплю как убитый.

Я понял, что Пыпин уже что-то заподозрил, и, чтобы разрушить его пока еще зыбкие подозрения, молча стащил с себя просоленную морями и вылинявшую тельняшку и беззаботно устроился рядом с ними.

ГЛАВА II, в которой я и Пыпин
приближаемся с размах старом
к разгадке тайны Толика Слонова

Весь день Пыпин ходил за нами по пятам, надеясь подслушать наш разговор и открыть для себя тайну Толика, существование которой он сразу заметил своим наметанным глазом. Я, в свою очередь, боялся оставить Толика наедине с Пыпиным, опасаясь, что хулиган тут же окажет на еще духовно не окрепшего мальчика свое дурное влияние. И точно: стоило мне все-таки отлучиться всего на две минуты, чтобы нечаянно натолкнуть штурмана на одну очень важную мысль, как, вернувшись, я увидел, что Пыпин снова нашептывает на ухо Толику что-то обольщающее. А мой острый слух позволил мне разобрать слова, произнесенные Пыпиным.

— Неверь мне как твоему верному другу, Толик, не давай никогда честного слова. Его изобрели нехорошие, злые люди, чтобы лишить нас свободы, — шептал хулиган, вожаденно поглядывая на баллон с дымом, парящий высоко за нашей кормой.

При моем появлении Пыпин напустил на себя вид, будто его волнует совсем иное, и закричал, глядя на пролетающего мимо альбатроса:

— Смотри, Толик, какая чайка летит!

Я знал этого альбатроса. Его звали Димой. Мы каждый раз встречали его, когда проходили в этих широтах.

— Это не чайка. Альбатрос! — засмеялся Толик, заметив, к моему облегчению, невежество Пыпина.

— Я и хотел сказать: альбатрос, — начал изворачиваться хулиган. — А вообще-то, кому нужна эта зоология? Какая разница: чайка или альбатрос? — Но тут он вспомнил о моем присутствии и прервал свою растленную пропаганду.

Поздно вечером мы все втроем отправились спать в куб-

рик. Я долго лежал, затаившись в темноте, чувствуя, что ночью должно что-то случиться. И вдруг до меня донесся шепот Толика:

— Иван Иванович, вы спите?

И тут я оплошал, чего со мной почти никогда не бывает, и вместо того, чтобы притвориться спящим, опрометчиво сказал:

— Да вот не спится что-то.

— А вы, дядя Пыпин?

Я понимал, что хулиган уж ни за что не позволит себе такой обидный просчет, какой допустил я. Но Толик и его застал врасплох, и Пыпин тоже сказал:

— И мне что-то сон не идет. Все вспоминаю одну очень милую подворотню. Тьма там стоит, хулигань — не хочу.

— А я думал, вы спите, — разочарованно произнес Толик.

И тогда мы с Пыпиным дружно захрапели. Каждый из нас старался храпеть громче другого, и вскоре между нами даже установилось соревнование.

— Хрр... пш, — говорил я, что означало: «Я сплю очень крепко».

— Хрр... чучу, — говорил Пыпин, и это в переводе на язык бодрствующих звучало так: «Я сплю еще крепче».

Тогда я возразил:

— Хрр... Хрр... Хрр... — то есть: «Крепче все-таки сплю я».

— Нет, хрр... нет, хрр... — отвечал Пыпин.

Мы увлеклись этой жаркой дискуссией и не заметили, как Толик слез со своей подвесной койки и выскользнул за дверь. Я, как и следовало ожидать, опомнился первым и, записав свой храп на кассетный магнитофон, оказавшийся совершенно кстати у меня под рукой, оставил аппарат включенным и тоже выскользнул из кубрика.

Я осмотрел всю палубу, но на палубе никого, кроме вахтенных, не было. Заметив меня, один из вахтенных шепнул другому:

— Видишь? Юнга уже ушел с головой в какое-то приключение. Ах, как я завидую юнгам!

— Тсс, — предостерег его другой, — вспугнешь приключение. Может, и нам что-нибудь перепадет.

Обыскав палубу, я спустился в трюм и услышал непонятные скребущие звуки. Кто-то невидимый упрямо буравил дно нашего ни в чем не повинного буксира. Я включил электрический свет, нажав на выключатель, расположенный у входа в трюм, и увидел Толика Слонова. Он сидел на корточках и, высунув от усердия кончик языка, сверлил беззащитное дно острым штопором, который обычно лежал на камбузе у повара под рукой.

— Ты что делаешь? — воскликнул я, бросаясь к нему и отбирая у своевольного мальчишки штопор.

— А разве вы не видите сами? Я делаю большую пробоину, — спокойно сообщил Толик.

— Большую? Ну-ка, покажи, какого размера ты хотел сделать пробоину? — сказал я, возвращая ему на время штопор.

Толик очертил на дне квадрат, и я понял, что мы все находились перед лицом страшной опасности.

— Не окажись я совершенно случайно, и судно могло бы пойти на дно, — сказал я, снова отбирая штопор.

— А я только этого и добивался, — признался Толик Слонов. — А то что же получается? Я уже несколько дней у вас на борту, и до сих пор никаких происшествий? Я моря не видел года четыре.

— Как это понимать? — спросил я. — Ты живешь в Новороссийске, учишься в школе и четыре года не видел моря?

— Ну, это у меня такая присказка. Я часто так говорю, — пояснил Толик Слонов.

— Запомни, Слонов, — сказал я. — Настоящие путешественники сами не лезут в беду и тем более не создают ее собственными руками. Они только идут к Великой Цели, а опасности сами то и дело возникают у них на пути. Если

Цель действительно Великая, то, не беспокойся, опасностей будет хоть отбавляй. Нужно только немного набраться терпения.

— Ну, вы совсем как на уроках в школе. Это можно, а это нельзя, — пожаловался мальчик. — А я, может, ждать не могу? А у меня, может, мало времени? Каникулы, и только, а там снова учебный год! Нет, лично я ждать не буду. И моя Великая Цель как раз и заключается в том, чтобы встретить как можно больше опасностей и потом прославиться на весь наш дом тем, что я их все преодолел, — упрямо сказал Толик.

Я и сам подумал: «Действительно, вот уже какой день мы в дороге — и ни одного приключения. Почему они задержались — и стихия, и всякие роковые случайности? Что с ними стряслось?» В этом было что-то предостерегающее. Но я скрыл свою тревогу и предложил:

— Ладно, пойдем на ют и там поговорим по душам, — и взял Толика под руку.

Мы повернулись, и я лично замер. На нижней ступеньке трапа стоял хулиган Пыпин.

Интуиция мне подсказала, что он подслушал наш разговор от начала до конца. Впрочем, об этом можно было легко догадаться по его лицу. Поняв, что лицо выдало его, Пыпин поспешно сказал:

— Я ничего не слышал. Я ничего не знаю. Только честное слово теперь уже ни за что не дам.

С этого часа для меня настали беспокойные дни. Узнав, что Толик жаждет опасностей, Пыпин, сам связанный честным словом по рукам, решил превратить мальчика в свое орудие и затем его руками уничтожить баллон. Стараясь воспитать мальчика в нужном ему духе, он расписывал Толику красоты жизни, протекающей в темных подворотнях, учил его грубым словам, таким, как «черт» и «дьявол», и пытался приобщить к курению табака. Но я тут же приводил поучительные примеры из собственной жизни, успешно нейтрализуя антипедагогическое влияние Пыпи-

на, и между нами то и дело вспыхивали тяжелые воспитательные бои.

— Вот до чего дожили, — ворчал Пыпин, когда мы, например, в очередной раз собирались на юте. — Ребенку хочется вывести из строя руль корабля, а ему не позволяют даже такую малость.

И при этом искоса поглядывал на Толика, проверяя: подействовали ли на мальчика его слова, или нужно усилить свои провокации.

— Пыпин, вы не правы, — стойко возражал я. — Толик, учти, дядя Пыпин не прав. Вот со мной, помнится, был случай...

И я рассказывал Толику очередную назидательную историю. Хотя мог бы просто сорвать маску с Пыпина, показать Толику его истинное лицо, открыв, что в школьные годы Пыпин учился на одни двойки и оставался на второй год. Это бы сразу разоблачило хулигана в глазах Толика Слонова. Но могло и ранить его душу. Ведь дети не должны знать, что некоторые взрослые, учась в свое время в школе, получали двойки и учитель делал им замечания за посторонние разговоры на уроке.

**ГЛАВА III, необходимая для того,
чтобы рассказчик смог предаться приятным воспоминаниям
о некоторых событиях своей удивительной молодости**

Сам я узнал этот секрет старого хулигана совершенно случайно, кстати, пятьдесят лет назад, когда совсем еще новичком впервые попал на необитаемый остров в Тихом океане.

По правде сказать, до моего появления остров был вполне обитаемым, и даже это был не остров-одиночка, а часть целого густонаселенного архипелага. Но когда меня... Впрочем, начну по порядку.

Однажды по пути из Новороссийска в Туапсе наш знаменитый буксир завернул в Каракас и скромно пришвартовался у причала. В столицу Венесуэлы в те времена съехались самые высокие люди на земле, чтобы разыграть Кубок мира по баскетболу. Толпы гигантов ходили по улицам Каракаса, вытесняя огромные массы воздуха на своем пути. Но мы ничего не знали о чемпионате, и мой первый капитан, не подозревая о приключениях, которые уже давно караулили его юнгу в двух шагах от выхода в город, опрометчиво послал меня на берег купить курительного табаку. Капитан не курил с самого детства, но традиции, существующие на флоте, требовали, чтобы он, воспользовавшись стоянкой, послал юнгу за табаком.

Получив почетное задание, я весело сбежал по трапу на набережную и, не успев вовремя затормозить, врезался в группу очень высоких людей. По воле случая по набережной в это время гуляла команда из Сан-Марино, слышшая самой рослой командой чемпионата. Заметив мое стремительное движение, вежливые великаны поспешно расступились, и я угодил в зону полного вакуума, где давление почти равнялось нулю. Одновременно со мной в зону низкого давления ворвались со всех сторон мощные потоки воздуха и закрутили меня винтом.

Потом возникший смерч оторвал мое тело от земли и на глазах у изумленных баскетболистов шонес в открытый океан. За мной сейчас же потянулся прелетающий поблизости военный истребитель, и летчик, высунувшись из кабины, пытался задержать меня за ворот пиджака, но не достиг успеха всего лишь на одну десятую миллиметра. Пальцы моего неудачливого спасителя только коснулись ткани, и самолет унес его в облака. Упрямый яшлет заложил враж и вернулся на место, но смерч уже утащил меня в неизвестном направлении.

В тот же день все радиостанции мира узнали о моем фантастическом исчезновении. Выслушав важное сообщение, жители острова, о котором я уже говорил, поняли, что меня несет в сторону, где они живут, и что их остров, как очутившийся на моем пути, должен оказаться необитаемым. Не мешкая, все его население погрузилось в пироги и отчалило к ближайшему из островов. Но там, в свою очередь, были убеждены, что именно их кусочек земли должен стать пустынным пристанищем для бедняги. То есть моим суровым приютом. Между островитянами завязался спор за почетное право именовать свой остров необитаемым. И горячие полемы уже принялись обвинять друг друга в незаслуженных претензиях, но, к счастью, у обоих народов нашлись мудрецы, и один из них, встав над бортом своей пироги, торжественно провознес: «Друзья, давайте подождем здесь, на воде. Пусть приключение само нас рассудит. Мы предоставили в его распоряжение свой остров, и тот, на который смерч опустит юнгу, и будет считаться необитаемым».

Ну, и как я уже говорил, необитаемым стал этот остров.

Смерч сбросил меня на песок у полосы прибоя и затем немощно расстаял в воздухе. А я, полежа, как и следовало, на песке, поднялся на ноги и, оглядевшись по сторонам, обнаружил то, что и ожидал, — на острове не было ни души. Предавшись отчаянию, я уже было собрался бед-

ствовать пятнадцать лет, полных одиночества, невзгод и лишений, но через два дня ретивые служаши — пивсаты принесли к моим ногам толстый пакет, перевязанный прочным шпагатом. Сверток был спалонь заклеен яркими марками и пестрел почтовыми штемпелями разных стран. Из под штемпелей и марок проглядывал адрес: «Тихий океан, необитаемый остров, юнге Ивану Ивановичу».

Некто, проживающий в далеком Туапсе, воспользовался системой ветров в качестве международной пневматической почты и послал мне заказную бандероль в грубой бумажной обертке. Прислаться, я был несколько обескуражен. Каким образом он узнал мой адрес, этот неизвестный отправитель? Ведь я, как и положено робинзону, исчез и попал на заброшенный остров, и вообще было неизвестно: жив бедняга или его больше нет на белом свете? Или, может, я вовсе не робинзон, а мне только кажется? Это предположение было убийственным! Слов нет, страдать на необитаемом острове нелегко, но еще страшней: прослыть во мнении современников бессовестным самозванцем!

Желая покоячить поскорей с мучительной загадкой, я лихорадочно, сдерживая дрожь в руках, вскрыл бандероль. Нет, все было в порядке: я имел законное право считать себя подлинным робинзоном! Это подтверждало содержимое почты. В пакете лежали дневник ученика средней школы Пыпина и послание, написанное изящным каллиграфическим почерком, в котором сразу угадывалась тонкая рука учителя черчения. «Дорогой юнга, SOS! — говорилось в письме. — Пишет Вам педсовет средней школы. Конечно, Вы сразу же спросите, как мы Вас нашли, ведь в данный момент Вы на необитаемом острове, находящемся в стороне от оживленных морских и воздушных путей. Но кто не знает широту Вашей души и ее долготу?! Мы не сразу решились прервать Ваше вынужденное одиночество, полное, как и следует, невзгод и лишений, но у нас нет другого выхода, помогите...»

Текст прерывался на самом важном месте, видимо, пед-

совету отказали душевные силы, и он не смог закончить письмо, а возможно, счел лишним дописывать до конца, полагаясь на мою пресловутую сообразительность.

Я начал листать школьный дневник, и в моих глазах зарябило от бесчисленных двоек и множества замечаний о плохом поведении незнакомого сверстника Пыпина. Несомненно, они и были причиной бедствия, которое терпел педсовет.

Подсчитав количество двоек, полученных Пыпиным, я понял, что теперь мне следует думать не о дальнейшей своей несчастной судьбе, в моей немедленной помощи нуждался совсем другой человек! Помнится, тогда я трудился всю ночь, сколачивая тримаран. Он вышел кособоким, один бок тоньше другого, и мне пришлось приделать еще два бревна... Так, каждый раз прибавляя бревна и находя недостатки в очередном маране, я собрал отличный стомаран!

Он мчался по океану и днем и ночью. Вначале я греб руками, потому что вся растительность острова ушла на стомаран и на весла не осталось даже тоненькой веточки. Затем мне в голову пришла счастливая мысль приспособить тельняшку как парус. То есть эта идея каким-то образом поселилась во мне сразу, но для ее осуществления не хватало мачты. И вот, потеряв надежду поспеть к Пыпину вовремя, я сунул натруженные руки в карманы и обнаружил в них шариковую авторучку. Это был поистине царский дар судьбы! Это была мачта! Конечно, авторучка была невелика. И если ее не хватало на основание и середину мачты, то верхушка из авторучки получилась отменная. Я написал на тельняшке магическое слово «тайна» и натянул ее как парус. И тотчас со всего света слетелись молодые, очень любознательные ветры и один за другим исчезли в моей нехитрой ловушке. Гибкие, сильные, они бились в полах и рукавах тельняшки, стараясь найти тайну, и невольно гнали стомаран в сторону Туапсе.

И тут я сгоряча совершил ошибку: желая срезать путь,

направил свое судно в Панамский канал, и оно уткнулось крайними маранами в его берега. Если бы не необходимость тотчас предаться отчаянию, я бы, наверное, от неожиданного удара вылетел на берег Панамской республики. Но я вовремя стукнул себя по лбу, говоря:

— Ну какой же ты юнга? И куда только смотрели твои глаза?

Удар кулаком, совершенный в приступе самокритики, нейтрализовал силу инерции, и я удержался на месте. А затем ко мне залетела чья-то гуляющая сообразительность. Она указала на два грузовика, бегущих по обе стороны канала, и вернулась к хозяину. Я же вместе с водителями погрузил крайние мараны в кузова и провез свое судно над Панамским каналом. При этом моим добровольным помощникам не пришлось жечь бензин. Мечущиеся в поисках тайны молодые азартные ветры по-прежнему надували парус, и он тащил стомаран и вместе с ним машины через весь перешеек.

А пока мы следовали до вод Атлантического океана, местные жители пользовались моим стомараном как мостом, переходя с берега на берег, и этот импровизированный мост сыграл существенную роль в экономическом развитии маленькой латиноамериканской страны.

Остаток путешествия прошел в изобилии разных приключений. В свободное от них время мой искусственный остров служил посадочной площадкой для уставших самолетов и местом отдыха туристов. Однажды на стомаран высадился очередной робинзон, но через день, увидев меня, извинился, прыгнул в океан и уплыл, оставив только что добытую с помощью лука шкуру оленя. Я забыл сказать, что за месяцы плавания на моем судне вырос небольшой пальмовый лес, в котором завелись птицы и небольшое количество зверей.

Но наконец наступил долгожданный день, когда на горизонте появился портовый город Туапсе, расположенный на крутых склонах гор. А через час мое судно пришварто-

вадось правым бортом к берегу, и я, пробежав через его палубу, вошел в порт. Таким образом, конструкция стомарана сократила расстояние до Туапсе. Окажись под моими ногами обычное судно, мне бы еще пришлось плыть и плыть, и, кто знает, может быть, силам, ставившим мне преграды на всем пути, удалось меня задержать именно на последнем отрезке дороги.

Но прежде чем векинуть мой добрый стомаран, я снял свою верхнюю тельняшку, извлек из нее розу ветров, и так — с розой в одной руке, с тельняшкой в другой — вступил в город Туапсе.

На берегу меня уже давно ждал педсовет школы в полном составе.

Учителя во главе с директором школы с надеждой всматривались в морскую даль, приложив к глазам козырьком ладонь.

— Где Пынии? — спросил я, дорожа каждой минутой.

— Он там, — ответил директор, указав на одну из улиц. — Но за время, пока наша посылка летела к вашему необитаемому острову, у нас произошло еще одно грозное событие. Пынии стал законченным хулиганом. Но и это не все. Он начал оказывать нездоровое «влияние улицы» на других ребят. И дети нашего города Туапсе, можно без преувеличения сказать, в опасности.

Директор мог бы этого мне не говорить. Я уже почувствовал сам, как из-за угла, на который он указывал, тянет неблагоприятным влиянием улицы. А затем кто-то заунывно, будто под шарманку, запел:

Дети, дети обоего пола,
Бросьте с папой и мамой гулять,
Изабудьте влияние школы,
Приходите, я буду влиять!

Убеду в совершенно обратном,
Что неграмотность — истинный свет!
Как приятно ходить неопрятным,
И лентяям мой братский привет!

Голос показался мне удивительно знакомым, будто я слышал его каждый день.

— Это он — Пыпин! — встревоженно воскликнул директор. — Он опять зазывает нестойких детей!

Я не медля бросился за угол и увидел паренька в оранжевой футболке и джинсах. Он стоял ко мне спиной и неловко обращаясь к окнам.

А на этом я песню кончаю,
Сочинять уже нетути сил,¹—

протянул паренек и, откашлявшись, сложил ладони рупором, закричал на весь квартал:

— Ребята, айда на улицу! Я вас кое-чему научу. Я научу вас обижать маленьких и слабых, и вы сразу почувствуете себя сильными и смелыми. Я научу вас курить окурки, и вы сразу почувствуете себя взрослыми. Я научу вас говорить неправду, и вы сразу почувствуете себя мудрыми!

И нестойкие мальчики и девочки побежали к нему со всех сторон. Потому что каждому хотелось побыстрее стать смелым и сильным, взрослым и мудрым.

— Теперь вы увидели сами, что он вытворяет, этот Пыпин! — горестно сказал директор школы.

— Да, да! Он — злейший наш враг! — печально подтвердили остальные педагоги.

Услышав их голоса, Пыпин обернулся, и я узнал его. Это был я сам! То есть это было мое плохое «я»!

Каждый из нас состоит из хорошего и плохого. И носит в себе и то и другое всю жизнь, неустанно борясь с плохим и каждодневно улучшая хорошее. И я, например, не давал своему плохому «я» никакого спуска. Стоило ему солгать или обидеть слабого, как сейчас же перед ним вырастало мое строгое, хорошее «я». И плохое «я» дни и ночи мечтало избавиться от этого контроля.

Я в ту пору готовил себя к жизни, полной бурь и кораб-

¹ Работа над песней и на самом деле так утомила не привыкшего трудиться Пыпина, что он потом целый день изнемогал от усталости.

лекрушений, кропотливо изучал в школьной библиотеке книги Вальтера Скотта, Стивенсона, Дюма и другие учебники, с нетерпением ожидая начала первой практики на кораблях.

И вот этот день наступил. Меня, как сдавшего лучше всех экзамен по «Робинзону Крузо», послали на тогда еще мало известный буксир «Перепелкино». Я прибежал в порт в последний момент и прыгнул на борт, когда судно уже отдало швартовы. Плохое «я» воспользовалось моей спешкой и застряло на пирсе. Я выскочил из него, точно из футляра. И тут же нас разделила широкая полоса воды. И все же за ним еще можно было вернуться, забрать с собой свои недостатки. Вода была теплой, а расстояние под силу любому пловцу. Но тут я временно смалодушничал, решив хоть ненадолго отдохнуть от своего плохого «я», и остался на борту. А он торчал на пирсе, не веря в легкую удачу. Его фигура долго маячила на берегу. А потом наш буксир скрылся за горизонтом.

Первое время я радовался этой неожиданной разлуке. Без плохого «я» стало меньше хлопот, и теперь все свободное время можно было посвятить совершенствованию своих положительных качеств. Но пока мы бороздили моря между Новороссийском и Туапсе, во мне родилось беспокойство о том, что за время моего отсутствия плохое «я» совсем отобьется от рук и будет сильнее второй хорошей половины. Вернувшись из бурного плавания в родной порт, я первым делом побежал в общежитие школы. Но плохой «я» там не появлялся уже целую неделю. Мне пришлось обыскать все закоулки Новороссийска — и без результата. Плохой «я» исчез.

Так мои недостатки зажили отдельной от меня самостоятельной жизнью¹.

¹ Это происшествие исчерпывающе объясняет, почему, по мнению современников, мне присущи только исключительно положительные качества, избавляя меня от необходимости в дальнейшем каждый раз подчеркивать свою простоту и скромность.

И вот мы встретились снова. Но, боже, в кого он превратился, этот «я» — плохой?! Да, теперь я был обязан вдвойне помочь исправиться Пыпину. Потому что в том, что вытворял Пыпин, была и моя вина. Но прежде мне предстояло подумать о детях города Туапсе. Избавить их от «влияния улицы».

Члены педсовета тоже заметили мое внешнее сходство с Пыпиным.

— Если бы не духовная пропасть, лежащая между вами, я подумал бы, что вы и Пыпин — одно и то же лицо, — чистосердечно признался директор школы, не подозревая, насколько он близок к истине.

Тем временем Пыпин тоже все понял и пустился наутек.

— Ну куда же вы? Остановитесь! — воззвал я к хулигану. — Разве вы меня не узнали? Это же я!

— В том-то и дело, что узнал, — ответил Пыпин, на миг оглянувшись и продолжая бежать трусцой.

— Тогда почему же вы не слушаетесь меня? — спросил я, преследуя Пыпина.

Мое удивление было вполне объяснимым: все-таки от меня удирала моя, хоть и не лучшая, половина.

— Ну да, тебя только послушайся и остановись, и мы опять превратимся в одно «я», — откликнулся Пыпин.

Я пообещал этого не делать.

— Честное слово? — не поверил Пыпин.

— Честное слово.

Пыпин остановился и недоуменно спросил:

— А тогда зачем я тебе нужен? Будешь читать мораль: это не так, то не этак, — передразнил хулиган.

— Во-первых, не похоже. А во-вторых, я постараюсь найти более тонкий подход и убедить вас своим личным примером.

— Ну, этого я не боюсь, — сказал Пыпин, облегченно вздохнув.

— Между прочим, вы можете начать прямо сейчас,

подражая моему вежливому обращению, и говорить мне «вы», — сказал я, хладнокровно пропуская его грубость мимо ушей.

— Как бы не так! — воскликнул хулиган, чувствуя себя за моим честным словом, как за каменной стеной.

А нас тем временем окружали дети, сбежавшиеся со всех концов Туапсе, и ждали, чем закончится первый раунд моего поединка с Пыпиным.

Я поднял над головой розу ветров и воскликнул:

— Ребята! Я привез вам в подарок прекрасный цветок!

Я вынул розу из рук, цветок взлетел над крышами домов, расплетаясь на удивительные ленты. Ветры весело и легко закружили под облаками, прежде чем отправиться в родные края. Один из них, самый молодой и неопытный, задел крылом за желтый шарик, который держал один мальчуган. Мальчик жалобно вскрикнул, но я подпрыгнул и в последний момент схватил кончик нитки, привязанной к шару.

— Отпустите его! Отпустите! — закричали дети. — Он очень красиво летел.

— Отпустите, — сказал хозяин шарика. — Пусть он летит куда захочет. Пусть на него посмотрят ребята в других городах. Как шарик красиво летит. А когда он устанет, он опустится кому-нибудь в руки.

— Ну, тогда, может быть, ты напишешь что-нибудь незнакомому человеку? — спросил я, доставая авторучку.

Мальчик написал на стенке шарика «Будьте счастливы!», и мы выпустили шарик в небо. Улетавший последним ветер подхватил его и унес за горы, окружавшие с суши Туапсе.

— И я бы послала шарик с письмом. Но у нас нет дыма, из которого делают шарики, — пожаловалась самая маленькая девочка и горестно вздохнула.

— Не расстраивайся, мы привезем тебе и твоим друзьям много-много дыма, — пообещал я, веря, что команда нашего буксира поддержит меня.

— Один — ноль в твою пользу. Но игра еще не закончена, — зловеще прошептал Пыпин.

— Да, Пыпин, не закончена, — услышал он мой решительный ответ. — Я буду преследовать вас по пятам. И больше не дам хулиганить!

— А мы это еще увидим, — дерзко промолвил кулиган, принимая мой вызов.

Так началось наше полувековое единоборство. С тех пор я преследовал хулигана Пыпина по пятам и на земле и в море. И однажды мы споряча забежали в русскую народную сказку. Как у нас это вышло, трудно объяснить и сейчас. Видимо, границы между реальностью и вымыслом немножечко стерлись, и мы прескочили ее на полном ходу.

— Стойте! Дальше не смей! Там сказка! — всполошились литературные критики на своей заставе. Но мы разогнались уже выше скорости звука, и...

...Вначале я даже не понял, где нахожусь. Передо мной на мрачной скале возвышался странно знакомый замок. Из его самой высокой башни слышался безутенный плач покищенной царевны. Да, да, это был пользующийся дурной славой замок Кощей Бессмертного!

Я вошел в рыцарский зал, там слышалась невидимая угрюмая музыка и резко пахло нечеловечьим духом.

Пыпин был уже тут. Он развалился в кресле-качалке и, уютно покачиваясь, курил сигарету. Будучи крайне неуклюжим, я с грохотом наткнулся на стул, но Кощей и его гость не заметили этого. Они ревниво изучали друг друга. Наконец Пыпин отбросил окурочек и провозгласил:

— Ну что же, будем считать творческий семинар злодеев открытым! — И сразу поднял скандал: — Чур, первым беру слово! И для начала прямо скажу, невзирая на лица: по старинке работаете вы, негодня из сказок! Выгляни в окно, разлюбезный Кощей, на улице вторая половина двадцатого века!

— Нет, кулиган мой тоже разлюбезный, это у вас обо мне превратное представление. А сказка нынче шагает в

ногу с наукой, — лукаво отвечал Кощей. — Вот как вы там, в реальности, живописуете секрет моего бессмертия? Мол, заключено оно в яйце. А яйцо, дескать, находится в утке, а утка в зайце и тэдэ и тэпэ. И если разбить это яйцо, я дух испущу. Не так ли? И простачки этому верят! Вот Иван-царевич сейчас утку убил, яйцо в море упало, и он за ним полез на морское дно. Не знает, дурачок, что секрет бессмертия моего совсем в другом. В обыкновенной диете! Во мне... потрогай... ну, потрогай, не бойся... ни одной жиринки нет... Во! Иван-царевич в сей момент кокнул яйцо о камень, сюда, будто на крыльях, летит, думает, нет уже Кощей!

В зал вбежал счастливый Иван-царевич и остолбенел, увидев живого Кощея. Бедняга растерянно посмотрел на две половинки куриного яйца, которые еще держал в руках, и зарыдал от досады.

Мне стало жалко и царевича, и царевну, и я лихорадочно начал думать, как бы помочь несчастным влюбленным. Мыслительный процесс в моей голове протекал настолько шумно, что Пыпин заметил меня и бросился вон из замка. И при этом забыл второпях свою спортивную сумку с конфетами, тортами и прочими сладостями, которыми он искушал детвору.

— Ну, а я займусь вами, — сказал Кощей, деловито потирая руки. — Пожалуй, прямо сейчас, не медля.

И тотчас в зал ввалился, сталкиваясь в дверях и гремя попитрами, бродячий симфонический оркестр, который потом аккомпанировал Пыпину, когда тот пытался отрезать баллон еще в Новороссийском порту.

Дирижер поспешно взмахнул палочкой.

— Три! Четыре!.. Зловеще... зловеще... ещэ зловещей!.. Совсем ужасно!..

— Делай со мной что хочешь, — обреченно ответил царевич Кощею. — Столько потрачено сил, и все впустую!

А я горько пожалел о том, что мне так и не удалось перевоспитать хулигана Пыпина и тем самым искупить

вину перед семьей и школой. И после моего таинственного исчезновения самый строгий завуч скажет на первом же педсовете: «Так, так! Свалил на нас свои недостатки и скрылся! Хорош гусь! Этот Иван Иванович!» И еще мне было очень обидно за сказку, в которой нечаянно очутился. У всех сказок счастливый конец, а у этой финал будет печальным. Неужели люди до сих пор ошибались, считая, что сказки всегда заканчиваются для положительных героев только хорошо?

— А в этой сумке что? Ну-ка, ты, юнга, подай ее сюда! — приказал Кощей, сгорая от любопытства.

Я протянул Бессмертному сумку, он торопливо расстегнул молнию и в ужасе воскликнул:

— Проклятье! Это же сладкое, оно полнит!

Не совладав со страшным соблазном, Кощей жадно схватил огромный кусок торта, запихнул его в рот и мгновенно скончался от сильного ожирения.

Царевич сейчас же помчался в башню, где томилась царевна, я пошел искать своего хулигана, радуясь за людей. Они не ошиблись, и у сказки о царевиче и царевне был счастливый конец. А Пыпин, узнав о том, что явился причиной радостного конца, сильно огорчился и, оправдываясь, говорил:

— Невольно помог, невольно...

ГЛАВА IV, в которой юнга все-таки терпит временное поражение, и после этого события совершают резкий поворот в другую сторону

Наш буксир тем временем весело летел по волнам в сторону Мыса Горн. Погода в эти дни стояла подозрительно ясная — солнце не покидало чистого неба даже ночью, ласкало нас, стараясь и так и сяк усыпить нашу бдительность. С ним в створе находилось море. Оно сияло синими красками всевозможных оттенков. Над палубой, словно над лесной лужайкой, порхали летающие рыбки. И даже Морской ящер — чудовище, о существовании которого спорили ученые и признали, что его нет, — и тот решил внести свою лепту в создание этой идиллии, поднялся из океанских глубин и позволил себя сфотографировать как бесспорный научный факт. Я уж не говорю о дельфинах. Эти загадочные существа эскортировали нас, сменяя друг друга. И баллон доверчиво бежал за нами, как большая добродушная собака.

Но наша команда была начеку. Каждый из нас усвоил еще с пеленок мою престую матросскую заповедь: «Хорошая погода существует для того, чтобы скрыть приближение шторма, который, в свою очередь, существует для того, чтобы скрыть приближение хорошей погоды. А если ты не будешь готов к этому, хорошая погода застанет тебя врасплох. Поэтому во время ясной погоды готовься к шторму. Во время шторма готовься к продуктивному отдыху».

И теперь, невзирая на жару, вся команда ходила в толстые непромокаемых зюйдвестках, набросив на головы капюшоны, и высоких резиновых сапогах. Каждый матрос был наготове, чтобы в любую минуту включиться в азартный аврал.

И только я оставался беспечным, разгуливал в тельняшке, в засученных до колен штанах и босой, потому что на меня-то, как на совсем еще желторотого моряка, шторм

должен свалиться совершенно неожиданно. Сбить с ног и, если нужно, смыть за борт.

А пока шторм исподтишка подбирался к буксиру, мы втроем гуляли по палубе, точно неразлучные друзья, — Пыпин, Толик и я.

И когда неподалеку от нас из воды показывалась темная лоснящаяся спина кита, Толик с тайной надеждой вскрикивал:

— Смотрите, там риф!

— Это кит Тимофей, — отвечал я, успокаивая мальчика.

— Трудно было разок солгать? Жалко, что ли? — желчно бормотал Пыпин.

— Трудно, очень трудно, — честно признался я. — Понимаете, мне под силу говорить только чистую правду.

И отчаивался из-за того, что ему-то, Пыпину, солгать ничего не стоило. Вот уже целых полвека я пытаюсь увлечь Пыпина своим личным заразительным примером, но ветеран улиц и подворотен, вместо того чтобы подражать моим скромным благородным поступкам, с каждым годом доставляет все больше хлопот. То подобьет мальчика-индейца съесть без спроса матери банку варенья, то научит девочку с острова Пасхи, и она, закапризничав, откажется пить кипяченое молоко. У меня уже не осталось времени на другие приключения, я едва успеваю спасать детей всех пяти континентов от его дурного влияния.

— А вам, Пыпин, не мешает подумать, почему я говорю только сущую правду, — твердо сказал я.

С каким бы удовольствием я тоже солгал хотя бы разок. Ну, не в прямом смысле слова, а хотя бы немножко преувеличил или преуменьшил, что ли. В общем, слегка-слегка отступил от того, как было на самом деле. Но мне, по твердым представлениям окружающих, были чужды даже такие мизерные простительные слабости. И вот приходится стараться, дабы не подвести тех, кто это придумал.

И все-таки неугомонный мальчик нашел рифы для на-

шего корабля. Только увидел он их не в океане, а на... Но рассказ любит последовательность, и поэтому не стоит забегать вперед.

Итак, пока мы с Пыпиным соревновались, кто раньше узнает тайну Толика, сам загадочный мальчик заинтересовался штурманом Федей. Он сделал это очень осторожно, скрытно от нас, и мы, неотступно следуя за Толиком, даже не замечали, когда находились вместе с ним в штурманской рубке. Мальчик, как я догадываюсь теперь, старался завоевать доверие штурмана. А мы с Пыпиным тогда, не подозревая об этом, не сводили друг с друга бдительных глаз.

Покорив сердце штурмана, Толик приступил к исполнению своего дьявольского плана, и однажды, когда наша троица загорала на юте, перевел и мои, и Пыпина биологические часы на двенадцать часов вперед.

Я лежал на животе, глядя в сторону Пыпина, карауля каждое его движение, и рассеянно думал: «Что это Толик проделывает с Пыпиным?»

А затем ловкий мальчик переполз на четвереньках ко мне, и я краем уха услышал, как где-то внутри, под моими лопатками, что-то несколько раз повернулось вокруг своей оси.

«Будто стрелки часов перевели», — промелькнуло в моей голове. Но у меня не было ни секундошки времени, чтобы отвлечься и посмотреть, что же там делает Толик Слонов. Я опасался, что именно в этот момент Пыпин, оказавшись без присмотра, первым узнает тайну, за которой мы оба охотились уже который день. И я так и не повернул головы.

А потом со мной началось что-то неладное. Солнце еще стояло в зените, а меня уже потянуло в сон. Пыпин тоже зевал и таращил глаза, стараясь продрать слипающиеся веки.

Толик укачивал нас поочередно и пел колыбельную песню собственного сочинения:

**Баю-баюшки-баю,
Не ложися на корму,
Приплывет барракуда
И достанет оттуда!**

Толик намекал, чтобы я и Пыпин перебрались в кубрик, развязав ему руки для действия. Но у нас уже не было сил подняться на ноги, и мы сладко уснули здесь же на корме.

Я не люблю фантазировать, предпочитая рассказывать о том, что было на самом деле. Но если бы я призвал на помощь все свое богатое воображение, мне бы все равно не удалось нарисовать картину катастрофы, которая могла обрушиться на наш отважный, но хрупкий буксир, не оставившись мои биологические часы. Что с ними произошло — лопнула ли пружина, или одно колесико зацепилось за другое, — не знаю. Однако через пять минут сна я открыл глаза и обнаружил, что обстановка резко изменилась. Судно терзал ураган силой в тринадцать баллов. Он поднимал буксир на гребни огромных волн и бросал его в бездонную мрачную пропасть. Все окружала плотная серая мгла, скрывавшая от меня даже кончик моего собственного носа. Но все же мне удалось разглядеть мирно посапывающего Пыпина. Его биологические часы тикали как ни в чем не бывало, показывая глубокую ночь. Я понял, что моим главным противником именно в этом начинающемся приключении будет кто-то другой, и поискал глазами Толика Слонова. Но мальчик уже исчез во мгле.

Я бросился на его поиски, натываясь на членов команды. Мои славные товарищи, раздевшись до плавок, действительно готовились к ясным безоблачным дням, помня о том, что погода коварна. Что теперь в любой момент на смену буре могут прийти солнце и штиль. Они весело кричали надстройки любимого судна и, конечно, видели проходящего мальчика. Но никто не знал, что судну угрожает какая-то еще неведомая опасность, а я не мог им об этом

сказать, потому что это были всего лишь догадки юнги, и опытные моряки просто были обязаны поднять меня на смех.

Как всегда, я положился на свою интуицию, и она привела меня в штурманскую рубку. Заглянув в дверь, я увидел стол, на котором лежала карта, и штурмана, прокладывающего курс. Для того чтобы были видны все мельчайшие островки, мели и рифы, Федя держал перед глазами сильный морекой бинокль и разглядывал через окуляры район океана, по которому в это время плыл наш буксир.

Но того, кого я искал, в рубке не было. Интуиция моя заметалась, заскулила, как ищейка, потерявшая след. Я, признаться, удивился ее промашке. До сих пор она не ошибалась и вот теперь выкинула номер — привела меня не туда, куда нужно.

Я мысленно пожурил ее и простил на первый раз. Она благодарно лизнула мою руку. В общем-то, мне от этого не стало легче. Приключение уже было в разгаре, а я еще точно не знал, кто мой противник и свое место в приключении. «На бак, что ли, сбегать?» — подумал я и собрался было отправиться на бак, но тут штурман Федя оторвался от карты, подошел к матросу Косте, стоявшему у руля, и из-под стола вылез Толик Слонов.

Интуиция обиженно зарычала на мальчишка, но я предостерегающе шепнул ей «тсс...», и она послушно прилегла у моих ног.

А маленький авантюрист быстро схватил карандаш и линейку, провел на карте черту и незаметно выскочил из рубки.

Интуиция потянула меня за рукав, предлагая последовать за Толиком Слоновым. «Сегодня с тобой что-то неладное, — мысленно сказал я ей. — Теперь ты опережаешь события. Неужели ты не чувствуешь, что мне следует подождать? И хорош я буду, если штурман заметит на карте чужую руку и окажется, что пределка Толика и начав-

шееса приключение не имеют между собой ничего общего».

Интуиция виновато опустила голову, а ободряюще хлопал ее по холке, и мы стали ждать, что будет дальше.

Постояв некоторое время спиной к столу, штурман Федя повернулся, подошел к карте и, бросив на нее взгляд, крикнул Косте:

— Поворот двадцать градусов!

«Пора!» — подумал я и выбежал вон из рубки.

Будь на моем месте хотя бы младший матрос, он бы предостерег штурмана. Но юнге еще рано было разбираться в премудростях навигации. И потому он не мог знать, что странный мальчик, вдруг найденный на буксире, положил курс прямо на рифы. Но зато юнга мог вовремя заметить рифы, потому что у него были самые молодые и зоркие глаза.

И я, выбежав на палубу, первым делом воспользовался этим правом — сразу увидел острые грозные рифы, выступавшие из пучины под самым носом нашего буксира.

— Прямо по курсу рифы! — крикнул я капитану, стоявшему на мостике.

— Спасибо, юнга! Ваш случайно брошенный взгляд спас наш буксир от неминуемой гибели, — похвалил меня капитан и скомандовал:

— Право руля!

Но тут же появился боцман и доложил:

— Капитан, стоило вам подать команду, и руль сразу вышел из строя!

— Тогда мы погибли, — мужественно заметил капитан и посмотрел на меня с тайной надеждой.

Самообладание и законы приключений не позволяли ему сказать прямо: «Юнга, пусть вам в голову побыстрее придет дерзкая идея, которая поможет спасти наше старое доброе судно. Ведь вы по штату самый проворный, находчивый из нас».

Я и сам знал, что только мне под силу спасти команду

и буксир. И до сих пор у меня это каждый раз каким-то непонятным образом получалось.

Но теперь обстановка оказалась такой безнадежной, что даже я бы показался полным безумцем, если бы попытался искать пути к нашему спасению.

Капитан и сгрудившаяся вокруг него команда прочитали это на моем грустном лице и приготовились встретить гибель, как и подобает мужественным морякам. И только мальчишка — главный виновник — бегал по судну и счастливо кричал:

— И уже ничего нельзя сделать! Ура! Ну-ка, волна, ударь посильнее!

И, словно услышав его просьбу, огромная, жуткая волна растолкала своих меньших сестер, подхватила буксир и, раскачав его взад-вперед, чтобы удар вышел сильней, понесла на острые угрюмые скалы, торчавшие из воды.

Я смотрел на приближающиеся страшные рифы и с печалью думал о туапсинской детворе, которая ждет не дождется нас с запасом дыма.

И вдруг мне в голову пришла отчаянная мысль.

«А что, если... — сказал я себе. — Рифы, они же не сплошные. Они, как и мы, состоят из молекул. А между молекулами всегда есть небольшие пустоты. И если направить судно так, чтобы наши молекулы как раз прошли через эти пустоты?»

— Прошу всех замереть на местах! — крикнул я звонким юношеским голосом и направил наши молекулы — и корабля, и членов команды — в пустоты, намеченные мною в рифах.

Мы прошли сквозь грозные скалы, точно нож сквозь растаявшее сливочное масло. Когда рифы остались за кормой, я вернул руль матросу Косте и огляделся. Все мои товарищи стояли на своих местах, живые и невредимые. Даже явившийся в последний момент Пыпин и тот замер там, где его застала моя просьба. Такое с ним случилось

впервые с тех пор, как мы человека зазад случайно расстались на пирсе Новороссийска.

И все же кого-то не хватало. Я бросил взгляд за корму и увидел Толика Слопова, держащегося обеими руками за гребень рифа. Мне сразу же стало ясно, что произошло. Вопреки моей просьбе непослушный мальчишка продолжал бегать по палубе, и одна из его молекул зацепилась за молекулы скалы.

Но рассуждать было некогда. На мальчика надвигалась та самая ненасытная волна, которая только что пыталась разбить наш буксир о рифы. Потерпев неудачу, она повернула назад, намереваясь выместить на Толике всю свою неперасходованную ярость. Поэтому я, не раздумывая, бросился в океан и выхватил его у волны перед самым ее носом. Мы укрывшись за противоположной стороной скалы, и волна промчалась мимо нас, как говорят, с пустыми руками. Пока разъяренный вал разворачивался, чтобы снова напасть на нас, я подхватил Толика под мышки и благополучно доставил на борт нашего славного корабля.

Когда мы ступили на палубу, к Толику подошел капитан и укоризненно сказал:

— Вот к чему приводят нелюбви. Ведь прежде всего ты мог погибнуть сам.

Я увидел за его спиной обиженное лицо штурмана Феда.

— Но ничего же не произошло? — возразил Толик капитану и штурману.

— То есть как — ничего? Ты мог утонуть, — пояснил капитан.

Толик засмеялся и сказал:

— Ну и что же? Зачем тогда путешествуют люди? Разве не ради риска и острых ощущений?

Тут даже удивился я, повывавший всякое на своем веку, в том числе и то, чего не было. Удивился тому, что такой большой мальчик до сих пор не понял, ради чего путешествуют люди.

— Кто вы, в конце концов, и как все-таки к нам попали?! — воскликнул капитан, потеряв терпение.

— Ну, если вас это очень интересует, ладно, я расскажу, — важно пообещал Толик.

К этому времени ураган, конечно, ушел. На небе появилось жаркое, ослепительное солнце, которое тотчас же высушило всех промокших.

Но ясной погоде и на этот раз не удалось застать нас врасплох. На буксире уже все было готово для отдыха. В кают-компании шумел растопленный самовар, на накрытом для чая столе вазы с конфетами и вареньем. И когда команда уселась за стол, Толик рассказал свою историю.

**Г Л А В А V, рассказанная Толиком Слоновым,
в которой он нехотя открывает тайну
своего загадочного поведения**

На второй день каникул мама сказала:

— Сынок, сходи, пожалуйста, в магазин. Купи хлеба.

«Вот они, однообразные будни нашего детства. Уроки, общественные поручения, помощь родителям по дому», — подумал я уныло, а вслух ответил небрежно:

— Как хочешь, сходить я, конечно, могу, но при этом у меня останется масса непрочитанных книг по школьной программе.

— Ну тогда, конечно, садись и читай, — забеспокоилась мама.

Я понял, что прогадал. По дороге за хлебом можно было развлечься — постучать футбольный мяч или просто поболтать с ребятами. Словом, даже ребенок из младшей группы детского сада и тот бы сообразил, что лучше сходить в магазин, чем изнывать над какой-нибудь книгой.

— Впрочем, я все перепутал, это я завтра не читал, — сказал я, будто бы спохватившись, и даже хлопнул себя по лбу — вот, мол, какой я заучившийся ребенок. — В общем, у меня есть свободное время. Распоряжайся мной как хочешь, — сказал я самоотверженно.

— Вот и хорошо! — обрадовалась мама. — Значит, купишь батон и... — Тут она тоже хлопнула себя по лбу: — Ах, я тоже забыла! Соседи ждут очень важного звонка из Антарктиды, просили, чтобы ты посидел у них дома, всего часок. А я уж сама за хлебом схожу. И знаешь, так даже будет надежней. Не то ты опять вместо хлеба купишь конфет.

Я понял, что все-таки попался. Но делать было нечего. Я стиснул зубы и поплелся к соседям.

А рядом с нами жил известный ученый, крупнейший специалист сразу по всем языкам. Только сейчас его не было дома, а дверь мне открыла его жена.

— Вот тебе коробка конфет. Садись в гостиной возле телефона, ешь конфеты и жди звонка. А я вернусь через час, — сказала она и ушла.

Я повалился в широкое старое кресло и начал скучать, поедая конфеты. Почему-то все взрослые и дети считают, будто для меня нет ничего дороже конфет. Какое заблуждение! На самом деле я ем их в большом количестве ради того, чтобы хоть как-то разнообразить свою бесцветную жизнь.

Я съел три конфеты, затем сразу две... И вдруг мое левое ухо уловило звук, странный для безлюдных комнат. Он донесся откуда-то из глубин обширной профессорской квартиры. Кто-то неумело, делая длинные паузы, стучал по клавишам пишущей машинки.

«Привидение! — подумал я. — Наконец-то на склоне моих двенадцати лет я дождался настоящего приключения!»

Я встал на цыпочки, вышел в коридор и осторожно заглянул в профессорский кабинет, где, как мне помнилось, стояла машинка. Заглянул и чуть не заплакал от досады.

В старинном кожаном кресле, стоявшем перед профессорским письменным столом, сидел белый с шоколадным оттенком спаниель Аркадий и осторожно, точно пробуя, горячо или холодно, бил передней лапой по клавишам дорожной заграничной машинки. Ударит по клавишам и тут же отдернет лапу.

— Ты что делаешь? — крикнул я, негодуя.

— Что ты сказал? — спросил пес нашим, человеческим голосом и, чтобы лучше слышать, приподнял длинное шелковистое ухо.

— Что ты делаешь, говорю? — повторил я еще грозней.

— Диссертацию печатаю. Свою, естественно, — спокойно ответил спаниель, не глядя на меня и не прекращая своего занятия. — Тема: «Кот в мировой литературе». Золотая жила для глубокого исследования. Удивляюсь, как ученые до сих пор не заметили? А ведь, кажется, на поверхности лежит, а? Вспомните: Кот в сапогах, кот Чеширский, кот Бегемот, кот Котофей, Пуша

Шуткин. Какое созвездие имен! Я уж не называю кота Базилио. Да что там, разве перечислишь все блестящие клички? О собаках тоже пишут, не спорю. Но собаки все на одно лицо — друг человека, и только! А у котов такое разнообразие характеров, лапки оближешь! Что ни кот, то характер: один — благороден. Другой — хитер. Третий — разбойник с большой дороги. Четвертый — гуманист... Да что там говорить! Вы согласны со мной?

— Не согласен, — твердо ответил я, — хотя бы уж потому, что животные не говорят на человеческом языке.

— Ах, вот что? Но вообще-то вы правы. Я понимаю ваше изумление, — задумчиво пробормотал пес и даже лапой дотронулся до лба в глубоком раздумье. — Но дело в том, что я редкое исключение. Знаете пословицу: «С кем поведешься, от того и наберешься»? Ну, конечно, знает. Так вот, я всю свою сознательную жизнь провел среди людей. Вокруг только люди! Одни только люди! Признаться, я уже прожил на свете пятнадцать лет — целый кошачий век, — но ни разу не видел другого живого существа. Кроме человека, разумеется. Я животных знаю только по Брему. Перед вами, мой юный друг, кабинетный кот. Так сказать, кот-теоретик. Всю жизнь среди фолиантов. — Тут он забылся и рассеянно продекламировал: — «...и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом». Но это не обо мне, — вздохнул Аркадий, — к сожалению. Хотя могли бы и обо мне написать.

— Да какой же вы кот? — усмехнулся я. — Вы самая типичная собака.

— Это я собака? — возмутился спаниель. — И это вы говорите мне, чуть не прочитавшему все книги мира?

Тут бы и первокласснику стало ясно, что пес до того зачитался, что перепутал все на свете. А я-то принял его за настоящее привидение!

Я сел в другое кресло и снова заскучал.

А пес провел лапой перед глазами и пояснил:

— Это я снял воображаемые очки... Таким образом,

вращаясь все время среди людей, я волей-неволей овладел их языком. Правда, пока еще не в совершенстве. Вы, наверное, обратили внимание на дефект моей речи. Да, да, я картавлю. И с орфографией у меня не все в порядке. Вчера слово «молоко» написал через «а» — «малоко»! Может, потому, что его было мало — молока? Ну, если я даже и не прав, ничего, наверстаю!

Он и в самом деле картавил, плохо выговаривал букву «р». Но как бы то ни было, этот зазнайка-пес довольно сносно говорил на человеческом языке, и с этим нельзя было ничего поделать.

А я зевал и думал: «Вот где-то люди встречаются опасности и преодолевают их, а я, смелый и сильный мальчик, сижу и слушаю собаку, которая возомнила себя котом. И так проходят мои лучшие годы».

Я даже был согласен на то, чтобы в нашем доме вдруг появился страшный хулиган Пыпин. Так мне стало обидно. Ну, чуть не до слез.

— Скучаете? — спросил участливо пес.

— Еще как! — признался я и зевнул, не удержавшись.

— А все потому, что вы пренебрегаете своим воображением. Не воображаете, а просто живете. Вот хозяйские гости говорят: «Ваш Аркадий совершенно не знает жизни». Верно, не знаю и знать не хочу. Жизнь — не интересная штука. Впрочем, это написано и на вашем лице. Сплошная скукота! Да, признаюсь, я не видел живых мышей. Ну и что? Хозяева всегда накормят. А вот воображение — это да! Оно может перенести тебя куда угодно!

— Как это? — не поверил я.

— А очень просто. Для этого нужно взять и перенестись. С помощью воображения.

— А что же ты сам никуда не перенесся? — спросил я ехидно.

— Я-то? Я... уже перенесся, — сказал пес, почему-то замямвшись.

— Да ты же здесь был всегда!

— Значит, перенесся отсюда сюда, — пробормотал он, совсем изолгавшись.

Если бы собаки умели краснеть, он наверняка зажегся бы алым пламенем. Я бы так ему и сказал, да тут затрещивил телефон на всю квартиру.

Я бросился в гостиную и снял трубку.

— Квартира профессора? — спросил чей-то вкрадчивый голос. — Ну так вот, буксир «Перепелкино», имея, как всегда, на борту юнгу Иван Ивановича и ответственный груз, уже вышел в открытое море! С приветом, Пыпин!

Я решил, что это шутка моих школьных друзей, и положил трубку, ехидно сказав:

— Спасибо за сообщение.

В другое время я бы и сам разыграл кого угодно, но сейчас мне было не до веселья. Мимо меня, можно сказать, бесцельно проходила моя собственная жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Закончив разговор, я вернулся в кабинет и, бросившись в кресло, сказал мечтательно псу:

— Вот бы и вправду попасть на буксир «Перепелкино»!

— И чего ты на буксире не видел?

— Мне крайне необходимо прославиться. Чтобы сам юнга Иван Иванович померк рядом со мной. А ты все равно не поймешь! — сказал я, отмахнувшись.

— Ну и за чем дело? Возьми и перенесись на этот буксир, — ответил пес, обижаясь.

«А что, если попробовать? — подумал я. — Терять мне все равно нечего. Даже если и не выйдет».

Пес разгадал мое намерение и напрягся, весь от влажного носа до кончика короткого хвоста.

— Ну, ну, чего же ты медлишь? — зашептал он, дрожа.

Я представил огромный многопалубный буксир в открытом море и взял и перенесся!

А вслед мне долетел ликующий голос пса:

— Получилось! Вышло!

**ГЛАВА VI, вписывающая новую страницу
в историю воздухоплавания**

Толик Слонов закончил свой рассказ, и вокруг установилась глубокая тишина. Все замерли: ждали, что скажет капитан. Ждали не только люди, но и птицы, и рыбы, слетевшиеся и приплывшие чуть ли не со всех концов океана, чтобы послушать историю Толика Слонова. Рыбы высунулись из воды, а птицы повисли над палубой, боясь пропустить хотя бы одно слово. Океан застыл, окаменел, пораженный необузданным тщеславием Толика Слонова. Кстати, я в это время выронил за борт свой перочинный нож, и тот даже не ушел на дно, а так и остался лежать в ложбинке между неподвижной зыбью. И я просто перегнулся через борт и поднял его, ничуть не отключившись от происходящего.

Однако спешил я совершенно напрасно. Все живое по-прежнему пребывало в полном оцепенении, пораженное невероятным честолюбием маленького, но явно опасного авантюриста.

Но вот наконец все пришло в движение. Птицы и рыбы, бросив на Толика негодующий взгляд, отправились по своим делам. Мои друзья-моряки озабоченно потеряли свои виски и в один голос произнесли глубокомысленное «м-да». А Пыпин потерял руки, выражая откровенную радость.

Узнав слабое место в характере мальчика, хулиган уже заранее рассматривал его как удобное орудие для своих интриг.

— Да не бойтесь, — засмеялся Толик. — Все равно бы нас выручал Иван Иванович.

— Толик, я ничего не умею. Учти это в следующий раз, — сказал я ему на ухо умоляющим шепотом.

— А сегодня сумели? — громко возразил Толик.

— Мне просто удивительно повезло, — прошептал я, боясь, что услышат остальные.

— Ну, значит, и в другой раз повезет, — уверенно ответил мальчик.

— Эх, Толик! И куда же смотрел твой класс? — спросил штурман Федя, первым нарушив молчание экипажа.

— А что класс? — загорячился мальчик. — Я им всем покажу, кто такой Толик Слонов! И мальчишкам всем, и всем девчонкам! А то: «Ты портишь нам картину успеваемости в целом», «Ты думаешь только о себе». А о ком еще думать?

— Bravo, Толик! Брависсимо! — поддержал его Пыпин, ставя, конечно, неправильное ударение в слове «брависсимо».

А я подумал, что четвертый класс, в котором учился Толик, не нашел к нему тонкого подхода. Видно, среди его одноклассниц не оказалось подходящей отличницы, сумевшей бы взять над Толиком шефство.

Тем временем молвил слово сам капитан, решивший подвести итоги нашей откровенной беседы.

— Послушай, что я скажу, мальчик, от имени всего экипажа, — озабоченно произнес капитан. — Ты можешь ввергнуть и себя, и нас, и других людей в неисчислимые беды. Потому я, как главный на судне, запрещаю тебе, пока мы не придем в ближайший порт, покидать борт нашего корабля.

Пыпин удовлетворенно хихикнул. Он понимал, что решение капитана не понравится избалованному ребенку, и тогда Толика можно будет легко привлечь на свою сторону.

И точно: на лице мальчика появилась кислая гримаса.

— Дяденька капитан, за что? — захныкал Толик.

— В самом деле, за что? — провокационно подхватил Пыпин. — Ребенку уже и поиграть нельзя?

— Я моря не видел четыре года, — продолжал сетовать Толик.

— Это у него присказка такая, — пояснил я всему экипажу.

В душе капитана завязалась мучительная борьба. На

одной стороне выступала жалость к ребенку, и он стеснялся крутых принятых мер. Достойным противником жалости был служебный долг. Он настойчиво напоминал капитану, что тот несет ответственность за судьбу мальчика и вообще за весь белый свет.

— Так и быть. Я разрешаю тебе свободу передвижения, но только под присмотром юнги, — сказал капитан, вытирая вспотевший лоб.

Это было мудрое решение. Молодой капитан мужал прямо у нас на глазах.

Но, к несчастью, в эти дни у меня выдалось много работы. Мне пришлось трижды совершенно случайно падать за борт и спасаться от морских хищников, которые уже давно, все эти пятьдесят лет, точили на меня свои зубы, шипы, пилы и молоты. Но я каждый раз проявлял исключительную находчивость и выручал себя еще задолго до подхода спасательной шлюпки. Темные хищники не знали, что, когда я летел за борт, в воде прежде меня появлялось мое отражение, которое казалось и моложе и упитаннее, чем сам оригинал. И пока они гонялись за пустым местом, мне удавалось обезоружить их поодиночке.

Лишенные средств нападения, хищники унылой оравой тащились за буксиром и умоляли меня на морском языке:

«Ванька, отдай оружие! Верни, мы больше не будем, честное слово».

В конце концов я вернул акулам зубы. Но не прежние смертоносные резцы, а безобидные вставные зубы из пластмассы. Чтобы им было чем жевать манную кашу. Потом я отдал остальным хищникам молоты и пилы, взяв у них обещание, что они сейчас же отправятся на ближайшую судоверфь, где строят деревянные баркасы, и наймутся пилить доски и забивать гвозди в обшивку рыбацких лодок.

Кроме этого, мне пришлось выполнять и другие обязанности, отведенные юнге на корабле еще со времен парусного флота. Я по неопытности выводил из строя навига-

онные приборы, продувал по просьбе бывалых матросов на камбузе макароны и выполнял массу другой крайне нужной корабельной работы. И при всем при том еще ухитрялся следить за Толиком и Пыпиным.

А у них неуклонно зрел тайный сговор. Занимаясь своей важной работой, я одним глазом наблюдал, как они в обнимку гуляют по моему родному юту и хулиган шепчет на ухо мальчику обольстительные слова, указывая рукой куда-то за горизонт. Поначалу Толик покачивал головой, не поддаваясь уговорам Пыпина. Но однажды я увидел, как доверчивый мальчик сдался и согласно кивнул.

Тогда я немедля, путем остроумных умозаклучений проник в план, составленный Пыпиным. По коварному замыслу хулигана Толик должен был бежать с буксира, не дожидаясь, пока мы придем в ближайший порт.

Разумеется, Толику ничего не стоило взять и просто перенестись в любую точку земного шара. Для этого нужно было только пренебречь запретом взрослых людей. И Пыпин подбил его на этот некрасивый шаг. Но хулиган меньше всего заботился об интересах своего маленького союзника. Он хотел использовать его побег в своих корыстных целях. И придумал для Толика свой способ бегства.

— Твой способ, конечно, удобен, — нашептывал (как я догадываюсь) мальчику Пыпин в безлюдном закоулке буксира. — Но какой интерес от такого побега? Он же, тьфу, оскорбительно прост! А ты любишь сложности. И я предлагаю тебе...

Тут он зашептал Толику в ухо что-то такое, чего не смог бы услышать даже человек с безукоризненным воображением.

И все же мне каким-то образом удалось то, что непременно бы принесло мировую славу любому сыщику или чтецу мыслей на расстоянии. Я открыл способ, с помощью которого Толик собирался тайно покинуть буксир. По плану, намеченному Пыпиным, заговорщикам следовало сплести из тростника гондолу, а роль воздушного шара отводи-

лась при этом нашему ничего не подозревающему и мирно летящему за нами баллону.

А вскоре у меня в руках оказался документ, подтверждающий мои логические выводы. Подметая палубу, я наткнулся на листок бумаги, подозрительно сложенный вчетверо. Я развернул его, и тотчас мне в глаза бросился следующий огромной важности текст:

САВИРШЕНО СИКРЕТНА!

ПЛАНТ

- 1) как тайно бижать отседова
- 2) надо бижать а то отправляют дамой
- 3) бижать на воздушном шару как в адной книшке
- 4) сплисти карзину
- 5) чур будешь ты у меня рука болит
- 6) и вообще я придумал с миня хватит

начальник этого Пыпин.

Лукаво посмеиваясь, я надежно спрятал весь тростник, имеющийся на корабле. А вскоре ко мне подошел обеспокоенный Пыпин и спросил:

— Ты, случайно, не нашел чего-нибудь подозрительного?

— Вы имеете в виду вот это? Ваш план? — Я с застенчивой улыбкой вернул Пыпину листок бумаги.

— Нас разоблачили! — воскликнул Пыпин, не скрывая досады. — А я-то думал, куда исчез весь тростник. То было хоть завались, а теперь ни тростинки!

Потерпев неудачу, заговорщики притихли. А вскоре и вовсе произошло нечто невероятное: Пыпин впервые в жизни занялся общественно полезным трудом. Забежав по делам на минутку на ют, я увидел объявление, написанное на корме: «Паликмахерская». А ниже рукой Толика Слонова было приписано: «Мужские и женские прически. Стрижка и бритье. Подправка усов».

«Ну и ну», — подивился я и, еще не смея радоваться своей педагогической победе, отправился на клотик, куда меня бывалые матросы послали за кипятком.

Забравшись с чайником на клотик, я набрал кипятку и собрался было спуститься вниз, да бросил сверху случайный взгляд на океан и увидел, что со всех сторон к корме нашего буксира стекаются киты. И океан прямо-таки кишел ими. Уже казалось, я видел все на свете, но еще никогда не приходилось наблюдать китов в таком неопишемом количестве.

«Что бы это значило?» — удивился я, что-то начиная подозревать, но еще не зная, что именно.

Спустившись с мачты, я едва не столкнулся с Толиком Слоновым. Мальчик, как угорелый, носился по судну, подавал на ют горячую воду и чистые салфетки.

— Заходите, Иван Иванович, мы вас тоже побреем! — пригласил мальчик на бегу.

— Спасибо, я бы с удовольствием. Да только где это видано, чтобы юнга брил бороду и усы? — ответил я тоже на бегу.

Так мы с ним и бегали. Я по своим морским делам, а он с горячей водой на ют. «Молодцы ребята, нашли себе занятие, нужное людям», — одобрительно думал я.

Только вот невольно пришлось мне заметить одно странное обстоятельство. Мальчик перетаскал на ют ведра горячей воды и горы чистых салфеток, но почему-то, носясь по кораблю, я не встречал ни бритых, ни стриженных.

Наконец у меня выдалась свободная секунда, я откатил на нос корабля целую бочку дифферента¹ и, переводя дух, бросил рассеянный взгляд в океан, только что сплошь

¹ Д и ф ф е р е н т — крен судна на нос или корму. В приключениях это происходит из-за того, что во время шторма груз срывается с места и собирается на носу или корме. Но чаще всего дифферент появляется из-за воды, хлынувшей в трюмный отсек. Бывалому рассказчику это, конечно, известно, но, как образцовый юнга, он добросовестно делает все, что говорят ему весельчаки матросы.

покрытый спинами китов, и обнаружил, что его воды вдруг опустели, словно по ним промчался кто-то ужасный и распугал все живое. Лишь вдали, у самой черты горизонта, поспешно удирал последний замешкавшийся голубой кит.

А через минуту дела привели меня на ют. Здесь уже все стало по-старому. Вывеску кто-то стер, а Пыпин и Толик сидели, поджав по-турецки ноги, и так двигали руками, будто плели корзину. Когда я вбежал на ют, они почему-то испугались и убрали за спины руки, но я был так поглощен работой, что в моей голове не нашлось ни одной свободной мысли, которая могла бы заняться странным поведением Пыпина и К°. Каждая из них в это время кропотливо трудилась над полученным от меня заданием.

Пока Пыпин и Толик занимались на юте чем-то похожим на плетение, мы, члены экипажа, уверенно вели свой славный буксир по безбрежным, таящим опасности просторам океана, не подозревая, что в это время за нашими спинами назревает новое приключение.

Дело в том, что у нас подобрались исключительно отважные моряки, привыкшие смотреть только вперед. «Смотри только вперед! Живи без оглядки!» — таков был девиз нашей команды. Поэтому мы никогда не интересовались тем, что происходило у нас за спиной. Разве что вдруг мне удавалось подсмотреть случайно, мимоходом, на бегу и предотвратить неприятность.

Но на этот раз и я, по причине уже известной занятости, тоже не знал, что творится позади нас. Мы, как и всегда в тихую, ясную погоду, занимались авралом, потому что в любую минуту мог обрушиться ураган небывалой силы. И он в самом деле уже собирался на горизонте, готовясь напасть на беззащитный буксир. И вот тут за секунду до первого порыва ветра, который должен был известить о начале шторма, над нами промчался воздушный шар. Мы тотчас узнали свой баллон, заполненный бесценным грузом. А из гондолы, сплетенной из китового уса, на нас

смотрел, высунувшись чуть ли не по пояс, маленький авантюрист Толик Слонов.

Ураган, заметив, что его опередили и что мы уже поглощены совсем другим приключением, отступил, умчался в иные районы низкого давления. Отступающий ветер потащил шар за собой, и вскоре баллон и гондола с Толиком исчезли за облаками.

У меня сейчас же возникло привычное желание сесть на что-нибудь и пуститься в погоню, но в этот момент на бак прибежал расстроенный Пыпин.

— Негодный мальчишка! — кричал хулиган вслед скрывающемуся шару. — Кто тебя научил обманывать старших?

— Вашу руку, Пыпин! — растроганно сказал я. — Как видите, мой личный пример уже приносит свои плоды. Безусловно, это вы подстроили бегство непослушного мальчика. Но и вы же потом поняли, как это нехорошо. И осудили поступок Толика Слонова. От души поздравляю вас с первым шагом к исправлению!

— Да при чем тут это? — ответил Пыпин с досадой. — Просто я не успел залезть в прокляту́ю корзину, как этот негодник отвязал веревку и был таков.

— Но где же вы взяли китовый ус для гондолы? — спросил я, едва скрывая свое разочарование.

— Ну, это мы проделали ловко! — И Пыпин захохотал. — Мы обрили целое стадо китов. Они-то думали, что я подравниваю усы. А я их целиком! Ножницами хватать, хватать!

Что ж, мне было известно немало бедняг, которые из-за чрезмерного стремления к франтовству становились жертвой злодея. К этому времени большие добродушные киты уже наверняка обнаружили обман, увидев свое отражение в воде, и сейчас, конечно, обескураженно пускают фонтаны где-нибудь у льдов Антарктиды. Да, усы уже не вернешь.

Но пора было позаботиться о беглеце, который мог причинить людям много хлопот, и о похищенном грузе.

Члены команды тоже были встревожены этими удивительно совпавшими событиями, но продолжали стойко заниматься своими делами, стараясь не вмешиваться в мои прямые обязанности. Потому что за приключения на любом морском или речном судне непосредственно отвечает один человек — юнга.

— Эй, возьми меня с собой, — неожиданно попросил Пыпин.

— А вам-то зачем теперь это нужно? — искренне удивился я. — Вы задумали помешать нам с доставкой груза и пока своего добились.

— Добиться-то добился. Но мне этого мало. В последнее время я решил завладеть вашим дымом, — признался Пыпин.

— Да зачем он вам? — невольно воскликнул я. — Неужели вам все-таки хочется собственноручно доставить его в Туапсе?

— Ты опять за свое? Да как только у тебя повернулся язык такое сказать?! — возмутился Пыпин. — Дым мне понадобится самому и совсем для противоположной цели. Для какой — не скажу, еще не знаю сам. Но, думаю, он мне пригодится. Для пакостей дым — верное средство! И потом, ты забыл, что я еще не сделал Толика своим орудием. А вместе с ним можно натворить столько нехороших дел! Надо только его умно направить.

— Это я помню, — сказал я со вздохом. — И потому не возьму.

Пыпин приуныл, обскураженно потер свою лысину, но вдруг его осенила какая-то удачная мысль.

— Но ты и оставить меня не можешь! Совесть тебе не даст! — сказал он. — Ты же обязался меня перевоспитать. Не правда ли? Но если я буду далеко, как же у тебя это выйдет? Нет, я должен быть всегда под рукой, чтобы наблюдать твои личные примеры. И вообще, мы с тобой кто? Две стороны одной медали! — И, разойдясь, он подмигнул мне: — А то нехорошо вроде выходит. Сам-то уехал тогда

за романтикой, а меня бросил на произвол судьбы, оставил катиться по наклонной плоскости, а?

— Это было не совсем так. Но кое в чем вы все же правы, — признал я, любя справедливость. — Придется прихватить вас с собой. Хотя история приключений еще не знала такого случая, чтобы положительный герой возил своего противника за собой.

— Итак, поехали! — закричал довольный Пыпин.

— Прежде чем ехать, следует подумать «на чем» и «куда», — заметил я с невольной улыбкой. — Нам пока неизвестно, куда отправился Толик. А значит, мы не имеем никакого понятия, на чем, как вы выразились, ехать.

Пыпин тотчас упал духом, запричитал:

— Все, нам его никогда не найти. Я остался ни с чем на старости лет. Позабыт, позаброшен.

— Не расстраивайтесь, — успокоил я вновь с невольной улыбкой. — Сейчас мы узнаем, куда отправился Толик. А средство передвижения придумается само собой.

Я привел Пыпина в кают-компанию, где на отдельном столике лежали подшивки всех журналов и газет, выходящих в мире.

— Садитесь, Пыпин, — сказал я, указывая на глубокое кожаное кресло, стоявшее напротив меня. — Вы когда-нибудь вдумывались в магию слов: «его где-то видели», «он куда-то ушел» или «поговорил с кем-то по телефону»?

— Не вдумывался, — признался Пыпин, оробев.

— Так вот, они, эти слова — ключ к каждому поиску, — сказал я. — Правда, к нашей истории сей ключ не имеет никакого отношения. Мы не знаем, где его видели, куда он ушел и с кем говорил по телефону. И говорил ли вообще. Это было всего лишь теоретическое вступление. А сейчас мы с вами просмотрим все номера журналов и газет.

— Все эти? — испугался Пыпин и приподнялся в кресле, собираясь бежать.

— Все эти. Сидите, Пыпин. И тут нет ничего страшного. А потом обменяемся мнениями. Нам важно установить: какое необычайное событие могло привлечь внимание Толика Слонова. Так, путем анализа и синтеза нам удастся выяснить, куда он улетел.

— Ну и ну, — обреченно промолвил Пыпин.

— Вперед, Пыпин! Вперед по страницам журналов и газет, — призвал я хулигана, стараясь влить в него бодрость.

— Так ведь я того... плохо читаю, — смущенно, но уже немного приободрясь, пояснил Пыпин.

— Смелее, Пыпин, смелее. Научиться читать хорошо никогда не поздно, — сказал я.

— Да, я уж постараюсь, — пообещал хулиган. — Только бы мне найти мальчишку и завладеть вашим дымом.

Мы разделили подшивки газет и журналов и углубились в чтение. И изучали прессу в течение нескольких дней и ночей. Постепенно Пыпин начал относиться к делу спустя рукава, стараясь свалить всю работу на мои плечи, и я несколько раз, подняв от подшивки глаза, заставлял его спать.

— Пыпин, Пыпин. Проснитесь, мы же спешим, — укоризненно говорил я.

— Ты ж знаешь: иначе я не могу. Чего же обижаться? — возражал Пыпин.

Наконец наступил момент, когда он, перевернув страницу газеты, закричал:

— Я нашел! Слышь? Я нашел! Экспедиция на Северный полюс! Толик, как пить дать, подался туда! Ха-ха! Это я нашел, а не ты, отличник из школы юнг! Что? Утер я тебе нос? Утер! Ха-ха!

— Во-первых, экспедиция не на Северный полюс, а на Южный, вы держите газету вверх ногами, — с улыбкой заметил я. — Во-вторых, экспедиция на полюса уже вчерашний день для путешествия. А в-третьих, на нашей планете осталось всего лишь одно белое пятно — пустыня

Сахара. А теперь послушайте, что пишут в очень серьезном журнале «Мурзилка»: «Как известно всем учившимся в свое время на четверки и пятерки в школе, единственным белым пятном, оставшимся на карте земли, является пустыня Сахара. В прошлом году крупнейший философ юнга Иван Иванович предложил блестящий проект освоения Сахары. «В то время, — сказал он корреспонденту нашего журнала, — когда в детских садах не хватает песочных площадок, в Сахаре пропадает без дела масса высококачественного песка. Мы превратим величайшую пустыню мира в величайшую песочную площадку для игр, и пусть дети всех континентов резвятся на этой площадке, сколько угодно их душе, делают куличи и так далее!» Сегодня утром в Сахару отправилась экспедиция, в которую вошли лучшие ученые, архитекторы и художники во главе с известным исследователем Африки майором Стенли». Что касается меня, — сказал я, — то, по-моему, это самая важная экспедиция за последнее столетие. И Толик Слонов, несомненно, постарается проникнуть в ее ряды. Потому что приключения, которые ждут майора Стенли и его друзей, сулят много заманчивого.

— Ну, я им помешаю, ну, я им помешаю! — угрожающе произнес Пыпин. — Вот только до них доберусь, я им покажу!

— Не торопитесь, — заметил я. — Прежде дослушайте сообщение до конца: «Как и следовало ожидать, экспедиция тотчас исчезла в песках Сахары. Радиосвязь с майором Стенли и его друзьями потеряна!» Я думаю, это дело рук Толика Слонова. Значит, он уже там, — задумчиво закончил я, закрывая журнал.

— Вот те на, — пробормотал Пыпин. — Как же теперь его найдешь, если он исчез вместе с этой экс... экскап... словом, вместе с ней исчез?

— Пойдем по его следам. Поднимайтесь, Пыпин! — призывал я, вставая первым из удобного кресла. — Главное, нам известно, где он оставил свои следы.

— На небе, где же еще. Это я и без тебя знаю. Да на чем туда попадешь? — пробурчал Пыпин.

— А вот мы сейчас посмотрим, — ответил я лукаво.

Мы вышли на палубу и посмотрели на небо. Я невольно присвистнул. Оно было высоко-высоко.

— М-да, в самом деле, «на чем»? Или «как»? — пробормотал я, тотчас потеряв свою самоуверенность.

— Вот так-то, мыслитель! — ехидно сказал Пыпин, не упустив возможность позлорадствовать.

Но, видно, я родился удивительно везучим, и в этом, наверное, и заключается секрет моей почти фантастической удачи. Вот и сейчас вокруг меня, словно невидимая пчела, закружила очень простая и вместе с тем невероятно остроумная идея. Она добродушно подразнила меня и в тот самый момент, когда Пыпин решил добавить еще что-то обидное, уселась на мой лоб. И я победно воскликнул:

— Теперь я знаю, как нам туда попасть, на небо! А для этого, Пыпин, нам и нужно-то всего ничего: каждому по горошине и две пары сапог. Желательно большего размера.

— Ну и ну, — сказал изумленный хулиган.

Мы переобулись в кубрике в просторные матросские сапоги с широким раструбом и, прихватив на камбузе две горошины, вышли на палубу.

Все это время члены команды вели себя деликатно — не вмешивались в мои дела. Они поняли сразу, что я должен незаметно пропасть, и разом дружно повернулись ко мне спиной. Мои добрые старые товарищи даже не имели права просто попрощаться со мной и пожелать скорейшего успеха. Потому что им можно было хватиться меня не раньше, чем через пять—десять минут.

— И что же делать теперь? — спросил непонятливый Пыпин.

— Вспомните: что нас держит на земле? Ну конечно же...

— Любовь ко всяким проказам! — выскочил Пыпин с ответом.

Из-за невежества Пыпина, имевшего по физике твердое «два», нам приходилось терять драгоценное время, но я все же набрался терпения и пояснил:

— Почему мы до сих пор не улетели в небо, а вместо этого твердо стоим на земле? Да потому, что нас держит за ноги земное притяжение, Пыпин. Гравитация, так сказать. Наши ноги в данном конкретном случае в сапогах. Значит, держит она за сапоги. Наша задача: неожиданно для нее выскочить из сапог, и, пока она не опомнилась, не сообразила, что к чему, как можно скорее взвиться вверх, к облакам.

— Прямо так и взвиться?

Пыпин был настолько темен, что мне даже стало жалко его. И горько от мысли, что вот до чего дошло мое плохое «я».

— Не прямо, а бросив горошину оземь и используя возникшую при этом силу отдачи. При отсутствии гравитации этого будет достаточно, чтобы взвиться до ближайших облаков.

— Ну ты даешь! Ну ты и придумал! Обалдеть! — с невольным уважением отметил Пыпин.

Он впервые за полвека нашей борьбы отозвался обо мне с одобрением. Но словно нарочно, я в этот раз не сделал ничего особенного. Будто учил его на личном примере, который и примером стыдно назвать.

— Такое может придумать любой, если, конечно, прилежно учиться в школе, — возразил я, подавив в себе досаду. — Итак, приготовились!.. Три! Два! Один! Пуск!

Я присел, оттолкнулся от стелек и, ударив одновременно горошиной о палубу буксира, вылетел из сапог в небеса. Пыпин замешкался, но мне удалось в последний момент зацепить его за ворот футболки, и, пока самоуверенное многопалое чудище Гравитация недоуменно разглядывала наши сапоги, мы медленно поднялись над буксиром и за-

висли где-то посередине между облаком и верхушками мачт.

— Пыпин, бросьте горошину вниз! Только быстрее. Не медля! — крикнул я, опасаясь, что Гравитация вот-вот обнаружит, что сапоги пустые, протянет свои могучие цепкие лапы и, схватив нас за голые пятки, стащит к себе на землю.

— А я ее проглотил, — ответил Пыпин. — Ты ж сказал, что в горошине сила.

У меня на раздумье уже не оставалось ни секунды, я выхватил из кармана расческу и швырнул ее вниз. Мне показалось, будто под нами взорвался целый пороховой склад. Нас подбросило так высоко, что, не будь в этот день густой облачности, притормозившей наш полет, мы, наверное, вышли бы на орбиту вокруг Земли.

Но все кончилось благополучно, мы отряхнулись и, свободные от притяжения Земли, а потому и совершенно невесомые, зашагали в сторону Африки.

Снизу до нас долетел шум тревоги, топот и возгласы:
— Люди за бортом!

На буксире обнаружили наше загадочное исчезновение, и капитан приказал отправиться на поиски пропавших.

Вскоре я и мой спутник добрались до большого кудрявого облака и, к своему изумлению, обнаружили, что мы не единственные люди на небесах. Посреди облака, точно на диване, не снявши туфли, возлежал молодой человек в расстегнутой на груди пестрой рубашке со спущенным галстуком, в мятых брюках и записывал что-то в блокнот, поднимая иногда задумчивый взгляд к звездам.

Я покашлял, чтобы не испугать его, потому что он тоже мог вообразить, будто он здесь, на небе, один.

— Извините за беспокойство, — произнес я учтиво. — Здесь, случайно, не пролетал воздушный шар с мальчиком в гондоле? Рыжий мальчик такой, непослушный.

— О музы! Чего мне стоило преодолеть притяжение! И вот я вознесся?! И что же?! — жалобно воскликнул молодой человек. — Ко мне подходят, словно на проезжей дороге, и спрашивают про какого-то мальчика и шар.

Я понял, что он не видел ничего вокруг себя, уйдя с головой в творчество, и попросил извинения. Молодой человек успокоился и, сразу забыв о нашем присутствии, начал вдохновенно писать.

И тут же мимо нас поплыли вереницей кучевые облака. И на каждом находился человек. На одном облаке был установлен письменный стол, и за ним сидел лысый мужчина и печатал на пишущей машинке. На другом ходила на пуантах совсем юная девушка. На третьем лохматый живописец топтался перед мольбертом, искал что-то на холсте и вдруг, найдя, наносил кистью по холсту удар, стремительный, как выпад шпаги. А потом до нас донеслось чье-то пение и тихие переборы гитары. И на кучерявом облаке проследовал худой усатый бард с черными грустными глазами. Его облако было таким крошечным, что длинные ноги барда болтались внизу под облаком, в синем небе.

— Эй, вы, чудачки! — закричал Пыпин. — Кто видел шар этот... воздушный?

— Тсс... Не мешайте им, — зашептал я, останавливая Пыпина.

Но эти люди не слышали нас. Они витали в облаках. Однако я на всякий случай взял Пыпина за руку и увел на цыпочках прочь.

Мы прошли несколько километров, внимательно вглядываясь себе под ноги. Но пока ничто не говорило о том, что еще совсем недавно здесь промчался воздушный шар Толика Слонова. Небо по-прежнему оставалось таким же безупречно чистым и ясным, тщательно скрывая от нас следы.

Мы уже потеряли последнюю надежду на успех, когда мой острый глаз заметил, что в одном месте синева чуть-чуть бледней, чем на всем остальном небе.

Я живо опустился на корточки и позвал своего спутника:

— Посмотрите, Пыпин. Что это, по-вашему?

Хулиган присел рядом со мной и, разглядев бледную полосу, сказал:

— Да чего тут гадать? Небо вылиняло малость. На солнце да на ветру.

— Вы правы. Небо тоже линяет, — одобрительно сказал я, радуясь, что Пыпин хоть немножко, да что-то знает. Но как он все еще был наивен, как невежествен!

— Но в данном случае, — продолжал я с невольной улыбкой, — мы наткнулись на настоящий след. Да-да, перед нами след воздушного шара! Запомните, Пыпин, шар, проносясь по воздуху, раздвигает его. А в пустое место потом вливается свежий воздух. И поскольку Толик пролетел здесь совсем недавно, воздух еще не успел потемнеть. Но опоздай мы немного — и колея, как бы проложенная воздушным шаром, исчезла бы для нас навсегда.

И мы, короткая путь в беседах, отправились вдоль колеи. Мимо нас стрелой, со свистом проносились воздушные лай-

неры. Пролетали стаи птиц, кочующие с юга на север. Однажды я несколько километров нес под мышкой усталого журавля, отбившегося от своих товарищей, и когда тот набрался сил, отпустил его догонять свою стаю.

— Вот мы топаем по небу, как по шоссе, а люди на нас ноль внимания, — вдруг на третий день пути обиделся Пыпин.

— Просто они полагают, будто мы с вами — мираж. А вот, кстати, и то, что мы называем классическим миражом, — сказал я на пятый день пути. — Если бы вы в свое время добросовестно учили географию в школе, вы бы заметили такой рисунок в учебнике еще для начальной школы.

Перед нами как раз в это время показался уютный маленький оазис — несколько пальм, журчащий ручей и миниатюрный дворец из белого мрамора. Оазис мирно висел между стратосферой и землей, будто приклеенный к синему небу.

— Между прочим, — отметил я, — мираж такого типа свидетельствует о том, что мы уже добрались до Сахары.

С этими словами я ступил на край миража, и тут, к своему неописуемому удивлению, вместо воздуха почувствовал под своей подошвой самый настоящий песок.

— Пыпин, земля! — воскликнул я, не удержавшись.

— Земля-то, земля, да только как все это попало сюда? Ну мы-то ладно, взяли да выскочили из сапог. А вот как этой машине удалось обмануть притяжение? Вот чего я не пойму, — пробормотал Пыпин.

Как ни странно, я тоже не смог объяснить это удивительное явление.

Заметив мое секундное замешательство, Пыпин обрадовался и поспешно сказал:

— Теперь ты видишь: зачем учиться? Ты, например, учился-учился, а толку? Не знаешь, как здесь очутился этот оазис!

Он хотел воспользоваться моей растерянностью, но я вовремя заметил опасность и, взяв себя в руки, произнес:

— А я еще не закончил учебу. Человек, да будет вам известно, должен учиться всю жизнь. Наберитесь терпения, Пыпин! Сейчас навстречу нам выйдет кто-нибудь из обитателей этого странного миража, и мы узнаем еще об одной загадке природы.

И в самом деле, из дворца выбежал седобородый старик в чалме и полосатом халате. Вглядевшись в мое лицо, миражанин всплеснул руками и закричал:

— Дети, идите сюда! Посмотрите, кто к нам пришел! Сам юнга Иван Иванович! Да-да, тот самый юнга, который превзошел даже нашего Синдбада!

«И тут не уйти от незаслуженных почестей, — подумал я с досадой. И еще я подумал: — Как это удастся людям помнить мое совершенно ничем не примечательное лицо? Уж я-то со своей никудышной памятью такое лицо ни за что б не запомнил!»

Пока я так думал, на крик старца из дворца вышли молодые мужчины и женщины в пестрых восточных одеяниях. Они шли парами, взявшись за руки. Сбоку от этого шествия следовали две пожилые дамы в белых халатах. Одна из них вскинула голову и повелительно произнесла:

— Ибн-Садук, не верти головой! А ты, Сорейя, смотри себе под ноги!

Я бросил быстрый взгляд на фронтон дворца и обнаружил полуистершуюся надпись из арабской вязи: «Детский сад № 3 им. Шахразады». И тут же память подсказала мне, что некогда на Земле был такой детский садик, и этот сад четверть века назад исчез самым таинственным образом. Вместе с людьми и всем инвентарным имуществом.

— Да-да, Иван Иванович, перед вами детский сад № 3, — подтвердил старец, перехватив мой взгляд. — Я же его заведующий, а это мои воспитательницы и маленькие воспитанники нашего сада. Мы рады видеть вас у нас в гостях! Милости просим!

— Ты иди. А я подожду здесь, — сказал Пыпин, почему-то беспокойно поеживаясь.

Я хотел было спросить, что мешает ему принять приглашение, но хозяева уже окружили нас, обласкали, повели во дворец и усадили в столовой за крошечные детские столики. Когда перед каждым из нас поставили по полной тарелке чудесно дымящейся манной каши, заведующий садом погладил бороду и изрек:

— Дорогие гости! Мы ведь тоже живые люди, хотя и обитаем между небом и землей, и понимаем, что вам и каша не в радость, пока вы не узнаете нашу историю.

— Вы угадали, почтеннейший, — сказал я, положив ложку на стол.

— Ибн-Садык! Поведай гостям! — сказал заведующий.

— Поесть не дадут, — жалобно пробормотал Пыпин, к моему удивлению жадно принявшийся за кашу, и почему-то выскочил за дверь.

А молодой человек, которого назвали Ибн-Садыком, начал свой рассказ:

— В то утро, как обычно, к нам прилетел самолет и привез ящик с конфетами. Мы, как всегда, окружили ящик, собираясь сейчас же получить по конфете, но, когда наша повариха открыла крышку, из ящика вышел сорокалетний мужчина с последней конфетой за щекой и сказал, что перед нами прославленный юнга Иван Иванович. И хотя человек был перепачкан шоколадом с ног до головы, мы сразу узнали вас. То есть этот самозванец до того походил на ваши портреты, что даже толстый слой шоколада не смог скрыть этого сходства. Он был похож на вас, как и пришедший с вами старик, только что отлучившийся на минутку. И мы, конечно, пришли в неопиcуемый восторг. Еще бы: в наш детский сад пожаловал сам Иван Иванович... Не буду, не буду, — спохватился рассказчик, заметив мое смущение. — Мы слышали о вашей удивительной скромности, но я должен был описать наш восторг, без этого невозможно понять то, что случилось дальше. Мы

попались на уловку самозванца, и это стало причиной всех наших несчастий. Пользуясь вашим авторитетом среди воспитателей и детей, он учил нас предосудительным поступкам.

«Нынче принято капризничать по каждому поводу, не спать после обеда и плохо вести себя за столом. Но главное, дети, не это. Каждый должен думать прежде всего о своем удовольствии. Если тебе хочется кричать и топтать ногами, когда другие спят, топай, кричи! Выпей, если охота, весь компот! И ничего, что другим не останется ни капли! Вот те мудрые истины, которые теперь решено считать передовыми. Узнав об этом, я тотчас поспешил с этой радостной вестью к вам!» — сказал самозванец, когда многоуважаемый заведующий вышел из комнаты для игр.

Мы дивились, слыша такое из уст человека, прославившегося на весь мир своим примерным поведением, но должны были верить ему. Ибо взрослые чуть ли не каждый день твердили: «Подражайте юнге Иван Ивановичу, учитесь у него, как нужно себя вести. И вы станете такими же, как он!»

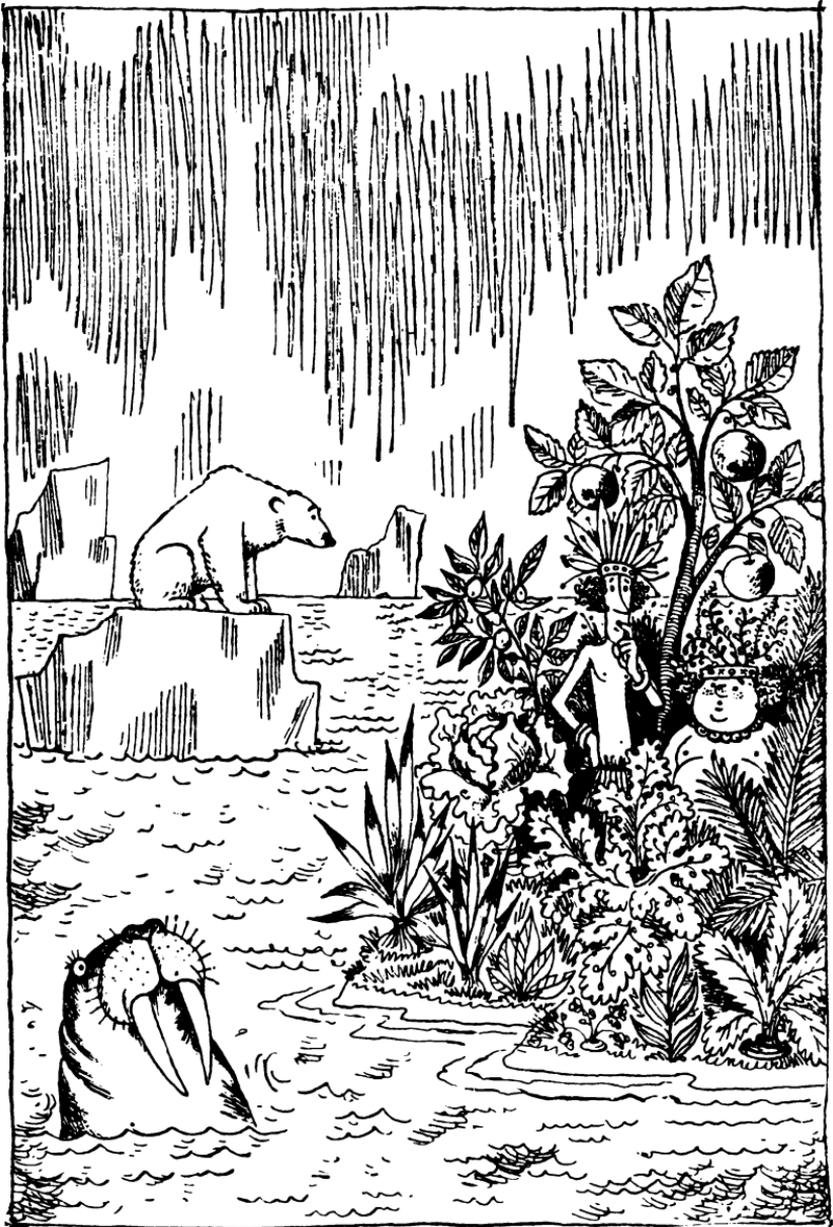
И мы начали подражать и прилежно учиться. Так наш лучший в Африке детский сад на несколько секунд превратился в скопище непослушных и плохо воспитанных детей. Мы уже собирались поддаться всем соблазнам, которые сеял этот искуситель, но тут в комнату вернулся многоуважаемый заведующий со свежей газетой в руках. «Дети, хотите, я прочитаю вам последние известия?» — спросил он. Мы обрадовались передышке, потому что борьба с соблазнами отняла у нас много душевных сил. «Давайте это сделаю я», — сказал самозванец, почуяв, как мы догадываемся теперь, близкое разоблачение, и потянулся за газетой. Но заведующий сказал, что неловко перегружать его, Иван Ивановича, воспитательной работой, которую он и так добровольно ведет в детском саду. После этого он развернул газету и прочитал вслух экстренное сообщение, напечатанное крупными буквами прямо на первой странице:

«Сегодня всемирно известный юнга Иван Иванович благополучно прибыл на борту своего старого доброго буксира «Перепелкино» в далекий порт Туапсе. По пути юнга одержал очередную нравственную победу над знаменитым хулиганом Пыпиным. Но как всегда, самому хулигану удалось в последний момент уйти от благотворных нравучений бывалого юнги. По непроверенным данным, Пыпин скрылся в пустыне Сахара».

Когда он кончил читать, мы уставились на своего гостя, не понимая, как знаменитый юнга мог одновременно оказаться в двух разных местах...

— Прошу вас остановиться, — прервал я рассказчика. — Тут мне крайне необходимо посвятить всех тех, кто с неослабным вниманием следит за моим поединком с Пыпиным, в некоторые тонкости этой борьбы. И если я не сделаю это сейчас, то потом могу закрутиться в водовороте дальнейших происшествий и забыть, в чем, собственно говоря, заключались данные тонкости. Надеюсь, вы меня извините за неожиданное вторжение в ваш последовательно развивающийся рассказ?

— Ну что вы! Ну что вы! — воскликнул Ибн-Садук. — Я охотно вас извиняю. И вместе со всеми товарищами с удовольствием присоединяюсь к миллионам читателей, которые с нетерпением ждут этого безусловно очень важного посвящения.

**Г Л А В А, появившаяся неожиданно среди других глав
и не имеющая своего номера, но тем не менее
играющая очень важную роль**

— Друзья! — начал я. — Это уже не первый случай, когда он выдает себя за мою скромную и неизвестно за что уважаемую особу. Так ему проще обманывать детей, скажете вы? И это будет истинной правдой! И все же у этой хитрой уловки есть еще одна и более важная причина. Дело в том, что Пыпин поставил целью сломить мою моральную стойкость и сделать меня таким же хулиганом, как он сам!

Это известие поразило моих слушателей как гром.

— Я вас понимаю, — деликатно заметил я. — Вам казалось, будто бы в нашем поединке я преследую, а Пыпин только и делает, что скрывается от моих воспитательных мер. Да, он очень боится моего духовного превосходства. И тем не менее при первой возможности Пыпин переходит в наступление сам! Вначале он искушал меня слабой, засыпая письмами и потоком цветов от моих неизвестных восторженных почитателей, и надеясь при этом, что я задеру нос и потерю к себе уважение. А человек, потерявший к себе уважение, способен на всякое зло. Это была откровенная диверсия против моей скромности — основы моего существа! Но грубейшие грамматические ошибки и цветы, явно сорванные в темную ночь в городском сквере, помогли разоблачить искусителя, и моя скромность осталась неприступной, словно скала.

Потерпев неудачу, Пыпин придумал новый очень коварный план. А я, не подозревая о страшной опасности, уже подстерегающей меня, лежал в это время на юте родного буксира и от нечего делать листал свежий номер журнала «Вокруг света». Мне только что пришлось оттащить в рулевую рубку полное ведро земного магнетизма, потому что в компасе закончился магнит. Ведро оказалось тяжелым, и теперь теплые пассаты ласково гладили мои чуточку оне-

мевшие мышцы. Вместе со мной беспечно нежилась мое пресловутое, воспетое современниками предчувствие. Оно даже не шелохнулось, когда мой благодушный взгляд наткнулся на маленькое объявление, помещенное на предпоследней странице журнала:

Племя наи-вняг срочно ищет покровителя племени. На место принимаются люди исключительно божественного происхождения. Принятый обеспечивается всеми почестями, соответствующими его положению. (Жертвоприношения по соглашению.) Обращаться по адресу: Атлантический океан, воды Антарктики, остров, на котором живут наи-вняги.

Просим не задерживаться, приехать как можно скорей, иначе мы пропадем.

Старейшины племени.

На предпоследней странице журнала обычно помещались шуточные сообщения; я решил, что и эти строки придумал какой-нибудь веселый придумщик, и легкомысленно захлопнул журнал. А через минуту за мной прибежал взволнованный матрос и позвал в радиорубку.

В тесной рубке я увидел весь экипаж нашего славного буксира. Мои товарищи сгрудились вокруг корабельной радиостанции, из которой в разные стороны разносился встревоженный мужской голос:

«Всем! Всем! Всем! Передаем ужасное сенсационное сообщение: юнга Иван Иванович не выдержал бремени славы! Его несокрушимая скромность пошла на дно! Юнга только что прибыл на остров наи-вняг. Он заявил наи-внягам, будто бы является человеком божественного происхождения. Как ни горько осознавать, товарищи, но это свершившийся факт!»

Диктора тут же заглушили другие испуганные голоса. Эфир неистовствовал, сходил с ума, повторяя на всех языках известие о моральном падении юнги.

Мои друзья смотрели на меня с молчаливым укором.

«Как же ты так, Иван Иванович?» — горестно спрашивали их добрые глаза.

«Но я же здесь, перед вами!» — напомнил я, невольно улыбаясь.

«Братцы! Действительно, он здесь, перед нами!» — обрадовался боцман, первым придя в себя.

И в рубке поднялось неопишуемое ликование, полностью заглушившее рацию. Но едва затих самый бурный порыв веселья, капитан взял себя в руки и озабоченно произнес:

«Товарищи, с одной стороны, юнга, конечно, с нами. Вот он стоит. Такой, каким мы его знали всегда. Но в то же время юнга находится там, на острове наи-вняг в качестве человека божественного происхождения. Как ему удалось оказаться и здесь и там, лично я объяснить затрудняюсь. Но об этом нельзя забывать».

И тут моими товарищами опять овладела тревога. Мне тоже стало не по себе. От мысли, что в это время я нахожусь на острове наи-вняг, потеряв свою былую скромность.

«Юнга, может, вы объясните нам, что с вами случилось? То есть не объясните, а просто попробуете высказать свое еще незрелое, наивное и даже, может быть, по-детски абсурдное предположение? — с надеждой спросил капитан.

Я наморщил лоб, втайне рассчитывая: а вдруг меня, как это уже не раз бывало, осенит счастливая догадка? Но случай на этот раз обошел меня стороной.

«Что вы, капитан? Куда уж мне такому зеленому, если даже вы отступили перед этой загадкой! — удивленно воскликнул я. — Мне кажется, что ее разрешить можно только на острове, где живут сами наи-вняги. Но это во мне, конечно, говорит типичная мальчишеская горячность».

Услышав мои слова, экипаж загрустил. Все поняли, что снова настал час нашей разлуки. Юнге пора совершать очередной безрассудный поступок, убежав с корабля за разгадкой очередной тайны. Но пасть окончательно духом им не давала мысль о том, что зато какой радостной будет встреча, когда их любимец вернется потом живым и невре-

димым, успешно пройдя через воду, огонь и — наконец-то! — медные трубы.

«Что ж, придется стать на ремонт. Штурман, мы отправляемся в доки! — деловито скомандовал капитан и многозначительно добавил: — В какие — знаете сами!»

«Есть, в доки! — лихо откликнулся штурман и понимающе добавил: — В те, что поближе к острову наи-вняг».

На буксир вернулось здоровое рабочее настроение, и вскоре он встал в доки. А едва наступила ночь, мне пришлось, не мешкая, бесшумно спустить на воду свой личный (предназначенный для приключений юнги) ялик и отправиться на поиски острова наи-вняг. Я энергично греб веслами и представлял, как утром вахтенный поднимет тревогу, обнаружив загадочное исчезновение юнги, экипаж поспешно поднимет якорь и, в свою очередь, бросится на поиски своего легкомысленного любимца. Но только так уж получится, что курс он возьмет в противоположную сторону. Я гребу на запад, а буксир поплывет на восток. И в этом нет ничего удивительного. По какой-то причине, то ли из-за отсталости своей, то ли еще почему, наи-вняги до сих пор не смогли точно определить свои координаты, и потому толком никто не знал, где находится этот загадочный остров.

Я не покладая рук раздвигал веслами льды, углубляясь в море Уэдделла, и на десятый день путешествия передо мной выросло чудо. Посреди белых пустынных льдов возвышался ярко-зеленый, украшенный буйной растительностью остров. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она состоит исключительно из садово-огородных культур. Среди густых зарослей лука и петрушки краснели томаты, толстые ветви яблонь и груш сгибались под тяжестью сочных плодов.

От изумления я выронил в воду весла, но затем быстро пришел в себя и начал лихорадочно грести просто руками.

На берегу тем временем появились первые туземцы и закричали:

«Это он! Смотрите он и здесь! Он и там, он и тут!»

Они указывали то на меня, то в глубины острова, скрытые за стеной деревьев.

Я пришвартовал свой ялик в тихой прелестной бухте, вылез на берег, и туземцы тотчас пали передо мной на колени, уткнувшись лицом в песок. Мне стало очень обидно. За что они меня так?

«Минуточку, минуточку! Давайте прежде разберемся: что это за остров и кто вы такие?» — запротестовал я на совершенно законном основании.

Один из туземцев поднял голову и с мягким упреком промолвил:

«О божественный! Это же мы, наи-вняги, твои темные, совершенно беспомощные чада. Неужели ты успел нас позабыть? Ведь с того момента, как ты осчастливил нас последней мудрой беседой, прошло всего лишь десять минут!»

Я хотел напомнить туземцам, что только сию минуту прибыл на остров и, следовательно, вижу с ними впервые, но передумал, побоявшись нанести им, может быть, кровную обиду, и уклончиво сказал:

«Если вас это не затруднит, будьте любезны, покажите мне этого меня, который с вами только что вел беседу... И встаньте же на ноги, в конце концов! Сколько можно?»

«Слушаемся, всемогущий!» — обрадовался все тот же туземец, который первым завел со мной разговор.

Он был очень толст, но вскочил на ноги с необычайной для своего веса резвостью. Остальные островитяне охотно последовали его примеру, поднялись, отряхивая приставший к одежде песок.

«Ты желаешь взглянуть на себя, лучезарный? Ступай за мной! Мы тебе покажем тебя. Ты там!» — продолжал толстяк, указывая за верхушки деревьев, и прытко зашагал по тропинке сквозь сад.

И я поспешно бросился за ним, сопровождаемый толпой островитян.

«Нам очень повезло. Ну то, что именно ты согласился

взять наше племя под свое высокое покровительство, — говорил толстяк, оглядываясь на ходу. — Мы как узнали, впали в сильный восторг. «У кого, у кого, а у юнги Иван Ивановича его божеское происхождение видно за восемь морских миль, — говорили мы. — Послушаешь про его дела, и ясно, что он существо сверхъестественное».

Это я-то сверхъестественное существо? Но на льстеца он не был похож. Им руководило его невежество. И я его простил.

«А вот божеству, которое было до вас, — не утихал мой словоохотливый проводник, — тому — стыдно сказать: все-таки бог! — мы не сразу поверили. Пришлось ему заложить новый сад, только тогда он сподобился почестей».

Над моей головой свисали огромные темно-синие сливы, а кочаны капусты доходили до плеча.

«С ума сойти! — вскричал я, не удержавшись от восторга. — И все это в центре вечных льдов!»

«Эти культуры вырастило божество, которое было за два божества до тебя», — пояснил толстяк.

Я в бога не верил, но тот, кто создал эти огороды и сады безусловно был наделен сверхъестественной силой.

Тропинка привела нас в симпатичный поселок, состоящий из красивых жилых строений. Посреди просторной площади возвышалось многоэтажное сооружение, на крыше которого причудливо соседствовали луковки церквей, ступенчатые верхушки пагод и химеры языческих капищ.

«Все, что ты видишь, тоже возникло по мановению наших всемогущих покровителей, — трепетно сообщил толстяк. — А от тебя мы ждем еще большего!»

«Но мне недоступно даже такое», — предупредил я толстяка и остальных сопровождавших меня островитян.

«О, о твоей скромности мы слышаны много», — почтительно напомнил толстяк.

«О да! Очень много слышаны», — загудели туземцы.

«А где же они, ваши всемогущие покровители? Что с ними случилось?» — спросил я, уводя их от лести, которой

они по темноте своей начали было меня осыпать, и за одно с этим восхищаясь архитектурным искусством могучих и таинственных существ.

«Увы, мы этого сами не знаем, — печально признался толстяк. — Только через год после их явления народу, с ними начинает твориться нечто непонятное нам. Боги принимаются бить себя в грудь и утверждать, горько рыдая, будто бы бездельничают у нас, зря хлеб насущный едят и что им от этого стыдно. Простите, говорят, пригрели вы тунеядца. И потом уезжают на великие стройки. Твой предшественник, например, убыл в Сибирь. — И толстяк грустно добавил: — Впрочем, я, кажется, начинаю догадываться, в чем дело. Им тесно у нас. Какие здесь масштабы? Крошечный остров, и всего? Не больно развернешься! И, видимо, потому нам все трудней и трудней искать себе покровителя. На этот раз мы даже упали духом, никто, думали, к нам не пойдет. Но ты, слава богу, согласие дал! А так бы, кто знает, что стало с нами и нашей маленькой, но дорогой нашему сердцу страной».

Я спохватился, вспомнил о цели своего приезда. Но мы уже приблизились к подножию странного сооружения, и мое внимание привлекла медная табличка, висевшая на массивных дверях этого удивительного дворца. На табличке красовалась витиеватая надпись:

ЮНГА ИВАН ИВАНОВИЧ

*действительный Член Географического
Об-ва.*

«Это священный храм, в котором ты, по нашим представлениям, обитаешь, — пояснил толстяк и распахнул передо мной двери храма. — Не стесняйся, вступай, о светлоголовый! Ты, безусловно, будешь себе рад!»

Но меня не нужно было уговаривать лишний раз, я пулей влетел во дворец. Где-то здесь затаилась разгадка этого странного происшествия. И мне хотелось как можно скорей добраться до ее тайника и, открыв секрет, восстановить в

глазах у людей свое скромное доброе имя. Я пробежал по анфиладе роскошных комнат, по персидским коврам, вдоль венецианских зеркал, но не встретил ни живой души,

Запыхавшиеся наивняги догнали меня на самом верхнем этаже, когда я, уже потеряв все надежды, печально оглядывал последнюю комнату, оказавшуюся моим кабинетом.

«Меня нигде нет», — пожаловался я подоспевшему толстяку.

«Ничего подобного. Ты вот он, стоишь прямо на своем месте», — возразил толстяк.

«Но я стою один, а где же я второй?»

Толстяк, непонятно почему, с облегчением вздохнул и сказал:

«Уф, значит, обошлось. Видишь ли, по нашим верованиям, ты и должен быть в единственном числе. Иначе, представляешь, сколько бы получилось недоразумений, окажись у нас два твоих «я»? Одно хочет одно, а второе — другое. Попробуй, угоди! И я, признаться, поначалу расстроился, увидев тебя и тут, и там почти в одно и то же время».

Ах, если бы он знал на самом деле о моем втором «я»! Но он не знал этого. И тем не менее именно его рассуждения навели меня на ответ, за которым я приехал на остров.

Озаренный разгадкой, я немедленно кинулся к своему письменному столу. Так и есть! Посреди стола лежал лист бумаги, на котором было написано:

Все ты папался! Теперь ты глупако опазорин и больше не имеешь права меня упрекать воспитавать. Приходи к нам хулиганам. Будем вместе сбивать с толка детей. А жаль брасать такое теплое место: живи ни тужи. Но чиго ни па-жалеешь для сваего второго я! С приветом

Пыпин.

Письмо было написано вкривь и вкось. Но я сразу узнал эти каракули, бросился к окну и увидел за яркой границей острова темную фигурку, улепетывающую по белому льду в сторону материка Антарктиды.

Только теперь мне открылись черные планы Пыпина, решившего соблазнить меня легкой, беспечной жизнью. По его замыслу мне должно прийти по душе такое существование, когда можно жить припеваючи, не работая, и еще принимая при этом божеские почести. О, опытный хулиган все рассчитал очень точно. И тогда общество с презрением отвернется от своего кумира, который присваивает плоды чужого труда.

Проникнув в замыслы своего врага, я ужаснулся и подумал, что, может, пока не поздно, нужно бежать из заманчивой ловушки, расставленной Пыпиным, и бросился к дверям. И не успел на какую-то долю секунды!

В кабинет вошел один из старейшин племени и голосом шталмейстера торжественно объявил:

«Покровитель! Выйди на площадь! Мы будем тебя боготворить!»

И с этой минуты наступили самые трудные дни в моей жизни. Наи-вняги поклонялись мне с утра до вечера, а когда на острове возникали новые дома и сады, они почему-то приписывали их появление моей особе. Я отрещивался, горячо возражал, объяснял, что сижу сложа руки. Или праздно слоняюсь по коридорам и залам своего храма, держа над головой позолоченный нимб.

«Мы знаем: ты очень скромный!» — уважительно отвечали наи-вняги и приносили в жертву овцу, нанося ощутимый урон своему скотоводству.

Но самое тяжелое испытание выпадало на мою долю по утрам, когда мне прямо в постель приносили кипы свежих газет со всего мира — их аккуратно слал по почте кто-то, пожелавший остаться неизвестным, — и я с горечью читал в светской хронике самые подробные описания пышных праздников, которые то и дело устраивались в мою честь. Некий таинственный корреспондент, прятавшийся за псевдонимом «Правдивый Наблюдатель» и якобы аккредитованный при моем храме, не жалел цветистых эпитетов. Они повергали меня в отчаяние. Но особенно страдала от них

моя бедная незащитная скромность. Она прямо таяла на глазах. И я понял, что, если ее не спасти, мной непременно овладеет зазнайство. Но как это сделать? Где ты, моя пресловутая находчивость, воспетая в рассказах моих современников?

Однажды я, полный печали, вышел на площадь, покорно готовясь принять новую порцию незаслуженных почестей, и, сам не зная зачем, произнес перед толпой туземцев:

«Теперь у вас в изобилии фрукты и овощи. А было время, ваш остров лежал под толстым панцирем льда. Но отчего лед растаял, спрашиваю я себя? Небось от горячей воды. Бурлила вода, кипела в глубинах, точно в котле. Но вот кто-то вывел ее на поверхность, и кипяток побежал по трубам, лед растопил и снега, отогрел плодородные почвы и воздух. Или, может, я ошибаюсь, и все было не так? Впрочем, мне уже все равно». — И я безнадежно махнул рукой, подчеркивая свою обреченность.

«Нет, ты, как всегда, прав! — возразил толстяк. — Кипяток побежал по трубам и отогрел плодородные почвы. И воздух. Все было, как ты говоришь. А сделал это не кто-то, а один из твоих богоподобных предшественников. Когда-то мы сами пытались, да у нас ничего не вышло».

Как утверждают мои биографы, люди несомненно честные, но введенные в заблуждение, будто бы как раз в этом месте данного приключения я блеснул удивительной проницательностью и, повернувшись к худому высокому наи-вняге, будто бы лукаво спросил:

«Ага, сами пытались? А ну-ка расскажи, как это было».

Не отрицаю, что было, то было. Так и спросил. Только мой взгляд обратился к худому совершенно случайно, а руководило мной вполне понятное в таком случае любопытство. До сих пор наи-вняги казались мне тунеядцами, живущими за счет чужого труда, а они, выходит, сами пытались работать.

Худой замаялся, смущенно потупил глаза и начал:

«А было так... Вспоминать стыдно, божественный!.. В общем, вышел я как-то из хижины ледяной на воздух, поглядел: и здесь лед кругом. А под ногами, думаю, небось крутой кипяток, вот бы вывести его на поверхность. Только не получится у меня, силы не те, думаю. Взял я железный лом и на всякий случай ударил по толстому ледяному покрову. И как следовало ожидать, ничего у меня не вышло. Только кусок льда откололся. Ну, я и ушел домой, стыдясь своего неумения».

«А что было потом?»

И тут будто бы я взглянул с далеко идущим умыслом на его соседа.

«Да о чем рассказывать, мудрейший?.. Вышел я и гляжу: лежит отколотый кусок льда, и вроде панцирь под ним, то есть над горячей водой, уже чуточку тоньше. Вынес я лом и ударил в этом месте. Гляжу: еще откололся кусок, и всего-то, а до воды далеко, почти как и было. Я плюнул и ушел, даже лом бросил в сердцах! Зря, думаю, только брался!»

Затем я узнал, что точно так поступил и третий... и сотый его товарищ. И каждый откалывал по куску льда.

«Ударил я, значит, ломом и потекла горячая вода. А что от этого толку? — рассказывал сто восьмой. — Течет вода и тут же замерзает. Расстроился я и ушел».

«А я захотел отвести воду в трубу, да тоже ничего не вышло. И я ушел, — добавил сто девятый, сокрушаясь. — А труба так и осталась торчать».

Сто десятый приставил к трубе еще один ствол и тоже ушел. И вдруг я понял, что так, сообща, только не зная об этом, наи-вняги пустили подземные воды в трубопровод и отогрели свой оледеневший остров. И точно так, еще не подзревая о своем сотрудничестве, они посадили сады, обеспечили себя плодами. Один бросил зерно и ушел, второй бросил зерно и ушел... четвертый... седьмой... десятый...

«Странно, — задумчиво пробормотал я, — почему вы до сих пор не определили свои координаты?»

«Пробовали! Пробовали, да ничего не вышло!» — закричали, замахали на меня руками наи-вняги.

«Широту я рассчитал, а с долготой ничего не вышло», — признался молоденький белокурый туземец и чуть не заплакал от стыда за свою беспомощность.

«А у меня наоборот: есть долгота, а с широтой не выходит», — простодушно пожаловался румяный парень.

«А вы сложите вместе: вашу долготу и вашу широту. И будут полные координаты», — и я хитро улыбнулся.

«Бог есть бог», — восхищенно развел руками румяный.

«Я здесь ни при чем», — запротестовал я, это начала оживать моя было притихшая скромность.

«А кто же, если не вы? Ведь у нас ничего не вышло».

«Это вы сделали сами. Только вдвоем. И это создано вами! — и я жестом обвел окружающий нас прекрасный ландшафт. — Все, все замечательное, что есть на острове, сотворено вашими руками!»

Толпа туземцев ахнула, а кто-то из них простонал:

«Всемогущий! Зачем ты смеешься над нами?»

«Всезнающий! Твои утверждения — прости! — фантастичны!» — воскликнул толстяк.

Он задел меня за живое, я еще никогда не ошибался!

«Ладно, — сказал я, принимая вызов. — Сейчас вы убедитесь сами и прямо на глазах у себя постройте замечательный дом! Молодой человек, — я обратился к румяному наи-вняге, — вам, бесспорно, хочется построить огромный красивый дом. Но вы не верите в свои силы. И все же возьмите кирпич, положите его в основание дома, который бы вам хотелось построить».

Румяный пожал плечами, взял из груды строительного материала кирпич, положил в основание фундамента и, увидев, что осилить стройку одному невозможно, понурился и по привычке пошел было домой.

«Нет уж, будьте добры, останьтесь! Только отойдите чуточку в сторону!» — потребовал я.

И предложил сделать то же самое белокурому наи-вняге.

Тот уложил свой кирпич рядом с первым и, скрепив их раствором цемента, присоединился к румяному.

Я посылал наи-вняг, одного за другим, на строительную площадку, и те, выполнив часть своей работы, присоединялись к освободившимся соплеменникам. К вечеру посреди площади действительно появился новый замечательный дом. Он рос у всех на глазах, и каждый воочию видел, как его дело продолжают товарищи.

Наи-вняги изумленно взирали на свое детище: «Неужели мы сами построили такой огромный, такой красивый дом?» «Ну как? Теперь убедились в том, что можете обойтись и без богов и других покровителей?» — спросил я, скромно торжествуя победу.

«Ты так считаешь, всевидящий?» — спросил толстяк.

«Ну конечно! Ни один бог, ни один сверхъестественный человек не может тягаться с обычным смертным, если тот строит и сеет вместе с товарищами!»

«Пожалуй, ты прав, — согласился толстяк. — А что же будет с тобой, богоподобный? Ведь если это так, то ты нам отныне не нужен? Разумеется, мы можем оставить тебя, но только уже на общих основаниях».

«Спасибо, но мое место на родном буксире «Перепелкино». И вообще, я не богоподобный, а простой и по-прежнему скромный юнга!» — сообщил я, обращаясь и к наи-внягам и ко всему введенному в заблуждение человечеству.

И тотчас до моего слуха донесся знакомый густой гудок. К острову подходил мой буксир, который уже обогнул всю Антарктиду и приближался с другой стороны света.

— И все же, зачем ему понадобилось это? Выдавать себя за вас? — спросила тоненькая черноокая миражанка.

— Ах, Сорейя, неужели ты не понимаешь? — укоризненно сказал старец. — Ведь...

— Минуточку, я сейчас объясню, — сказал я, вежливо вмешиваясь. — Действуя как бы от моего имени, Пыпин хотел, чтобы я поверил, будто я на самом деле такой же плохой, как он. Будто мы с ним одно плохое целое.

— Ну, кажется, я прояснил все, что должен был прояснить, и ваш юный воспитанник может теперь уже беспрепятственно закончить свою интереснейшую историю, — заверил я старца, приложив к сердцу ладонь. — Но если он не возражает, я могу за него это сделать сам, — предложил я, опасаясь, что из-за давности событий неопытный юноша может нечаянно испортить великолепный рассказ.

— О, вы нам окажете честь! — обрадовался добрый миражанин. — Вы, говорят, отменный рассказчик. А впрочем, мы только что убедились в этом сами. Верно, ребята?

Обе воспитательницы и все бывшие воспитанники сада подтвердили его слова. Кто горячими восклицаниями. Кто красноречивым кивком головы.

— Тогда слушайте, что было дальше, — произнес я, польщенный доверием этих милых людей. — Итак, вы устали на него, стараясь понять, как это юнга в одно и то же время очутился в двух разных местах? Первым, как и подобает, пришел в себя заведующий садом, то есть вы, почтенный аксакал, и бдительно воскликнул:

«Дети, перед вами самозванец!»

«А я виноват, что похож, да? Я виноват? — закричал хулиган, чуть не плача. — И потом: я чему вас учил? Ну признавайтесь! Разве вам не хочется шуметь? Не слушаться старших, а делать по-своему, да? Вот ты, Садык! Ведь ты не любишь рыбий жир. Не так ли?»

«Так», — прошептал честный Садык.

«Да он прав, этот человек, и спать нам ужас как не хочется после обеда. Выходит, он хочет нам добра», — подумали вы, все остальные дети.

«А вы, гражданин педагог? — продолжал хулиган, осмелев. — И вам ведь хочется иногда... ну, признайтесь... говорите вы себе иногда: «Ничего с детьми не случится, ес-

ли я часишко посплю и предоставлю детей себе. В конце концов, не так уж он вездесущ, хулиган этот Пыпин».

«Я живой человек, имею право ошибаться», — ответил заведующий, то есть вы, уважаемый, краснея.

И тут ваш детский сад наполнился таким количеством легкомыслия, что стал легче воздуха и начал всплывать к верхним слоям атмосферы на манер поплавок. Вы все растерялись, не зная, что же произошло, и только Пыпин забегал, завопил: «Каравул, помогите!» — и в последний момент спрыгнул с кромки медленно поднимающегося оазиса в песок. Когда же вы пришли в себя, земля уже виднелась далеко внизу. Ваш сад висел над облаками.

Молодые миражане потрясенно молчали, а старец, покачив головой, сказал:

— Так вот в чем дело?! Но как бы то ни было, вот уже четверть века наш сад парит в небесах, оторванный от остального мира. То есть над нами часто висят вертолеты, то ли с научной целью, то ли просто с группой туристов. Мы сигналим, просим помочь, но они, изучив и нас, и сад, сняв его на пленку и так и этак, улетают прочь, как будто у нас не детский сад, а всего лишь явление природы. Мы долго не могли понять, почему добрые люди не торопятся с нашим спасением. Но однажды до нас донеслось слово «мираж». Его произнес один радиокомментатор, ведя передачу с борта самолета. Он так громко кричал в микрофон, что мы слышали каждое его слово. После этого мы лишились последней надежды на возвращение и, стыдно сказать, совсем упали духом. Ведь только подумать, сколько конфет и варенья могли бы мы за это время съесть! Сколько фильмов увидеть! Миллионы банок! Тысячи кинокартин! То есть ели бы дети, ну и мне досталось немножко. Но, увы, и конфеты едят, и фильмы смотрят другие. И все это без нас!.. И еще раз — только подумать! — вскричал заведующий с новой силой. — И все это случилось из-за того, что кто-то решил избавиться от своего плохого «я», взял да спихнул его чужим людям. Пусть, мол, те повозятся с ним. А я, мол,

зато буду сплошной хороший! Да, мы были слегка легкомысленны, но не больше, не больше других! И не будь этого Пыпина, кто знает: может, вот в эту минуту я и мои питомцы смотрели футбольный матч!

Я покраснел от стыда. Но никто этого не заметил, и старец, успокоившись, сказал:

— Единственное утешение: вам, безусловно, в конце концов удалось победить этого хулигана личным примером, и тот, очевидно, служит пожарником или образцово водит такси.

— Ах, если бы, — ответил я, невольно вздохнув. — Он до сих пор хулиганит.

— Значит, это он пришел вместе с вами? — спросил старец, пугаясь.

— Увы, — честно признал я и тут же встрепенулся. — Но что-то долго Пыпина нет? Как бы он вновь не натворил беды!

И тотчас снаружи раздался звон подфутболенной консервной банки, развязные крики и уличное пение.

Мы выбежали из дворца и увидели Пыпина. Он сидел на верхушке кокосовой пальмы и следил за нами настороженным взглядом.

Я забеспокоился и спросил:

— Что с вами, Пыпин?

— Да вот захотелось нарушить общественный порядок, — признался Пыпин. — А то уж такая тишь, что даже противно. Листья шелестят, птицы поют, журчит вода, понимаешь. Ну, я и не утерпел. Нарушил! И спрятался заодно. Вдруг вспомнят старое и взбучку дадут. И за то, и за это, — пояснил Пыпин, кивнув на сопровождавших меня миражан. — А что я сделал такого? Как Толик, так ничего. Ему можно и дыры в днище вертеть, и судно, понимаешь, на рифы. А я чуть что — и сразу: Пыпин такой, Пыпин сякой, — сварливо сказал хулиган.

Это было несправедливо. Я строго осуждал все проделки Толика Слонова. И все же я с укором сказал:

— Стыдитесь: он мальчик, а вам уже за шестьдесят!

— Тем более! У него все впереди, а мне озоровать всего ничего осталось. Начнутся ревматизмы и подагры всякие, — возразил хулиган.

И все же, помимо своей воли, конечно, он сделал доброе дело: напомнил о Толике.

— Люди хорошие, — спросил я миражан, — вы не видели мальчика на воздушном шаре? Мальчика Толей зовут.

— А как же! Того, что море не видел четыре года? — догадался старец. — Этот как раз недавно был... Вчера. Мы ему были очень рады. Еще бы: первый человек с Большой земли! Да только рискованное дело он тут же задумал. Давайте, говорит, на вашем острове устроим базу пиратов и станем разбойничать на оживленных воздушных путях. И возвращаться, говорит, будем с богатой добычей. С запасами леденцов, которых всегда полно на пассажирских самолетах, и прекрасных дам среднего школьного возраста в полон возьмем. Мы, конечно, сказали: нам еще этого не хватало! Ну, он обиделся, сел в свою корзинку и улетел вон в ту сторону. Ничего, говорит, я себе другое приключение найду.

— Какой перспективный мальчишка! Я твердил это всегда! — закричал сверху Пыпин. — В погоню за ним, скорее! Ух, вместе мы натворим такое! — и скатился вниз по стволу.

— Да, да. Нам нельзя медлить. Я должен его остановить! — закричал я вслед за Пыпиным.

Мы уже были готовы устремиться в погоню, и миражане, видя это, панически закричали:

— А как же мы? Что же, нам пропадать?

Тут я и сам спохватился, вовремя вспомнил, что до сих пор не спас миражан, не помог им вернуться на Землю.

— А ну-ка, — сказал я, закатывая сгоряча рукава тельняшки, — покажите мне ваш оазис.

Приунывшие было миражане приободрились, повели меня по оазису. Пыпин потоптался на месте и побрел за на-

шей экскурсией. Не прошли мы и десятка шагов, как нам то и дело начали попадаться будто бы нечаянно спрятанные сигареты и спички. Неизвестный искуситель прикрыл их листочками пальмы, но так, чтобы часть приманки оставалась чуточку на виду. Для соблазна. Я заметил, что сигареты вызывают у мужской половины миражан ужасное смущение. А некоторым из них прямо-таки приходилось бороться с собой и держать руки в карманах, чтобы они каким-нибудь образом не взяли сигарету.

— Друзья, — произнес я с невольной улыбкой, — желающие могут курить. Только не увлекайтесь, помните: небольшая доза никотина убивает лошадь. — После этого я повернулся к Пыпину и сказал: — И какой был смысл искушать взрослых людей, которым и без того это позволено?

— По привычке, — буркнул Пыпин и почему-то надулся на меня.

Мы обошли уже половину оазиса, заглядывая во все потаенные углы, но спасительная идея укрылась так ловко, что даже не было видно следов, которые бы указывали на ее присутствие. Тогда я решил не тратить время и силы на лишние поиски и действовать наверняка.

— Скажите, почтеннейший, где находится самый последний квадратный сантиметр вашей территории? — обратился я к старцу, собираясь ускорить поиски и хватая, как говорится, быка за рога.

Тот прикинул в уме и уверенно сказал:

— Я думаю, он расположен за хозяйственным складом. Но поверьте мне, это не лучший уголок нашего детского сада.

— Я надеюсь, мы завершим нашу интереснейшую экскурсию как-нибудь там, на Земле, — сказал я, тонко улыбнувшись. — А сейчас прошу отвести меня на это место.

Придя вместе с ними на самый последний сантиметр, я как бы завершил обход территории.

— Все! Я сдаюсь! — сказал я громко.

После того как игра в прятки закончилась, спасительная идея вышла ко мне во всей своей гениальной простоте.

— Друзья! — обратился я к миражанам. — Раньше вы думали только о конфетах и кино. Подумайте теперь о чем-нибудь более весомом!

— Вы имеете в виду весомые мысли?! — озаренно воскликнул старец.

— Ну конечно! Мысли, наполненные значительным содержанием, — подтвердил я, не медля.

— Ну, если вы так считаете... если так верите... Что ж, мы попробуем подумать так. Шут с ними, с конфетами и кино, ну, не съели, ну, не поглядели. Мы лишили себя более важного. Ах, сколько можно было принести всем людям добра, не случись этой истории!

Оазис дрогнул, качнулся под нашими ногами, но остался на месте.

— Подумайте об этом еще раз. Только поискренней! Сердечней! — попросил я, очень волнуясь.

Миражане подумали еще сердечней, и детсад под тяжестью нового философского мировоззрения начал опускаться к земле.

— До свидания! До встречи внизу! — кричали ликующие миражане, удаляясь вниз.

И вот уже с нами поравнялись верхушки мохнатых пальм и скрылись под белыми облаками. А вскоре до нас долетел шорох песка — это детсад прочно сел на свое прежнее место.

— Ловко ты их! — сказал хулиган с невольным восхищением. — Даже некоторая гордость берет. Как-никак, а мы с тобой половинки одного целого!

— Пыпин! Дорогой! Наконец-то! — обрадовался я и раскрыл свои братские объятия.

— Но, но, не злоупотребляй моей минутной слабостью, — охладил меня мой извечный противник. — Идем, и так столько времени прошло без всякого интереса!

Я собирался ответить ему достойно и, что главное, поучительно, но меня отвлек шум мотора. Над нами повис огромный пассажирский вертолет ярко-оранжевого цвета. В иллюминаторах торчали головы пассажиров, крайне расстроенных исчезновением заоблачного оазиса. И только одна из них, круглолицая, курносая школьница, безмятежно спала, прильнув щекой к теплему от солнца стеклу. Чутье подсказало мне, что спит она неспроста, что она каким-то образом еще появится на нашем пути.

Пилот махнул рукой в досаде и повел машину в родной аэропорт. Перед моими глазами напоследок мелькнул иллюминатор со спящей девочкой, и мы тоже зашагали своей дорогой, по следам Толика Слонова.

— Курносая-то — отличница. Сразу видать! Жаль, что Толик ее не похитил, — посетовал Пыпин, оглядываясь на удаляющийся вертолет.

— Да что в этом хорошего, Пыпин? В похищениях? — спросил я с самым искренним удивлением.

Все мои современники, точно сговорившись, утверждают, будто я обладаю исключительно острым и пронизательным умом. На самом деле это не так, и потому-то мне до сих пор не удалось раскрыть другой секрет старого хулигана: почему, ну почему он считает плохое хорошим? Я потратил на эту отгадку все пятьдесят лет своей бурной жизни. Мне казалось, что именно здесь и находится ключ к победе над Пыпиным. Но, увы, даже мой глубокий, если верить современникам, аналитический ум пока остается бесильным перед сокровенной тайной знаменитого хулигана.

— Как что хорошего? — воскликнул Пыпин, к счастью, не догадываясь о моей неудаче. — Разве плохо оставить класс без самой примерной ученицы? А что она и общественница и учится на круглые пятерки, я в этом не сомневаюсь. Вдобавок ко всему девчонка учится играть на фортепьяно и посещает секцию спортивной гимнастики. Я таких опасных детей чую за версту и обхожу еще за три километра.

Я порадовался за незнакомую отличницу и не без лукавого торжества подумал, что Пыпину и в голову не пришло, что эта девочка, наверное, еще ко всему помогает маме мыть посуду после обеда и гуляет с маленьким братом.

Так, проводя время в дискуссиях на морально-этические темы, мы добрались до той точки неба, которая находилась как раз над центром Сахары. Здесь колея, оставленная воздушным шаром, пошла вниз и скрылась под облаками.

Я и Пыпин тоже с ходу хотели спуститься под горку, но не тут-то было. Каждый раз, когда мы ступали вниз, плотные слои атмосферы выталкивали нас вверх, потому что, избавившись от земного притяжения, наши тела стали легче воздуха.

Я попытался растолковать недоумевающему Пыпину причину этого явления, но презиравший науки хулиган не поверил и, разбежавшись, прыгнул, собираясь пробить ногами всю толщу воздуха до самой земли. Но воздух, точно батут, прогнулся под Пыпиным и потом швырнул его к звездам.

— Прощайте! — завопил Пыпин, становясь с перепугу вежливым.

Я успел схватить его за голую пятку, иначе бы мой спутник вышел на орбиту и стал новым спутником Земли.

— Что же теперь делать? — спросил Пыпин, когда я поставил его рядом с собой. — Я не могу же всю жизнь провитать в небесах, будто какой-нибудь, извиняюсь, ангел или мыслитель.

Он представил себя в роли ангела с белыми крыльями, а потом в позе мыслителя, и, несмотря на наше незавидное положение, не удержался и хихикнул.

А я с нечаянной завистью подумал о том, как легко живет иногда отрицательным героям. Пыпин будет сидеть сейчас сложа руки. А мне придется выдумывать способ, который позволит нам спуститься на Землю. Положительный герой, и особенно такого ранга, как я, всегда должен взваливать всю ответственность на себя.

— Что нужно сделать для того, чтобы вернуться на Землю? — спросил я себя вслух.

— Все! Для этого ты должен сделать все! Ты втянул меня в эту затею, ты меня и выпутывай, — несправедливо обвинил меня Пыпин.

— И совсем я не втягивал вас. В мое путешествие вы напросились сами, — напомнил я с мягким укором.

— Знаю. И все же я буду бессовестно утверждать, что это ты коварно и бессердечно вынудил меня выпрыгнуть из сапог, — сварливо произнес Пыпин. — И вообще, я больше не желаю оставаться на небесах и часа. Здесь нет ни кривых улиц, ни маленьких детей, на которых можно плохо влиять, потому что родители и школа уделяют им мало внимания. Так что шевели мозгами!

— Итак, чтобы вернуться на Землю, мы должны каким-то образом вернуть себе вес, — ответил я на свой же вопрос после недолгих раздумий.

Пыпин вдруг стукнул себя по лбу и закричал:

— Да это же очень просто! Я сяду тебе на плечи, и ты под моей тяжестью сразу начнешь падать вниз! А вместе с тобой на Земле окажусь и я. Только ты крепче держи меня за ноги.

Я про себя с удовольствием отметил, что мое второе «я» не лишено ума.

Ведь в самом деле, каждый из нас был невесом только по отношению к самому себе.

Но стоило бы одному из нас сесть на другого верхом, как тот, другой, сразу бы почувствовал на себе тяжесть.

— Bravo, Пыпин, — похвалил я. — И все же ваш план не лишен недостатков.

Да, у этого превосходного замысла был существенный изъян, иначе бы он, разумеется, еще раньше пришел в голову мне. Если бы Пыпин сел на мою шею, мы бы камнем упали вниз с многокилометровой высоты. Когда я сказал об этом Пыпину, он впал в неопишемое отчаяние.

— Не расстраивайтесь, — сказал я ему. — Не теряйте

напрасно драгоценное время. Пошарьте в своих карманах. Не завалюсь ли в них что-нибудь из еды?

Пыпин полез в карманы брюк и обнаружил на дне одного из них ломоть зачерствевшего хлеба. Я тоже сунул руку в карман и совершенно случайно нашел полную горсть кедровых орешков.

— Я сам догадался! Сам! — крикнул вошедший в азарт Пыпин и сунул было в рот ломоть целиком.

Но я вовремя удержал его за руку и предупредил:

— По кусочку. Даже по одной крошке.

Так, бросая в рот по крошке хлеба, по одному орешку и тем самым постепенно увеличивая вес, мы начали спускаться на поверхность Земли. По моим расчетам, ломтя хлеба и горсти орехов как раз только и хватало для того, чтобы достичь верхнего миллиметра Земли, и случайная потеря даже одной крошки или ореха могла навеки лишит нас этой возможности.

Поэтому я бдительно следил за тем, как Пыпин расходует свой рацион.

Мы опускались медленно, мягкими толчками, и Пыпин то и дело заводил беседу о еде. По его словам, ему больше всего нравилась горбушка свежего, еще теплого хлеба или даже просто кусок хлеба, но при условии, если ешь его, бегая с приятелями по улице. Понимая, что эта скользкая тема может привести к беде, я переключал разговор на мультфильмы.

И мне вроде бы удалось отвлечь внимание Пыпина. От Земли нас уже отделяло расстояние, для преодоления которого хватило бы даже мелкого недозревшего ореха или единственной крошки хлеба. По моим расчетам, именно такими резервами пищи мы и располагали к концу своего успешного спуска. Я извлек из кармана последний орех и, прежде чем положить его на зуб, весело сказал своему спутнику:

— Итак, еще одно усилие. Что же вы медлите, Пыпин?

Его поведение удивило меня. До этого хулиган то и де-

ло спешил, и мне приходилось сдерживать его, иначе бы он тут же съел весь кусок.

— Я не мѣдлю, — уныло ответил Пыпин. — У меня не осталось ни одной крошки хлеба.

— Не может быть! — воскликнул я. — Все было рассчитано до одной тысячной грамма! А я, как вам известно, никогда не ошибаюсь.

— Да ты-то мог рассчитывать все, что угодно, да только я не утерпел и вместо одной крошки съел две, — рассказал Пыпин. — Я очень хочу есть. И у меня нет силы воли.

— Несчастный, вы могли разбиться! — вскричал я, хватаясь за голову. — Эта крошка должна была резко увеличить ваш вес. Неужели вы ничего не знаете о свободном падении тела?

— Даже представления не имею, — признался Пыпин, невольно гордясь своим невежеством. — Да и знать мне это вовсе ни к чему! Ведь не разбился я? Не разбился! — закричал он, стараясь меня посрамить.

— Я рад, что вы живы и невредимы и висите сейчас рядом со мной. Но вас спасло какое-то чудо, — сказал я, покачав головой, а про себя подумал, что, наверное, чудо всего-навсего состояло в том, что последняя крошка хлеба, которую Пыпин съел раньше времени, тоже не разбиралась в законах физики и потому не увеличила резко его вес.

— Но что же вы теперь будете делать, Пыпин? — спросил я, прерывая его бурное торжество над наукой. — Я съем свой орех и окажусь на земле, а вы навсегда останетесь здесь.

— Ты не посмеешь бросить своего товарища по дороге. Тебе не позволит совесть. Если на то пошло, то этот орех ты должен пожертвовать мне.

♦Надо же, за всю свою жизнь не прочитал ни одной книжки, а знает, как обязан вести себя положительный герой, — невольно удивился я. — Ну что ж, это к лучшему, когда мне удастся сделать его хорошим человеком, он

уже будет знать, что, если кто-то попал в беду, немедленно спешите на помощь и не думайте при этом о себе».

— Вы правы, Пыпин. Этот орех придется пожертвовать вам. И, увы, принять удар судьбы на себя, — сказал я, протягивая орех.

Пыпин поспешно разгрыз скорлупу и опустил на землю.

— Привет, висельник! — издевательски крикнул Пыпин, задрав подбородок с нечесаной жесткой бородой.

— Эх, Пыпин, Пыпин! — ответил я с укором. — Пора бы усвоить родной язык. Слово «висельник» имеет другое значение.

— Тьфу, как ты мне надоел! Хоть бы теперь... да ну тебя! — Он возмущенно махнул рукой и зашагал прочь, увязая по щиколотку в горячем песке.

— Одумайтесь, Пыпин! Не мешайте детям духовно расти! Не сбивайте их с верной дороги! — крикнул я ему вслед.

Но Пыпин ушел, так и не откликнувшись на мой призыв, а я остался один-одинешенек в воздухе, метрах в трехстах от Земли.

«Ну что ж, — подумал я, — если у меня нет возможности продвинуться вниз даже на сантиметр, то шагать по горизонтали можно куда угодно».

Я осмотрелся. Небо точно вымерло. Даже воздух и тот, казалось, специально поредел по такому случаю. Но мой зоркий глаз все же заметил вдалеке над горизонтом две тоненькие линии. Они трепетали, словно ниточки на ветру, сходясь в одной точке углом.

Во мне всегда жил страстный естествоиспытатель. Боясь сгореть от любопытства, я немедленно зашагал в сторону странных линий и вскоре обнаружил, что к геометрии они не имеют никакого отношения.

Это был бесконечный караван крошечных птичек, летящих с севера на юг. Путь их, видимо, был долг и полон нелегких испытаний. Птички махали крыльями из

последних сил и то и дело посматривали вниз, надеясь найти деревце или кустик, на который можно было бы присесть хотя бы на минутку и перевести дух. Но под ними лежали сплошные ровные пески.

Я чувствовал, что мы в силах друг другу помочь, но совершенно не знал, каким именно образом. Ах, если бы у меня была хоть капля находчивости!

И тут я увидел потерянную кем-то находчивость, лежащую в неглубокой воздушной ямке. Видимо, ее уронил какой-нибудь летчик, проносившийся по здешним небесам.

Я поднял ее, и она тотчас же подсказала единственное верное решение. Я вернул находку на место, зная, что хозяин непременно вернется за ней, придавил крупной градиной, чтобы ветром не унесло, и прикинулся кудрявой березой.

Одна из птичек, заметив гостеприимное дерево, сейчас же уселась на мое левое плечо. Точнее, это было всего лишь мимолетное прикосновение, потому что, переведя дух, птичка тут же вернулась на свое место в строю. Но даже легкого касания ее лапок хватило для того, чтобы я под их давлением спустился на несколько сантиметров к Земле. Вслед за первой птичкой на мое плечо присела вторая, ее сменила третья, за ней отдохнула четвертая. Словом, крылатые странницы поочередно прикасались ко мне, и я опускался все ниже и ниже, постепенно приближаясь к Земле. Но поскольку птицы присаживались только на ближнее к ним левое плечо, то мое тело с каждым разом кренилось набок. И тем не менее оно медленно снижалось в пустыню Сахара. И когда последняя путешественница, передохнув, устремилась вслед за караваном, мой левый бок лежал на горячем песке.

Я поднялся, помахал птицам рукой, попрощался с ними. «Хорошие ребята! Пошли им, погода, теплую зимовку, побольше солнца и сытных личинок. Вредных насекомых, конечно», — таково было им мое доброе пожелание.

А меня ждали новые заботы. Где-то в песках Сахары

бедствовала исчезнувшая экспедиция майора Стенли. Я понимал, что вместе с майором отправились исключительно отважные люди, готовые сразиться с самумом, невыносимой жарой и ужасающей жаждой. Но эти мужественные люди никогда не имели дела с маленькими авантюристами и подстрекающими их матерыми уличными хулиганами.

Я решил не мешкать и пошел куда глаза глядят, потому что это был самый верный способ найти людей, затерявшихся где-то в бескрайних песках. Но я не сделал и трех шагов, как на меня жадно накинулись, притянули к земле. Это напала на мой след Гравитация, нашла и поспешно, пока я вновь не исчез, заключила в железные объятия. Ей было невдомек, что я только и ждал этого, опасаясь, как бы мое лишенное тяжести тело вдруг, точно поплавок, не поднялось в стратосферу.

ГЛАВА VIII, в которой оба противника хотят избавиться друг от друга навсегда

Первое время я ехал на собственных ногах. Запускал их с утра и, пока ноги послушно шагали, как заведенные, по горячему и вязкому песку, мысленно переносился в ближайший приморский кабачок, проводил там часок-другой за стаканчиком фруктовой газированной воды и к вечеру, обменявшись новостями со случайным застольником, возвращался в свою телесную оболочку. Впрочем, таким способом избавляются от однообразия ходьбы многие любители странствий.

И все же ноги, даже такие легкие и быстрые, как у меня, не очень подходящий транспорт для случая, когда ты спешишь на помощь. Ночами ноги спят — подзаряжаются свежей силой. Но я себе такой роскоши позволить не мог и потому начал искать новое средство передвижения.

Как всем известно, спасительный случай редко когда сам дается в руки. Помня об этом, я решил действовать наверняка и устроил ему засаду — залег, почти слившись с песком. И Случай не заставил себя ждать. Он выполз из-за горизонта в облике странствующего бархана.

Ветер гнал его со скоростью средней спортивной яхты. Не видя меня, Случай повернул в мою сторону, и едва бархан поравнялся со мной, как я проворно поднялся на ноги и взлетел на его острый гребень.

О том, что последовало за этим, вряд ли стоит распространяться. Ну конечно же, я сделал то, что сделал бы на моем месте даже начинающий путешественник — смастерил из случайно оказавшихся под рукой сучьев штурвал и хвостовой руль и выточил из так же случайно подвернувшегося валуна отличный трехлапый якорь. А потом я подобрал тоненький прутик и начертал на борту своего нового корабля:

«ПЕРЕПЕЛКИНО-2».

Словом, я выбрал способ передвижения, уже встречавшийся в истории морских путешествий. Люди не раз пускались в плавание на дюнах или барханах, тут важно было только одно — чтобы это редкое явление природы вовремя попало тебе на глаза. Как видите, Случай, выпавший мне, оказался обычным, но в этой спешке у меня просто не было другого выбора.

К разочарованию современников, превозносящих на все лады мои достоинства, я должен сказать, что это плавание проходило удивительно безмятежно. Разумеется, были и свирепые львы, и воинственные кочевники на верблюдах. Без них ни одна пустыня не может считаться пустыней. И потому к их появлению нельзя было относиться всерьез. Встречи с ними протекали, как написано в книгах. Вначале львы и кочевники красиво возникали на гребне песчаных волн, а потом, заметив мое судно, пускались в погоню. Львы при этом страшно рычали, а кочевники падали в воздух из новеньких автоматических винтовок.

Я это долго терпел, но однажды не удержался и при всей своей общеизвестной деликатности скупающе зевнул и крикнул шейху, скакавшему впереди своего отряда:

— Ребята, это же так банально!

Шейх смутился, придержал разгоряченного погоней верблюда, что-то сказал своим воинам, и отряд повернул назад. Преследующие меня с другого фланга львы тоже прекратили погоню и, пристыженно поджав хвосты, ушли за холмы.

И все же я, как опытный моряк, понимал, что безмятежное плавание всегда обманчиво. Кто знает, какие острые скалы или мели таились под притворно спокойным песком. Поэтому мне пришлось нести вахту круглые сутки, то и дело сменяя самого себя. Пока один мой глаз спал крепким сном, другой зорко смотрел вперед.

На пятый день пути мой бодрствующий глаз заметил в безбрежных просторах пустыни одинокую скалу, размером с будку «Союзпечати».

— Земля! — крикнул я про себя и открыл второй глаз.

Скала была обитаема. На ее вершине стояла туземная девочка и махала мне ладошкой. Я подвел бархан «Перепелкино-2» к пологому боку скалы и бросил якорь.

— Скажите, как называется ваш остров и что за народ населяет его? — спросил я у девочки.

Девочка огляделась и убежденно ответила:

— По-моему, кроме меня, здесь никого нет. По крайней мере, с тех пор, как я здесь появилась, не было ни души.

И тут я понял, что передо мной вовсе не туземная девочка. Мне показалось, что будто бы мы даже где-то встречались. Девочка была красивой, с очень серьезными черными глазами и курносым носом. На плече у незнакомки висел кассетный магнитофон.

Я спросил, не скрывая своего изумления:

— Кто же вы? И как сюда попали?

— Я Маша Фырова. Школьница из Туапсе, — спокойно пояснила девочка.

И тут мне вспомнился оранжевый вертолет и девочка, спящая за стеклом иллюминатора. Ну конечно же, это была она — явная отличница и несомненная активистка, как заметил опытный Пыпин.

А Маша тем временем говорила, вежливо отвечая на мой вопрос:

— Мы путешествовали с папой в большом пассажирском вертолете. Папа читал толстый журнал, а я смотрела в иллюминатор вниз, на пустыню, и думала: вот бы привезти в школу горсть песка из Сахары. В новом учебном году мы проходим пустыни, и этот песок можно показать как наглядное пособие и даже дать потрогать. Потом я закрыла глаза и каким-то образом очутилась на этой скале.

Я понял, что Маша до сих пор не проснулась, и все это — и нашу встречу и мой бархан — она видит во сне. Ведь только во сне можно встретить бархан, несущийся по

пескам под всеми парусами. Итак, сообразив, в чем дело, я решил оставить девочку на скале, рассудив, что Маше ничто не грозит, поскольку, что бы с ней ни случилось, все равно это будет только во сне. И стоит ей проснуться, как она тотчас окажется рядом с отцом, в кресле уютного салона.

— Тебе здесь не страшно? — спросил я на всякий случай.

— Нисколько! И даже наоборот. Здесь очень много познавательного. Вот, например, ракушка, — и она показала красивую ракушку. — Я достала ее на глубине семидесяти метров. Она лишний раз подтверждает, что здесь когда-то плескалось море.

«Ну конечно же, в этом-то и все дело, — вспомнил я. — Вот почему Сахара ведет себя как море! Она до сих пор не может избавиться от старых привычек».

Я пожелал добросовестной школьнице новых натуралистических успехов и нагнул, чтобы поднять якорь. И вдруг увидел след босой человеческой ноги. Я узнал бы его среди миллионов других следов. Он был мне знаком, как мой собственный, потому что оставил его Пыпин! Матерый хулиган бродил по Сахаре в поисках детей, оставшихся без присмотра родителей.

— Как бы не было здесь интересно, ты должна спуститься на корабль. Маленькой девочке нельзя одной оставаться в пустыне, — сказал я, опасаясь, что Маша закапризничает и мне придется ее уговаривать.

Но Маша оказалась очень послушной девочкой.

— Хорошо, я сейчас сойду. Взрослые лучше знают, что нужно делать, — разумно ответила она и спустилась на мой корабль.

Я поднял якорь, и «Перепелкино-2» весело побежал, подгоняемый неутомимым ветром. Маша включила свой магнитофон, и над Сахарой зазвенели бодрые детские песни.

А на следующий день перед нами показались белые

палатки экспедиции и возвышавшийся посреди лагеря песчаный столб. Он был похож на неподвижный смерч, врытый основанием в почву. Я решил, что не ошибся, потому что сам, попадая в такие места, где не найти ни столба, ни дерева, ловил смерчи, вкапывал корнями в землю, и те исправно служили для хозяйственных нужд. Я ставил их вместо упавшей опоры, несущей провода, натягивал на два смерча волейбольную сетку и перекидывался с товарищами в мяч. А однажды привил к одному молодому смерчу побеги груши дюшес. Но, впрочем, это давно уже людям известно.

Вот и здесь между песчаным столбом и одной из палаток тянулась веревка, и на ней сушилось белье. А чуть повыше к этому оригинальному столбу был привязан воздушный шар Толика Слонова.

Обнаружив самый убедительный след маленького авантюриста, я поднял все паруса, надеясь предотвратить его новую шалость, но мой маневр немножко опоздал. В лагере уже царила неопишуемая паника. Она означала, что Толик Слонов в последнюю минуту успел меня опередить.

Я пришвартовал дюну в двух шагах от крайней палатки, и едва мы с Машей сошли на землю, как нас тотчас же окружили люди, на лицах которых сквозь бесспорную печать воли и мужества на этот раз проступала нескрываемая печаль. Они пропустили вперед усатого мужчину в тропическом шлеме и шортах, и тот представился нам:

— Руководитель международной экспедиции майор Стенли. О нет, всего лишь однофамилец великого майора Стенли. Не вовремя вы прибыли к нам, дорогой Иван Иванович — ну как вас не узнать? — и ваща отважная спутница. Можно сказать, прибыли на свою беду. Нас всех ожидает мучительная смерть от жажды. Только что каким-то необъяснимым образом открылся кран нашей цистерны, и все запасы воды вытекли в песок.

— А незадолго до этого при таких же непостижимых

обстоятельствах вышла из строя ваша рация, и теперь вы лишены возможности известить о своем бедственном положении весь мир, — закончил я, сделав очевидный для всех вывод.

Но бедный майор, находясь в критическом положении, ошибочно принял это за удивительную проницательность и воскликнул голосом, в котором смешались и горечь и невольное восхищение:

— К сожалению, вы угадали! Как жаль, что может погибнуть такой человек и сопровождающая его девочка!

И рядовые члены экспедиции поддержали его возгласами отчаяния. Отважные путешественники в эти минуты совсем не думали о себе, их беспокоила только наша печальная участь.

— И еще нас беспокоит судьба двух других людей, случайно присоединившихся к нашей экспедиции: странного желчного старика, пришедшего босиком из глубин пустыни, и мальчика, который прилетел на сооружении, похожем на воздушный шар, — добавил майор, угадав мои мысли и как бы соревнуясь со мной в проницательности.

— Как, Пыпин уже здесь?! — воскликнул я, невольно продолжая наше нечаянно возникшее соревнование.

И словно на мой зов, из-за палаток появились хулиган Пыпин и Толик Слонов.

— Я тебя как учил? «Не слушайся старших, капризничай, поступай им наперекор». И тут у тебя был такой широкий выбор! А ты что наделал? Оставил меня без воды, — отчитывал Толика встревоженный Пыпин.

— Но я же так и поступил. Наперекор взрослым. Они все время твердили: береги каждую каплю воды, береги каждую каплю... А я взял да и вылил ее. Но дело даже не в этом. Я украсил жизнь экспедиции. Ну, разве это настоящая экспедиция в пустыне, если она ни разу не страдала от жажды? — отвечал Толик Слонов, очень довольный собой, и почему-то загадочно улыбался.

— И зачем я связался с этим мальчишкой? Теперь я погибну в песках без воды! — застонал старый хулиган. — И никто не узнает, где могила моя!

— Какой странный сон, — задумчиво произнесла Маша Фырова. — Дедушка, а вы бывший двоечник, да?

— Ну и двоечник, ну и что? Чуть что — и сразу двоечник, двоечник, — уязвленно заворчал Пыпин. — Можно подумать, ты отличница сама.

— Круглая, — просто и скромно подтвердила Маша.

— Ты отличница? Круглая? — испугался Толик.

— Ты же не глухой, ты же слышал, что я сказала, — мягко и вместе с тем строго напомнила Маша. — Но не бойся, я непременно буду шефствовать над тобой.

Но тут мальчик заметил меня и закричал, как бы переходя в наступление:

— Ну что вы напали на меня? Я же знал, что появится юнга Иван Иванович, совершит очередное чудо, и у нас появится вода!

— В самом деле! — воскликнул майор Стенли. — Что же мы повесили носы? Ведь с нами вы, Иван Иванович! Уж вы-то в самом деле найдете выход. Да еще оригинальный такой, какой и в голову никому не придет!

И все воспрянули духом. Люди хлопали друг друга по спине, по плечу, обменивались радостными восклицаниями. Даже Маша и та, поняв, о чем ее сон, приняла участие в общем душевном порыве. А Пыпин сразу стал торопить меня, говоря:

— Ну-ка, Вань, начинай, не откладывай свое доброе дело. Вот говорят, мол, Пыпин бездушный, никого не любит, а я так беззаветно, преданно люблю свою жизнь. Как никто!

Белое от жары солнце немилосердно жарило наш маленький лагерь. Но люди наивно верили в находчивость, которой у меня не было на самом деле. У меня не хватило духу, я не стал лишать своих товарищей последней надежды, сел в тени у подножия смерча, привалился к нему

спиной и сделал вид, будто ищу тот самый единственный выход.

Стараясь мне не мешать, члены экспедиции разошлись на цыпочках по лагерю и увели с собой Пыпина и детей. Старый хулиган упирался, говорил:

— Пустите, я буду за Иваном смотреть! Я ему отвлекаться не дам, подгонять его буду!

Пыпина увели, оставили меня одного. Я думал минуту, час, второй, потом потянулся третий. Но все подходящие идеи, как и следовало ожидать, обходили меня стороной, никак не желали навещать мою голову.

Заметив это, мои новые друзья начали проявлять беспокойство. Они считали, что такого со мной еще не было. То есть в конце концов я всегда находил нужный выход, но каждый раз это было делом чистого случая. Но они не знали этого, тревожились за мое состояние, и самый зоркий из них временами подглядывал за мной из-за крайней палатки.

— Ну как он там? — с надеждой спрашивали они своего разведчика.

— Все еще думает, — сокрушаясь отвечал разведчик.

До моего сознания долетал дружный общий вздох и возмущенный голос Пыпина:

— Вот бездельник! А еще требует от других.

Потом потянулся четвертый час, и вдруг я понял, что на этот раз случай решил меня обойти и мне так и не удастся найти удачный выход из нашего прямо-таки катастрофического положения.

Это открытие так поразило меня, что я на время забыл о беде, постигшей наш лагерь. И отвлекся. И вдруг сообразил, что все это время моя спина опиралась не на мягкий песок смерча, а на нечто жесткое, твердое.

Я обернулся и сунул руку в песчаный столб. Мои пальцы уперлись в прохладный гладкий металл. Я копнул глубже, и вдруг на меня сверху обрушились потоки песка.

Я живо вскочил, отбежал в сторону и, отряхнувшись,

увидел перед собой космический корабль. Он возвышался надо мной, точно гигантская шариковая ручка. Его сверкающее острие было нацелено в самый центр неба.

Первым делом мне в голову пришло, что это «Союз» или «Аполлон», опустившийся каким-то образом в Сахаре и почему-то брошенный экипажем. Но тут же я понял, что наши современные космические корабли тут ни при чем. Для того чтобы такую громаду занесло песком, нужны многие века. Значит, передо мной находился звездолет, на котором еще летали древние египтяне. Мне стало грустно, когда я понял, что сделал археологическую находку века. Ну просто не было никакой возможности остаться скромным.

Но вдруг, обходя корабль, я, к своей радости, увидел надпись:

«СКРОМНЯГА»

порт приписки планета Скромная.

Однако радость моя длилась недолго. Я быстро понял, что угодил в еще большую неприятность, явившись первым человеком, обнаружившим следы космических пришельцев, некогда посетивших нашу планету.

Мне стало не по себе, когда я представил, какая новая слава ждет меня, если мы не погибнем от жажды в песках. И будь я один, я, наверное, выбрал бы последнее. Потому что такого бремени славы мне уже ни за что не выдержать. И пусть уж обо мне просто говорят: «А, это тот самый Иван Иванович, который полвека плывал юнгой из Новороссийска в Туапсе?»

Но в конце концов мне пришлось смириться с неизбежностью славы. Покончив с размышлениями, я заметил, что вокруг меня происходит что-то странное. В воздухе передвигались сами по себе чьи-то начищенные медные пуговицы, отделенные от костюма и обшитые серебристым галуном рукава и штанины с позолоченными лампасами. Так же сам по себе бегал по песку беспризорный лакиро-

ванный сапог, а на уровне моего плеча плавал, потряхивая густыми кистями, роскошный генеральский эполет.

А затем кто-то невидимый взволнованно воскликнул:

— Он, кажется, нас обнаружил?

— Ничего себе кажется! Он ни много ни мало откопал наш корабль! — ответил кто-то другой, невидимый, с эполетом.

— Все же кому-то из нас придется себя пересилить и вступить с землянином в контакт, — грустно сказали из района пуговиц.

— Капитан! Видимо, сделаешь это ты. Тебе терять уже нечего, — сказал лакированный сапог.

— Почему мне терять нечего? Думаете, если меня назначили капитаном корабля, значит, я совсем уже конечный? — обиженно ответил эполет.

Я не стал ждать, что будет дальше, потому что невидимки могли торговаться между собой и день, и два, а у нас уже не было времени, и схватил проплывавшую мимо меня пуговицу.

— Он случайно взял мою пуговицу! — закричал невидимка и дернулся, пытаясь освободиться.

Под моими пальцами затрещала ткань. Но я еще крепче вцепился в пуговицу невидимки.

— Сейчас же отпустите меня! — потребовал невидимка. — Вы порвете мой простенький мундир, который стоит целое состояние.

— Отпущу, если скажете, кто вы, — пообещал я, по-прежнему держась за пуговицу.

— Я не могу вступить с вами в контакт. Мне кое-что мешает, — ответил невидимка.

Я возразил:

— Вы уже вступили. Мы уже обменялись с вами репликами. С вашей стороны их было даже две.

Мой невольный собеседник помолчал и растерянно согласился:

— Пожалуй, вы правы. Я даже не заметил, как всту-

пил. Значит, я хуже всех в экипаже. Так и войду в историю своей страны, как человек, первый заговоривший с землянином. — Невидимка всхлипнул, затем тяжело вздохнул и сказал: — Ну, ладно, теперь мне все равно пропадать. Так что вы хотели узнать: кто мы и откуда? Мы — жители планеты Скромной из созвездия Простецко-го-Свойского. Прилетели к вам с единственной, вполне понятной целью: установить контакт с вашей цивилизацией. Если, разумеется, кто-нибудь из членов экипажа окончательно потеряет к себе уважение.

— Что же выходит? Вы такие гордые? И считаете ниже своего достоинства вступать с нами в контакт? — спросил я, не сумев скрыть своего возмущения.

Среди невидимок началась невероятная паника. Рукава, штанины, сапог, пуговицы, пряжки ремней и эполет замялись вокруг меня.

— Что вы? Что вы? Как смели так подумать, совершенно не зная нас? Мы же совсем наоборот! — закричали невидимки в один голос.

— Тогда я ничего не понимаю, что происходит со мной, если верить другим, кстати, очень редко, — сказал я. — О таинственных причинах, мешающих вам контактировать с нами, мы побеседуем потом. А сейчас вы должны мне помочь спасти нашу экспедицию.

И я поведал пришельцам о нашей беде. Мой рассказ вызвал среди них и сочувствие, и растерянность.

— Мы очень опечалены вашей судьбой, — сказал эполет. — Но... но помочь вам не сможем.

— Да что вам мешает, в конце-то концов? — вскричал я, теряя терпение.

— Наша скромность, — кротко ответил эполет.

Мне показалось, что меня подвел мой тонкий слух. Я слышал впервые, чтобы скромность была препятствием для свершения добрых дел.

— Да, да, помочь вам мешает скромность, — подтвердил эполет, видя мое смятение. — Мы вас спасем, а по-

том все станут указывать пальцем на нас и говорить друг другу: «Вот они, нескромные люди! Им очень хотелось отличиться, и для этого они спасли землян. Полкуютесь на них!» А мы между тем соревнуемся за звание самого скромного.

— Так вот в чем дело! — сказал я. — Да, на вас будут указывать пальцем, но только по другому поводу. «Это те, кто не шевельнул даже мизинцем, чтобы спасти землян», — вот что тогда скажут люди.

Я услышал легкий шорох. Это озадаченные пришельцы терли затылки.

— А пожалуй, он прав, — пробормотал эполет, командир корабля.

— Вот это влипли в историю, — добавил тот, кого я держал за пуговицу.

— Мы влипли еще в тот день, когда отправились в это путешествие, — сказал с горькой усмешкой пришелец с лампасом. — И теперь от хорошего поступка не отвертишься, как ни хитри.

— Ну, а если так, то мы поможем, землянин, и тебе и твоим друзьям, — произнес командир, приняв решение. — Только одно условие: никаких благодарностей. Этого нам не перенести. Мы погибнем от сильного приступа смущения.

Это мне было знакомо. Я и сам однажды едва не погиб от смертельной дозы похвал, когда все газеты мира посвятили свои номера моему скромному юбилею. В тот день число моих приключений перевалило за тысячу. Что тут началось! На меня обрушился небывалый ураган восхищения, и меня спасли лишь железное здоровье и привычка к самым невероятным испытаниям.

Вспомнив этот трагический случай, я торжественно поклялся пришельцам предать их добрый поступок сиюминутному забвению.

— И было бы еще лучше, если бы вы, больше того, оплатили нам какой-нибудь самой черной неблаго-

дарностью, — мечтательно добавил пришелец, обутый в сапог.

— Вот этого я обещать не могу, — искренне признался я. — Мы всего лишь слабые люди, и то, чего просите вы, нам, пожалуй, не по силам.

Мои открытые, честные слова немножко расстроили инопланетян и вместе с тем тронули своим благородством.

— Итак, что мы должны сделать? — с отчаянным велением спросил командир корабля.

Я тут же составил план наших совместных действий. При этом пришлось мне, щадя застенчивый нрав пришельцев, отказаться от очень интересных и сложных, а потому чреватых славой путей. И все же, несмотря на безыскусную простоту, план мой, как утверждали потом очевидцы, якобы не был лишен изящного остроумия.

Пока пришельцы готовили к взлету свое космическое судно, я позвал своих товарищей по несчастью, которые все это время, волнуясь, ждали рождения моей спасительной идеи, а потом отвел в сторону Машу Фырову и сказал:

— Я прошу тебя, как умную девочку, если Толе вздумается вызвать землетрясение или навлечь другую опасность на лагерь, скажи ему, что это нехорошо.

— Я обещаю! Он больше не будет, — серьезно ответила девочка.

И я, несколько успокоившись, вернулся на стоянку корабля. Его двигатели уже были запущены, уже урчали на малых оборотах, а экипаж ждал меня, высунувшись в иллюминаторы. То есть в иллюминаторах виднелись блестящие пуговицы, козырек фуражки, украшенный золотыми листьями, и расшитые обшлага, а сапог стоял у раскрытого люка и нетерпеливо покачивался с каблука на носок.

Я вступил на борт корабля, вытер о половичок ноги и захлопнул за собой люк.

— Эх, пропадать, так пропадать! — произнес командир, нажимая на газ.

И наша экспедиция отправилась в космос на поиски воды.

«Скромняга» стремительно входил в верхние слои атмосферы. А внизу напутственно махали те, кого мы должны были спасти от жажды. Я машинально обвел оставшихся взглядом и вдруг заметил, что среди них недостает Пыпина. Мне показалось, что я ошибся. Потому что Толик остался в лагере. А он-то как раз больше всего интересовал старого хулигана. И я даже подумал, что зря не взял мальчика с собой и оставил, можно сказать, один на один с пагубным влиянием искуителя. Кто знает, хватит ли у отличницы Маши опыта и душевных сил для дуэли с таким матерым хулиганом?

«Скромняга» между тем углублялся в космическое пространство. Весело гудели машины корабля. Пуговицы, сапог, рукава и лампасы деловито сновали по отсекам судна. Эполет командира сосредоточенно висел над пультом управления в рубке пилота.

И вдруг я увидел в углу кают-компания загадочную личность. Она сидела на корточках и прикрывалась листком бумаги, на котором было начертано безобразными каракулями:

СЕБЯЛЮБЕЦ

Решив, что передо мной незнакомый мне инопланетянин, я шепотом спросил у командира:

— Как такой откровенный себялюбец мог попасть в ваш экипаж?

— Если бы он был наш земляк, — мечтательно вздохнул командир, — тогда бы мы не знали забот, переложив все нескромные дела на его плечи. Но, к сожалению, этот человек — наш пассажир. Он пришел в ваше короткое отсутствие и, сказав, что ему с нами по пути, попросился на борт звездолета.

— Но мы еще сами не знаем, куда летим. Нам только известно — зачем! — сказал я, ничего не понимая.

— Я тоже об этом подумал. Но скромность помешала мне спросить, почему ему так хочется проникнуть на наш корабль.

И все же я не утерпел и подошел к пассажиру.

— Не сочтите меня навязчивым. Но меня просто разрывает любопытство. Кто вы? — спросил я как можно вежливей.

— Не скажу! — грубо ответил незнакомец, подозрительно знакомым голосом.

— Извините еще раз, — сказал я. — Но по-моему, у вас каким-то образом оказались футболка и джинсы некоего Пыпина. Вы не находите, что это так?

Незнакомец смешался, но затем нахально произнес:

— Нет, не нахожу. Потому что мало что вам может показаться.

Наверное, его тайна так бы и осталась нераскрытой, но в это время в иллюминатор влетел рентгеновский луч какой-то далекой звезды и высветил внутренний мир пассажира. И я сразу узнал человека, с которым боролся уже пятьдесят лет.

— Пыпин! — изумленно воскликнул я. — Что вы делаете здесь?

— Везу себя к воде. Очень желаю пить! — вызывающе ответил Пыпин.

— Остальным тоже хочется пить. Однако они терпеливо ждут нашего возвращения, — сказал я, стараясь говорить ясно и доходчиво.

— А мне до других дела нет, — отрезал Пыпин. — Вот я и проник на корабль под маской Себялюбца. Все будут искать хулигана. А я — Себялюбец! И еще и Циник! И отъявленный Индивидуалист!

Он потряс меня столь откровенным признанием. Я знал, что за моим вторым «я» числится масса недостатков. Но чтобы он ими гордился, этого я от него никак не ждал.

— Я знаю, — пробурчал Пыпин, — это ты специально отличницу привел. Думаешь, я не узнал? Это она спит в вертолете. Сам-то управиться не можешь, вот и в помощь привел.

— Ох, Пыпин, Пыпин! — сказал я с упреком.

— А ты бы помалкивал!.. Сам бросил меня... тогда на пирсе... как сироту, — сварливо напомнил Пыпин.

— Одна-единственная ошибка. Нельзя же за нее все время корить, — прошептал я, краснея.

— А я буду! Мне это выгодно, — отрезал Пыпин.

Мы уже несколько минут рыскали по космосу в поисках питья. Однако первое время нам попадались только отдельные молекулы воды. Я ловил их сачком, высунувшись из люка, и складывал в посуду. Молекул было так мало, что нам еле удалось набрать небольшой стакан. Да и тот, стоило нам отвернуться, сейчас же выпил себялюбивый хулиган.

Но главной целью нашей охоты была комета, вернее, ее хвост, собранный из кусков льда. И искать редкое космическое тело предстояло мне, потому что никто из пришельцев ни за что бы не признался, что первым увидел комету. Поэтому я зорко всматривался в скопище звезд, надеясь только на себя. И в конце концов мое старание было вознаграждено. Совершенно неожиданно почти перед нашим носом появилась комета.

Это был отличный экземпляр, украшенный длинным роскошным хвостом. Комета выскочила из созвездия Пегаса и прытко бросилась к созвездию Ящерицы.

— Я! Я, так и быть, первым вижу комету! Держите ее! — закричал я что было мочи.

Теперь пришельцы не боялись признаться, что тоже видят комету. Командир развернул корабль и, прибавив газу, направил его вдогонку за небесной бегуньей.

Но комета оказалась на редкость резвой. Расстояние между нами, вместо того чтобы сокращаться, катастрофически росло, хотя командир выжимал из «Скромняги» все

силы. И вскоре мы поняли, что еще минута — и наша дичь исчезнет в созвездии Ящерицы.

И тут меня осенило. Не то чтоб осенило, просто я вспомнил, что комета все время носится по своей орбите, словно собачка, посаженная на цепь. И, выйдя в скафандре в открытый космос, нащупал эту невидимую цепь. После этого мы, взявшись за нее сообща всем экипажем, подтянули космическую красавицу к себе.

Пойманная комета затрепетала, забилась серебристым ледяным хвостом, подняла столб блестящей пыли. Один кусок ее хвоста казался особенно привлекательным. Он был размером с огромный айсберг и, как айсберг, сверкал при свете звезд.

— Пустите первым меня! Я, чур, без очереди! — кричал Пыпин, бросаясь к выходному люку.

Он нахлобучил наспех скафандр и, растолкав экипаж, выскочил из корабля на айсберг.

Ноги Пыпина разъезжались на льду, он хлопнулся на живот и раскинул руки, желая обнять всю необъятную глыбу льда.

— Она моя! Вся моя! Я ее никому не отдам! — кричал Пыпин и попытался лизнуть айсберг сквозь стекло гермошлема.

Я набросил точно такой же скафандр, занес правую ногу за порог звездолета, и тут у меня мелькнула пронзительная мысль: а не избавиться ли от Пыпина раз и навсегда, оставив на льдине? Комета умчит его на своем хвосте в самые дальние дали, и мне не придется краснеть за допущенную когда-то ошибку.

Искушение было велико. Я представил, как мое второе, нехорошее «я» летит в неведомые миры, попадает в иные цивилизации. И... «Стоп! Нельзя! — сказал я себе. — У тех разумных существ тоже есть дети. И Пыпин им тоже доставит немало хлопот». Я похолодел оттого, что чуть-чуть не смалодушничал и, вместо того чтобы бороться со своими недостатками, собственноручно едва не взвалил эту за-

боту на далеких разумных существ, населяющих неведомые планеты.

Успешно справившись с малодушием, я вышел на льдину и попробовал увести Пыпина в звездолет. Хулиган поначалу отчаянно сопротивлялся, но потом ему что-то пришло на ум. Он загадочно улыбнулся, отколол себе весомый кусок льда и, крепко прижав добычу к груди, направился в корабль.

Пыпин скрылся в проеме люка. Затем снова вышел и снова вошел и сказал скромнягам, находящимся на своих постах:

— Можете трогать. Айсберг взят на буксир. Мы оба вернулись на корабль. Вначале, как вы заметили, прошел один, за ним явился другой.

В скафандрах нас и вовсе можно было принять за одного и того же человека, и экипаж, как показали события, легко поддался на пыпинскую уловку. А я в это время усердно пытался над глыбой льда, стараясь отделить ее от хвоста кометы, и потому не придавал значения ни загадочной улыбке своего врага, ни его странным хождениям через люк. И тем более обманчивым словам, донесшимся до меня из звездолета.

Сверкающий хвост кометы неистово бился в моих руках. Отделив намеченный айсберг, я, к своему и ее облегчению, выпустил пленницу в глубины Вселенной, та, почуввав свободу, бросилась в созвездие Водолей и, вильнув напоследок хвостом, мгновенно исчезла в скоплении звезд.

Я засмотрелся ей вслед и не заметил, как зашумели двигатели корабля, и звездолет отчалил от льдины.

И тотчас каким-то образом в открытом космическом пространстве появился уже знакомый симфонический оркестр. Музыканты, дуя на пальцы — температура здесь стояла 273 градуса ниже нуля, — торопливо раскрывали ноты. Дирижер выхватил свою палочку и скомандовал:

— Три!.. Четыре!.. Жутко... Еще жутче!.. Совсем жутко! Брррр!..

Даже такой тугодум, как я, и тот понял, что совершилось преступление. Я обернулся и обнаружил, что кормовые огни корабля удалились уже на тысячу километров. Только теперь мне открылся дьявольский план хулигана. Он задумал избавиться от своего второго, и положительно, «я» одним решительным ударом. И как ни печально, это ему удалось. Пыпин бросил его одного посреди безбрежного холодного космоса и сейчас возвращался домой, торжествуя победу. Да, да, после того, как оркестр умчался на место другого крупного преступления, я остался один.

Потом о моей смекалке будут написаны сотни книг. Но на самом деле все выглядело иначе. Потеряв надежду на спасение, я машинально ухватился за ленту из отработанных частиц, которая тянулась за кормой уходящего звездолета. К моему изумлению, лента оказалась достаточно прочной. Тогда я сел на айсберг верхом, и мы полетели за кораблем, как бы ведомые им на буксире.

Лента тянулась, как я уже говорил, на тысячи километров. Звездолет уже вернулся на базу, когда моя ледяная баржа еще только приблизилась к плотным слоям атмосферы. Обнаружив, что нет ни меня, ни долгожданных запасов воды, экипаж и друзья майора Стенли пришли в справедливый гнев и стали обличать хулигана. Но Пыпин только усмехался и грыз лед, прихваченный перед уходом с айсберга. И вдруг на головы участников этой сцены хлынул спасительный ливень. Именно в этот момент моя ледяная гора вошла в плотные слои атмосферы. Лед таял подо мной, нагреваясь от трения, и я опустился на наш экспедиционный космодром, можно сказать, на последней капле воды.

**ГЛАВА IX, в которой юнга уже в который раз,
и как всегда совершенно случайно, находит выход
из очень сложного положения**

После невиданного дождя климат в этом районе Сахары стал почти что морским. Мимо наших палаток побежали широкие ручьи, и в них заплескалась рыба. Обеспечив себя водой, мы энергично включились в научно-исследовательскую жизнь экспедиции, и каждый день приносил какое-нибудь замечательное открытие. Но больше всего меня радовало превращение, происшедшее с Толиком за время моего путешествия за водой. То, чего не удалось добиться мне, легко получилось у Фыровой Маши. За короткий, но очень плодотворный срок ее шефства маленький авантюрист стал маленьким серьезным человеком. И при этом Маша, по словам майора Стенли, не сделала ничего особенного. Просто сказала Толику несколько слов.

— Толик, так поступать нельзя, — сказала Маша. — Юнга Иван Иванович — самый обыкновенный человек. И у него когда-нибудь может не получиться, он не сумеет спасти. И вообще, на свете не бывает сверхъестественных людей. Это во-первых. А во-вторых, отвага уже не отвага, если ты знаешь, что есть человек, который явится в последний момент и тебя избавит. Это нечестно, вот что я тебе скажу, как девочка мальчику. В-третьих же, настоящая слава приходит только к тем, кто борется за правое дело. У тебя же сплошные приключения ради приключений.

Она произнесла это с таким терпением, словно осталась с Толиком в классе после занятий и объясняла не понятый им урок.

— Это правда? — встревожился Толик.

— Толик, ты же понимаешь, как я добросовестно учу. Не зубрю, а вникаю в самую суть материала, — напомнила Маша.

— Маша, я подумал: ты абсолютно права. Я больше не буду, — ответил искренне Толик.

После этого он ходил за Машей по пятам и прислушивался к ее каждому слову, вызывая у Пыпина сильное чувство досады. Признаться, мне тоже было обидно. Ну конечно, я самый обыкновенный человек, простой смертный. Я и сам это подчеркивал не раз. И все же и мне хотелось надеяться в душе на свою некоторую необычность. Но если уж так отличница говорит, какие тут можно питать надежды. Это, выражаясь ее словами, во-первых. А во-вторых, я то же самое Толику внушал, но мне-то мальчик почему-то не верил.

Я было решил с Машей поговорить, — выяснить отношения, но в последний момент не посмел. С детства испытываю перед отличницами этакую робость. А вот у Толика я не удержался и спросил: почему он меня не послушал.

— Иван Иванович, вы взрослый, — ответил вежливо Толик Слонов. — Взрослые всегда так говорят, потому что они взрослые. И детство у них было давно. А если уж так моя сверстница говорит, значит, так и есть на самом деле. Вы понимаете?

Я ничего не понял, но скрыл это. Главным ведь было другое: Толик совсем ушел из-под влияния Пыпина.

— Все равно он далеко не уйдет! Это дело моей чести! — грозился Пыпин, когда мы оставались одни.

Так прошло несколько дней. Инопланетяне постепенно смирились со своей нескромностью и однажды вечером, когда в нашем лагере разожгли костер и пили чай из чистой родниковой воды, они перебороли смущение и подошли к нашему огню. Мы угостили их чаем и попросили рассказать о своей родной планете.

Пришельцы отошли в сторонку, посоветовались, и потом командир с веселым отчаянием произнес свою сказку:

— Эх, пропадать так пропадать! Ладно, слушайте,

земляне. Планета наша, как я уже говорил, называется Скромной. Ну, а мы, ее обитатели, зовем себя скромнягами. Вы уже, наверное, поняли, что главной добродетелью у нас является скромность. Совершенствуя с веками это достоинство, мои соотечественники стали невидимыми. Потому что показываться кому-либо на глаза считается крайней степенью нескромности. И в таком случае можно подумать, что человек воображает, считает себя необычайно красивым.

— А почему у вас немножко не так? У одного виден сапог, у другого пуговицы. А на вашем плече и вовсе красивое украшение, — строго спросила наша отличница.

— Вы правы, — согласился капитан, невидимо краснея. — Я и мои люди недостаточно скромны. Нам так и не удалось достичь совершенства. Нас собрали со всей планеты, потому что ни один стопроцентный скромняга ни за что не решится вступить в контакт с другой цивилизацией. И как видите, мы вступили. Теперь мы безнадежно нескромны. А лично я еще боюсь и того, что меня за этот удачный полет изберут президентом страны.

— Вас президентом? — удивился Толик. — Но ведь на этот пост избирают самых достойных!

— А у нас наоборот, — с сожалением произнес капитан. — Президенту оказывают такие почести, что их не перенесет ни один настоящий скромняга. И главе государства необходимы хоть какие-то знания. А стопроцентный скромняга учится в школе на двойки, чтобы не подумали, будто он всезнайка, будто бы он считает, что знает все.

— Значит, на вашей планете нет ни одного отличника? — нахмурилась Маша.

— К сожалению, есть. Но к счастью, они большая редкость. На свою беду, я в свое время учился только на четвере и пять, — признался капитан с тяжелым вздохом. — С этого и началось мое падение.

— Вот бы где я развернулся. Среди своих-то, — сразу

размечтался Пыпин, — не надо читать и писать. Не планета, а рай. И еще при этом считаешься скромным. Ух и натворил бы я дел!

Но всем нам, остальным землянам, было жаль скромняг, зашедших в погоне за скромностью так далеко, что теперь им ни в зеркало на себя посмотреть, ни сфотографироваться в семейный альбом из-за отсутствия внешнего вида.

И больше всех была озабочена Маша. Ее взволновала низкая успеваемость скромняг.

— Скажите, капитан, и давно у вас это началось? Я имею в виду стремление к скромности? — спросил майор Стенли с дотошностью истинного ученого.

— Я точно не знаю, — сказал капитан. — Может, на этот вопрос ответят пуговицы. Они имели неосторожность прочитать дюжину книг по истории.

Пуговицы, молчавшие, как и другие его товарищи весь вечер, шумно вздохнули и произнесли:

— Это началось очень давно. Точная дата не установлена по причине того, что никто у нас не занимается хронологией. Во всяком случае, однажды некий человек, личность которого не установлена по известной уже причине, сказал другой неустановленной личности: «А я, между прочим, самый скромный человек на нашей планете». — «Ты ошибаешься, — возразила вторая неустановленная личность. — Самый скромный я!» — «Нет, я! И я тебе это докажу!» — «А я докажу тебе!» В это время к ним подошла третья неустановленная личность и, узнав, о чем спор, подумала и сказала: «Не спорьте! Вы оба скромны, в этом сомнений нет. Но самый скромный на планете я!» Потом в этот спор включился четвертый, пятый... Люди старались доказать на деле свою скромность. И постепенно началось соревнование за звание «Самого скромного», которое продолжается до сих пор.

— И кто же стал самым скромным? — спросил я, признаваясь, немного задетый претензиями инопланетян. Уж кому, как не мне, знать, кто скромнейший из скромных.

— А в том-то и дело, что Самый Скромный еще не известен, — не выдержал и разговорился лампас.

— Видимо, это выяснится только тогда, когда скромняги достигнут вершины совершенства. То есть предела скромности, — вставил словечко сапог.

— Значит, — спросил я, осененный внезапной идеей, — значит, если скромняги узнают, что место Самого Скромного занято, то стремление к совершенству исчезнет? И скромняги вернуться к обычной жизни?

— Пожалуй, это так, — признал капитан. — Если место Скромнейшего будет занято, предел достигнут, нам придется совершенствоваться в другом.

Сапог присвистнул и сказал:

— Но когда это будет! Для совершенства практически нет границ!

И тут мной овладел азарт.

— Ну, а если бы нашелся...

Но меня перебила Маша, задумчиво сказав:

— Простите, Иван Иванович, по-моему, я вижу совершенно другой сон. Как будто я на планете...

И, не договорив начатой фразы, Маша исчезла...

— Она уже на планете Скромной! — пояснил я, почему-то догадавшись раньше других.

Майор Стенли и его соратники по экспедиции тотчас заволновались. Инопланетяне молчали, но я чувствовал, что они тоже озабочены.

— Маша там пропадет! Она же принципиальная! Мы должны ей помочь! — закричал Толик Слонов.

— Толик, подожди, — сказал я, зная горячий нрав мальчика и его стремление к безрассудным поступкам.

Я хотел ему объяснить, что за Машу опасаться не нужно. Что с ней, лично, все это происходит во сне. Маше стоит только проснуться, и она избавится от самой, казалось бы, непоправимой беды. Но я не успел сказать все это Толику. Он, не дослушав меня, тоже исчез.

То есть взял и оказался на планете Скромной.

Его внезапное исчезновение вызвало новый прилив растерянности в нашем стане.

— Иван Иванович! Я бывалый путешественник, видел всякое, но это, знаете... — пожаловался майор Стенли, не найдя даже названия происшедшему.

— Это что же в самом деле? — подхватил Пыпин. — Только мне захотелось снова сбить мальчишку с правильного пути, а он взял да исчез? Так не пойдет! В погоню! В погоню!

А скромняги вообще не знали, что и сказать. Так их ошеломило все, происходящее на Земле.

Я случайно оказался единственным в лагере, кто не потерял голову и сохранил полное самообладание.

— Итак, какие опасности существуют на вашей планете? — быстро спросил я капитана «Скромняги».

— Опасность у нас, пожалуй, одна, но очень серьезная, — тщеславцы, лесной народ. Всех, кто попадает к ним в плен, они заражают ужасным тщеславием, — сообщил капитан.

После этого я развеял тревоги, охватившие лагерь, объяснив, где сейчас Маша и Толик Слонов и каким образом они туда попали. Но беспокойство за судьбу мальчика у нас не прошло.

Признаться, вначале я было опять рассердился на Толика, но тут же подумал, что мальчиком на этот раз руководило не сумасбродство, а благородное желание спасти Машу Фырову. Конечно, ему следовало отпроситься у взрослых.

А может, с другой стороны, Толик боялся опоздать на помощь.

Может, он считал, что Маша уже попала в беду.

А теперь наступила моя очередь спешить на помощь, но в отличие от Толика я не знал, как попасть на планету Скромную. Земные обитаемые корабли пока еще только летают в районе нашей планеты.

— Зачем ломать голову? — сказал майор Стенли. — Не лучше ли нам воспользоваться способом Толика Слонова. Взять и просто перенестись на планету.

— Во-первых, я отправлюсь один, — уточнил я, покачав головой. — У вас еще не закончены важнейшие исследования в Сахаре. А я, если верить вам, управлюсь и своими силами. А что касается способа, которым воспользовался Толик, то нам он не поможет.

— Почему? — дружно в один голос воскликнули члены экспедиции.

— А чем я хуже какого-то мальчишки? Почему у него выйдет, а у меня нет? — вмешался опять задетый за живое Пыпин.

— Да потому, что это уже будет не интересно! — сказал я, слегка удивляясь недогадливости окружающих. — Потому что этот вид транспорта работает только на интересности!

— Я слышал, юнга, что вы всегда правы, но не ожидал, что до такой степени, — сконфуженно пробормотал майор Стенли.

— В конце концов, мы можем прервать путешествие и вернуться с вами домой, — вмешался эполет и поспешно добавил: — Только не подумайте, что мы гуманисты. Мы случайно, нечаянно вам поможем.

— У вас еще много дел на Земле. Контакт только лишь начинается, — отказался я, решительно отвергая единственное верное средство перенестись на планету Скромную.

До сих пор я шутя пересекал моря и океаны. Но сейчас передо мной лежали неизведанные просторы Вселенной, которые мне предстояло преодолеть в самый кратчайший срок. По ночам я выходил из палатки и смотрел на звездное небо, чувствуя себя маленьким человечком, проплававшим юнгой какие-то пятьдесят лет.

Видя, как моя смекалка терпит одну неудачу за другой, майор Стенли и другие члены экспедиции впали в отчаяние. И я уже было сдался сам и решил принять пред-

ложение эполета, но тут в моей памяти всплыла страница одной научно-популярной статьи, которую однажды занесло ко мне на необитаемый остров.

— «Вообразите, что толщина листа бумаги — расстояние от Земли до Солнца. Тогда длина пути до ближайшей звезды будет выглядеть как груда бумаги толщиной примерно 21,5 метра. Поперечник нашей Галактики — это уже бумажный «небоскреб» высотой метров в пятьсот»¹, — процитировал я вслух особенно яркое место из статьи.

Когда я закончил, эполет восхищенно воскликнул:

— А если... а если к этой стопке добавить еще один листик, вы окажетесь прямо на нашей планете! Ну и голова у вас, Иван Иванович! Значит, не зря говорят на Земле, будто вы самый находчивый!

Сам не ведая того, он нанес сокрушительный удар по моей скромности, в самый ее центр. И она, бедная, беззащитная перед откровенной похвалой, покачнулась, зашаталась, и я еле удержал ее на достойном уровне.

— Ну что вы, просто меня на этот раз не подвела моя отличная память, — пояснил я, справившись с замешательством. — А сама идея уже была заложена в статье. Как видите, слухи о моей находчивости несколько преувеличены, — добавил я с горькой улыбкой.

Майор Стенли хотел утешить меня, возразить, но я, оберегая свою скромность от новых испытаний, сказал, что нужно спешить, и попросил позаботиться о баллоне с драгоценным грузом. Благородный путешественник пообещал с первой же оказией переслать его на буксир, и таким

¹ Пять дней назад, вернувшись домой из рыбного магазина, я развернул покупку и, бросив взгляд на бумагу, в которую был упакован кусок трески, вздрогнул. Передо мной лежала она, та самая статья! Этот факт явился новым доказательством достоверности описанных событий. Сомневающиеся могут убедиться сами, открыв двадцать восьмой номер еженедельника «За рубежом» за 1974 год. Здесь, в самом центре четырнадцатой страницы, они найдут подтверждение моим словам.

образом тысячи лежавших на мне важнейших забот уменьшились на одну единицу.

После этого я сердечно пожал руки майору и его отважным товарищам и повернулся к Пыпину.

— Ну, а каковы ваши планы? Может, вы отправитесь со мной? — спросил я, ежеминутно помня о своей ответственности за его проделки и боясь, как бы он вновь не скрылся из вида.

Но Пыпин обвел ищущим взглядом скучные пески Сахары и жалобно ответил:

— Что делать бедному хулигану в пустыне? Вот построят здесь детскую площадку, тогда уж обязательно вернусь и так навляю!.. А пока доберусь с тобой до ближайшего города и уйду до твоего возвращения на покой, — пообещал Пыпин, отводя глаза.

И я поверил, помня, что доверие — это козырь педагога.

Мы поднялись в звездолет, который уже потихоньку жужжал включенной аппаратурой.

Я отметил на штурманской карте ближайший к нам маленький алжирский городок Ин-Бельбель, но эполет постеснялся блеснуть своим профессиональным мастерством, и «Скромняга», описав длинную параболу, приземлился на цветущей окраине Краснодара, посреди фруктовых садов.

Мы оставили звездолет под охраной здешних мальчишек, сели в трамвай, и я повез инопланетян в гости к городским властям. Пыпин доехал с нами до первой остановки, но потом в трамвай вошел контролер, и хулиган, не взяв как всегда билета, выпрыгнул в заднюю дверцу вагона.

— Пыпин, я за вас заплачу! — крикнул я, высунувшись в окошко.

— Все равно я никому не нужен. Я пешком по шпалам пойду. Несчастный и одинокий, — пожаловался Пыпин и, как мне показалось, даже всхлипнул.

У меня так и сжалось сердце. Все же он мне не чужой.

— Вы ошибаетесь, Пыпин! Вы мне нужны! Мы ведь с вами как бы родные. Я сейчас выйду к вам. Подождите!

— Езжай, езжай. Такие родные хуже чужих, — обидно ответил Пыпин. Он зорко посмотрел по сторонам и вдруг как провалился сквозь землю.

Мы приехали в центр Краснодара, я представил делегацию планеты Скромной городским властям и, не дожидаясь конца официальной церемонии, помчался в ближайший писчебумажный магазин.

Но там меня поджидала первая неудача. Стоило мне открыть рот, как продавец тут же сказал, что только что заходил босой старик в джинсах и оранжевой футболке и скупил все пачки писчей бумаги. То же самое повторилось во втором магазине, в третьем, в четвертом... Я обежал все торговые точки, и везде мне отвечали, что бумагу забрал какой-то старик, назвавшийся детским писателем.

— Он сказал, что пишет роман для плохо воспитанных детей, и ему может понадобится вся бумага планеты, — уважительно пояснила молоденькая продавщица.

В это время с улицы долетел шум мотора, и за витриной прокатил самосвал, нагруженный пачками писчей бумаги. За рулем сидел Пыпин. Он беспокойно выглянул из кабины и посмотрел назад, будто опасался погони.

— А вот и он сам, писатель, скупивший всю бумагу, — восторженно сказала продавщица.

Я выбежал на улицу, но машина успела скрыться, оставив вместо себя темное едкое облако пыли. Я немедленно остановил первое свободное такси и бухнулся на сиденье рядом с водителем.

— Вам куда? — спросил пожилой седоусый таксист.

— На ту дорогу, по которой обычно у вас удирают отрицательные герои, — сказал я.

Водитель внимательно взглянул на меня и, понимающе присвистнув, ответил:

— Все ясно! Вы гонитесь за Пыпиным.

— Вы его знаете? — удивился я.

— Кто же не знает Пыпина? — усмехнулся таксист. — Он был грозой всех наших отличников. Из-за него у меня в аттестате зрелости появились две тройки. А ведь я считался способным ребенком. Ну ладно, мое дело прошлое. Отчасти я сам был виноват. Ложная романтика улицы: курить и не слушаться взрослых, и поступать только наоборот. Но что он сейчас натворил? Этот Пыпин?

Я вкратце рассказал о последних событиях. Преисполнившись справедливым возмущением, таксист сразу включил самую большую скорость и вывел машину на загородное шоссе.

Оно лежало перед нами, ровное, как стрела. И по шоссе, отчаянно пуская клубы сизого дыма, удирал самосвал, нагруженный бумагой.

Пыпин вновь выглянул из кабины, и ветер принес нам его недовольное восклицание:

— Ну что ты поделаешь? Опять он меня нашел!

Пыпин прибавил газу, надеясь уйти, но наше стремительное такси неумолимо приближалось к его самосвалу. Когда нас разделяли всего лишь считанные метры, Пыпин тоскливо запел:

— «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет!..»

Мы поравнялись с его кабиной, я крикнул:

— Пыпин, остановитесь! Чего уж теперь?

— Сейчас! Все равно от тебя никуда не денешься, — согласился хулиган и начал постепенно сбрасывать скорость.

Но именно в тот момент, когда беглец надавил на педаль тормоза, у нас зачихал мотор. Я поспешно крикнул:

— Будьте здоровы!

Мотор, подбодренный моим добрым пожеланием, заработал было опять. Но простуда, видимо, проникла глубоко под капот. Он чихнул еще раз, потом во второй и третий. И остановился. Вид у нашей машины был очень несчастный. Ей было неудобно передо мной.

Пыпин вначале не поверил своему везению, а потом крикнул нам:

— А теперь догоняйте! Привет! — и помчался дальше.

— Все! Ушел! — с горечью ответил таксист, глядя вслед удаляющемуся самосвалу.

— Не волнуйтесь. Теперь Пыпин от нас никуда не уйдет, — возразил я невозмутимо.

И, встретив недоуменный взгляд бывалого таксиста, пояснил, что самосвал попал в ловушку.

— Посмотрите вдаль, куда уходят боковые линии автострады. А теперь скажите: вы ничего не заметили? — спросил я с улыбкой у водителя.

— Как же! Там, у горизонта, линии сходятся в одной точке! — воскликнул таксист, начиная понимать, что я имел в виду.

— Ну конечно! — подтвердил я, радуясь сообразительности своего нового товарища. — И самосвал в конце концов упрется в эту точку!

Вылечив такси, мы отправились вдогонку за Пыпиным и вскоре обнаружили самосвал. Он стоял, уткнувшись бампером в точку. Его кабина была пуста. А сам Пыпин, перетащив за кювет пачки бумаги, уже стоял обеими ногами на чистом листе. Увидев меня, он лихорадочно выхватил из пачки второй лист, и в ту самую секунду, когда Пыпин сунул его себе под ноги, я изловчился, прыгнул и встал рядом с ним.

Нас окружали звезды и глубокая космическая тишина. Нам было тесно на маленьком листе белой бумаги. Мы стояли, прижавшись друг к другу, отделенные от Земли уже миллионами километров.

— Ой, страшно, — сказал Пыпин, поеживаясь.

— Вы еще можете вернуться. Пока не поздно, — напомнил я.

— А кто же тогда будет хулиганить на Скромной планете? Искушать Толика Слонова? — спросил Пыпин, стуча зубами.

— Никто не будет, — просто ответил я.

— Вот то-то, — укоризненно сказал Пыпин. — У меня тоже есть понятие долга.

Я снова изловчился и подсунул под ноги целую пачку бумаги, и мы оказались за пределами Солнечной системы. Когда стопка под нами выросла до двадцати одного метра, можно было подать рукой до ближайшей звезды. Мы сделали короткую передышку, выбрав одну из ее планет, пригодную для жизни, и я снова принялся за работу.

И вот наконец наш бумажный столб достиг высоты в пятьсот метров — мы стояли на краю родной Галактики. Перед нами сияло Простецкое-Свойское созвездие, и там вокруг одной из звезд вращалась Скромная планета, от которой нас отделяла толщина всего лишь одного листика бумаги.

Я, волнуясь, подержал этот листок в руках — по случайному совпадению он оказался последним — и потом положил его под ноги. И мы, подняв над головой руки, тотчас уперлись ими в поверхность Скромной планеты. И я, и Пыпин как бы стояли на руках посреди незнакомой улицы.

— Мама, мама, посмотри, какие нескромные люди! — послышался звонкий голос невидимого мальчика.

— Батюшки, и ходят на руках! Вот до чего падают нравы. А ты не смей на них смотреть, они ничему хорошему тебя не научат, — откликнулась невидимая мать малыша.

Я решил, сделал кульбит и удачно встал на ноги. И, не теряя времени, огляделся по сторонам.

Мы находились на широком проспекте посреди огромного странного города.

Город казался вымершим. На тротуарах не было ни души.

По асфальту разъезжали пустые автомобили и троллейбусы, и можно было подумать, будто они разъезжают сами по себе, как большие заводные игрушки.

Но по плотности окружающего нас воздуха я догадался, что мы очутились в центре огромной толпы, и когда в нее вливался новый зевака, воздух пружинил, становясь еще плотней.

Я увлекся знакомством с чужим далеким миром, и не заметил, что Пыпин для невидимок все еще стоит на руках, вызывая их осуждение.

— А этот совсем потерял стыд. Так и старается показать: вот, мол, как я умею, — говорили про него скромняги.

Им было невдомек, что Пыпину, который уже полвека пренебрегал утренней зарядкой, не так-то просто сделать и обычный кульбит.

— Чего ругаетесь? — обиделся Пыпин. — Может, это не я, а вы ходите вниз головой? Может, я держу на руках вашу планету? Вот возьму и перестану держать, и пусть она летит в тартарары. — И старый хулиган, кряхтя, перевалился на ноги.

Среди невежественных скромняг, считавших, как известно, знания проявлением зазнайства, поднялась такая паника, что Пыпин перепугался сам.

— Ладно, не бойтесь. Вашу планету держит другой наш человек. Скромный, а потому и невидимый, как и вы, — солгал хулиган, вдруг неожиданно пожалев скромняг.

— И ему при такой нескромности удалось остаться невидимым? — изумился кто-то из толпы.

— Я бы ни за что не решился на такую потрясающую нескромность. Это же надо: держать на себе целую обитаемую планету! — произнес и с ужасом и с восторгом другой скромняга.

— Они, наверно, тщеславцы, — предположил кто-то еще.

— Да на тщеславцев-то, пожалуй, не похожи. Они напоминают землян. Разве что возрастом немного постарше.

Я обернулся на этот голос и заметил, что его обладатель не был полным невидимкой. Там, где он стоял, на высоте человеческого роста, сверкало круглое врачебное зеркало. Я обрадовался этому человеку, потому что он не являлся образцовым скромнягой и с ним, наверное, можно было поговорить.

— Доктор, — сказал я, шагнув к нему, — а где сейчас эти земляне? Девочка и мальчик?

— О, лучше бы вы не спрашивали о них! — воскликнул врач-скромняга. — Это была печальная история. Первой появилась девочка Маша. Мы до сих пор не можем понять, как она попала на нашу планету, хотя над этой загадкой ломали умы самые никудышные скромняги. Девочка пыталась нас убедить, что быть чрезмерно скромным очень плохо.

Едва доктор повторил Машины слова, как послышался дружный удаляющийся топот, и я понял, что толпа разбежалась, испугавшись крамольных речей. И мы остались втроем.

— И тогда ей тоже никто не поверил, — продолжал врач свой рассказ. — Трудно сказать, что бы еще предприняла эта настойчивая школьница, если бы о девочке с Земли не узнали тщеславцы. Они похитили Машу и унесли ее в лес. А вскоре появился мальчик. Узнав, что Машу похитили, он тотчас отправился в лес за Машей, и с тех пор о них ничего не было слышно.

Я попросил отвести нас в лес, но врач, смутившись, сказал:

— Я бы вас отвел, если бы знал, что это такое. Мне говорили, что лес — это место, где обитают тщеславцы, и что оно находится где-то за городом.

— Интересно, как вам удалось построить свои дома и эти автомобили, если вы даже не знаете, что такое лес? — спросил я, подумав, что, может, туземцы шутят, разыгрывая нас, землян, притворяясь излишне скромными.

И тут я заметил, что дома иссечены трещинами и стоят кое-как, скособочившись, того и гляди рухнут от слабого дуновения ветра. И машины тоже ползают как-то боком, задыхаясь и кашляя.

— Мы уж и сами не знаем, когда построили город, — смущенно пробормотал врач, и под зеркалом в воздухе появилось розовое пятно.

Врачу стало так неловко за себя и своих сограждан, что он даже не сумел скрыть краску стыда.

«Если так будет продолжаться и дальше, то эта страна превратится в руины, — с горечью подумал я. — Я должен спасти скромняг и их страну от верной гибели. А Маши и Толик, отважные ребята, еще продержатся час-другой».

Но как излечить туземцев от чрезмерной скромности, этого я не знал. И уже было отчаялся, да неожиданно вспомнил слова эполета о том, что его земляки вернуться к нормальному образу жизни, когда кто-нибудь из людей наконец-то достигнет предела скромности. Это был ключ к спасению скромняг. Ах, если бы кто еще научил, как им пользоваться! Но нас было только двое, а вернее, я остался один. Пока я был погружен в свои размышления, Пыпин исчез. Видимо, начал действовать, плести против меня новые сети.

Словом, на мудрый совет нечего было рассчитывать, и я, доверившись судьбе, — что будет, то будет, — сказал врачу:

— Ладно, отведите меня к президенту страны. Может, мне, как всегда, удастся что-нибудь случайно придумать.

Президентский дворец оказался в двух шагах от места нашей высадки на планету. Я распроцался с врачом у порога приемной, и невидимый секретарь — авторучка и блокнот — ввел меня в огромный, но запущенный кабинет и доложил о моем прибытии. Навстречу мне из-за широкого письменного стола вышли строгий черный галстук, белоснежные манжеты и лакированные туфли с острым

носком. И сейчас же заиграл оркестр невидимок, и невидимый хор торжественно пропел:

Я — скромный,
Он — скромный,
Мы скромные все!
Кроме тебя!

— Это наш гимн, — пояснил президент и приветствовал меня как представителя далекой, но дружественной цивилизации, сказав, что недавно здесь уже были двое землян и тут же исчезли, еще до начала официальной встречи.

Затем мимо меня промаршировал почетный караул. Я узнал его по бряцанию невидимого оружия и нестройному топоту сапог.

Когда ритуал был исчерпан, президент предложил мне сесть в широкое пыльное кресло и жалобно сказал, имея в виду прошедшую церемонию:

— Каждый раз как нож в сердце торжественная шумиха, необходимость произносить уж очень громкие слова! Не обижайтесь, это я говорю всем нашим гостям, — и, оживившись, с надеждой: — Ну, как там наш эполет? Удался ему контакт? Или он... так и не решился?

Я красочно рассказал об успешной миссии экипажа «Скромняги».

— Слава нашей скромности, наконец-то я скоро отучаюсь! — радостно воскликнул президент. — Теперь-то эполет не отвертится! Теперь-то он точно займет мое место! А меня снова будут считать простым и скромным человеком.

— Это ты-то скромный? — послышался издевательский голос Пыпина.

Матерый хулиган сидел на широком и пыльном подоконнике и открыто надсмехался над президентом страны.

— И вообще, никакие вы тут не скромные, — продол-

жал Пыпин. — Если уж кто и в самом деле до отвращения скромнен, так это вот он. Наш юнга! Верно я говорю?

Хвалить себя очень плохо, но еще хуже скрывать явную правду. И я понял, что Пыпину все-таки удалось поймать меня в ловушку.

— Ну, ну, не может быть, да он и сам несогласен, — сказал президент, неверно истолковав мое затянувшееся молчание.

— Отчего же, я в самом деле несколько скромнен, — вынужденно признал я.

— Не несколько, а очень, — нагло поправил Пыпин.

— Да... очень, — подтвердил я, краснея, потому что это уже напоминало настоящее хвастовство, это была как бы хвастливая скромность или скромное хвастовство.

— Он самый-самый... он скромнейший из всех скромных. Ну, скажи сам, — не унимался безжалостный хулиган, понимая мое ужасное состояние.

Я молчал, крепился изо всех сил, но президент беспокойно заерзал в кресле, спросил у меня:

— По-моему, он слишком хватил?

— Не слишком, — возразил Пыпин. — Он предел скромности. Его апофеоз! Хотя я и не знаю этого слова. Но точно: апофеоз! Дальше скромничать некуда.

— Но такой человек еще не родился на свете! — сказал президент, огорченно покачав головой.

— Ну конечно, не родился! Я пошутил! Вы же видите: это обычный хвастун. Ну кто еще будет так расписывать свою скромность? — пояснил Пыпин, вредно хихикая и потирая руки.

— Нет, родился! И это я! — сказал я, багровея и вправду чувствуя себя отъявленным хвастунишкой.

— Если бы это было так, — вдруг мечтательно вздохнул президент. — Если бы это случилось, все бы скромняги снова вернулись к прежней нормальной жизни. Признаться, наше общество приходит в упадок. А ведь когда-то у нас была страна умных, трудолюбивых людей. Имен-

но еще в те времена мы построили тот самый межзвездный корабль. Но потом началось увлечение скромностью, и вот к чему это привело. Ах, если бы вы на самом деле помогли нам вернуться к старому доброму времени. Но как вы докажете, что уже достигли предела? Как он сделает, а? — спросил президент, повернувшись к Пышину.

Но тот снова исчез, очень довольный тем, что наконец-то уронил меня в моих же глазах.

— Доказать очень просто, — сказал я, с трудом приходя в себя. — Пусть ваш президентский совет составит пять самых важнейших условий, из которых состоит настоящая скромность. И мы устроим соревнование по пятиборью: я и сборная вашей планеты.

«Так вот он, ключ к спасению скромняг», — пронеслось в моей голове.

Моя идея пришлась президенту по душе, и он приказал своему секретарю срочно созвать президентский совет.

— Скажите: вопрос невероятной важности! — попросил президент. — А пока суд да дело, соберите скромнейших граждан планеты. Пусть они достойно ответят на смелый вызов нашего гостя.

Я почувствовал на себе изумленный и вместе с тем неодобрительный взгляд невидимого секретаря. Выказав таким образом свое отношение к наглому притязателю, секретарь вышел из кабинета, и во дворце поднялась беготня.

Пока скромняги готовились к небывалому турниру, я отправился в город и просто так, без всякой цели, купил походный котелок и две пачки проявителя и закрепителя для фоторабот. Потом, еще не зная, зачем мне это нужно, выпустил весь порошок на ветер, а в котелок набрал из ближайшего фонтана воды и отправился на Центральный стадион столицы, чтобы потягаться с местными жителями в скромности.

Город бурлил, взбудораженный предстоящим соревнованием по пятиборью. Толпа, текущая по улице к стадиону, становилась все гуще и гуще. Я чувствовал это по постепенно уплотняющемуся воздуху вокруг себя.

Войдя на праздничный стадион, я увидел, что здесь уже все готово к открытию турнира. Непосвященному человеку он мог показаться совершенно пустым, но я-то знал, что на самом деле его скамьи заполнены до отказа, и наиболее скромные из зрителей, не сумевшие обзавестись билетом, тесно стоят в проходах. Между рядами. И подтверждением этому был нетерпеливый гул стадиона, ждущего начала соревнований.

Бодро выбежав на середину поля, я окинул оценивающим взглядом сборную планеты, которая уже поджидала меня, горя желанием посрамить самозванца. И хотя моих соперников тоже не было видно, я был уверен, что их де-

сять человек, что это, несомненно, рослые, как на подбор, брюнеты и блондины.

Я поставил котелок с водой на газон и сказал, что готов начать борьбу. Президент, сидевший в директорской ложе вместе с жюри, взмахнул белым манжетом, и по радио объявили:

— Его превосходительство считает турнир открытым! Первый вид пятиборья — простота! В этот конкурс входит одежда соперников. Сейчас мы посмотрим, кто из них скромнее одет.

Я посмотрел на себя, на команду хозяев и понял, что попал в проигрышное положение, хотя, как всегда, был в своей неизменной просоленной морями тельняшке и потертых, обносившихся штанах. Одежда, что и говорить, обычная, простая — словом, рабочая матросская форма. Но как ее сравнить с одеждой скромняг, если той и вовсе не видно? Может, она еще проще моей?

И тут меня вдруг озарило: «Почему жители этой страны так тщательно скрывают свою внешность, хотя она и без того скромна? — спросил я себя. — Человек может прятать только то, что ему неудобно показать другим. Но как сделать видимым невидимое?»

Я понял, что это невозможно, и понурил голову. И увидел, что на поле легла косматая тень. Она медленно ползла по траве и вскоре накрыла весь стадион.

Это была большая темная дождевая туча. В той стороне, откуда она пришла, сверкнула молния и прогремел гром. Я подумал, что дождь обязательно промочит мою тельняшку, быстро снял ее, аккуратно свернул и сел на тельняшку, укрыв таким образом собой.

Потом говорили, что это был очень ловкий маневр. Так оно и было на самом деле. Только в ту минуту я еще сам об этом не знал.

— Иван Иванович, зачем вы спрятали свою тельняшку? — удивился судья. — Ведь мы все равно уже видели, что она была на вас.

— Дело вовсе не в этом, — возразил я, — а в том, что тельняшка — мой верный спутник, и потому мне очень дорога. А кто знает, какой сверху полетится дождик? Никто! Может, это будет подсолнечное масло, как уже случилось со мной в Маниле. Или в Кувейте: на нас посыпались куриные яйца размером с крупный град. Моя тельняшка — неслыханная роскошь по сравнению с вашими лохмотьями, и мне, конечно, хочется ее сберечь.

Мой ответ почему-то вызвал в команде скромнейших невообразимую панику. Они забегали по газону. Я услышал их топот, шум от столкновения тел, треск рвущихся тесемок и пуговиц.

И вдруг хлынул ливень. Как я и предполагал, это был необычайный дождь.

С неба полил проявитель. Видимо, развеянный мною порошок занесло в тучу и там, словно в кюветке с водой, он превратился в крепкий раствор.

Едва потоки дождя обрушились на наши головы, как со скромнягами и на поле, и на трибунах стало происходить нечто невероятное. В воздухе, точно на фотобумаге, начали постепенно проступать их очертания. И вскоре я увидел людей в роскошных костюмах. Вначале мне почудилось, будто меня занесло на пышный маскарад. В моих глазах зарябило от позументов, кружев и кримплена самых ярких цветов.

Туча медленно проплыла над стадионом, но не успел ее хвост скрыться за верхней трибуной, как на смену ей прилетела вторая туча, и на перепуганных скромняг обрушился дождь закрепителя.

Первое время разоблаченные туземцы метались, никого не замечая, думая только о собственной репутации, но потом стадион обескураженно притих, скромняги стеснялись смотреть друг другу в глаза.

А я как ни в чем не бывало развел на травке уютный костер, поставил на огонь котелок и начал варить бульон из воды. Пусть, думаю, пока бедняги придут в себя.

В радиодинамиках слышался тяжелый вздох, и представитель жюри сказал:

— Первый вид пятиборья выиграл землянин Иван Иванович. Переходим к следующему виду...

Объявляющий умолк, из динамика донеслись приглушенные голоса. Это перешептывались члены жюри. А затем объявляющий смущенно откашлялся и произнес:

— Ввиду непредвиденных обстоятельств, вызванных техническими причинами, соревнования по застенчивости, терпению и непритязательности не проводить, отдав первое место, — объявляющий снова вздохнул, — землянину, и перейти к основному, последнему виду пятиборья. Сейчас мы узнаем, кто меньше всех не придает значения славе.

Ну, в этом-то виде скромности мне вообще не было равных. Победа, можно считать, уже была за мной. И если бы сейчас появилась возможность незаметно ускользнуть со стадиона, я бы тотчас этим воспользовался, потому что где-то в лесу находились пленные Толик и Маша.

Я подумал, как бы это сделать, и увидел Пыпина. Он сидел в верхнем ряду и, свистя в два пальца, кричал:

— Юн-гу с по-ля! Юн-гу с по-ля!

— Пыпин, будьте любезны. Пожалуйста, подойдите ко мне, — позвал я его как можно повежливей.

Но Пыпин даже не пошевелился, еще не было случая, чтобы он расщедрился и выполнил чью-нибудь просьбу.

Тогда я крикнул:

— Пыпин, идите есть бульон, — и указал ему на вкусно дымящийся котелок.

В таких случаях его не приходилось долго уговаривать, через мгновение он был возле моего костерка. Я сейчас же с ним перемешался и, так как внешне мы были похожи, как две капли воды, незаметно покинул поле, оставив Пыпина вместо себя.

Когда я добрался до выхода, над стадионом грянул торжественный марш. Я обернулся и увидел, что упирающегося Пыпина и моих соперников ведут к пьедесталам

почета, возле которых ждали красивые девушки с большими венками из лавра.

— Я — хвастун! Я — себялюбец и этим горжусь! Отпустите меня к бульону! — кричал Пыпин, но его втолкнули на пьедестал.

— Какая скромность! Какое критическое отношение к себе! — заговорили скромняги, стоявшие рядом со мной.

И весь стадион невольно отозвался одобрительным шумом.

Но вот подошла решающая минута. Трибуны замолкли, и в гробовой тишине девушки надели на шеи спортсменов лавровые венки. И тогда мои соперники предприняли отчаянную попытку отыграться. Они притворно закричали:

— Не подвергайте нас такому позору! Пожалейте! Освободите нас от этой мерзости! Иначе мы этого не переживем!

Они рыдали и делали вид, будто стараются сорвать с себя венки.

В противоположность им Пыпин затих, заинтересовался венком, ощупал его, попробовал на зуб лавровые листья и, оставшись довольным, потребовал у скромняг:

— Эй вы, если вам венки не нужны, отдайте их мне. Я такую славу люблю. Особенно в супе!

— Он ловкий притворщик! — закричали разочарованные скромняги. — И вовсе он не Самый Совершенный, этот хитрый землянин. Он обманул наши надежды! А мы-то уже стали болеть за него. До полного совершенства ему так же далеко, как от нас до его родной планеты!

Пыпин, не обращая внимания на шум, подобрал все венки и, волоча их за собой, побежал к котелку, в котором все еще варился бульон из воды. Подбежав к костру, он торопливо оторвал от венка горсть лаврового листа, бросил его в кипящий бульон и аппетитно потер руки.

И стадион сразу притих. Скромняги убедились в том, что я достиг пределов скромности. А Пыпин, сам не подозревая того, совершил первое доброе дело.

ГЛАВА XI, в которой юнга старается доказать,
что он самый тщеславный человек во Вселенной

Убедившись в том, что в стране скромняг началась новая эра, я отправился на поиски леса. Как мне подсказывал опыт, лес надо было искать там, где было больше деревьев. Поэтому, выйдя из города, я начал считать встречающиеся по дороге стволы и, когда их набралось до тысячи, очутился в дремучем лесу.

А вскоре я вышел на небольшую поляну и увидел небритого мужчину в звериной шкуре. Этот странный человек рыхлил землю древней мотыгой и бросал в нее зерна. Он трудился с откровенной любовью к своему занятию. С его обнаженных мускулистых плеч стекал ручьями пот, но усталость будто доставляла ему удовольствие.

— Вы не будете столь любезны и не скажете мне: как увидеть тщеславцев? — спросил я, подходя к необычному землелашцу.

— Отчего ж не быть любезным? Скажу: я и есть тщеславец, — угрюмо ответил мужчина и, горько усмехнувшись, добавил: — Да только не характерный тщеславец. Досадное исключение, в общем.

— Зря вы наговариваете на себя, — сказал я с упреком. — У вас вид честного трудолюбивого человека.

— Вот в том-то и дело, — буркнул землелашец. — Все порядочные тщеславцы по деревьям да пещерам сидят и добродетелями своими похваляются. А мне неймется все. Сегодня земледелием занялся. А вчера добыл огонь способом трения.

И он с грустью поведал мне историю своего племени, которая, как и у других народов, началась с того, что тщеславцы научились общаться с помощью голоса и ходить на ногах, освободив руки для полезных занятий. Но, додумавшись до того, что валявшиеся на земле камни можно использовать как орудия труда, тщеславцы решили, что

достигли вершин цивилизации. После этого люди племени очень возгордились собой, и с тех пор они ничего не делали, только и занимались тем, что, стуча зубами от холода в пещерах, рассказывали друг другу о своих высоких достоинствах и личном вкладе в прогресс, и, конечно, давно бы вымерли от голода, если бы не этот землепашец. Пока все тцеславцы упивались своими рассказами, мой собеседник занимался охотой и бортничеством и кормил соплеменников. «А недавно, как видите, перешел к земледелию и приучил дикое животное», — и он скромно указал на пасущуюся в кустах корову.

— А что же было дальше? — спросил я с неослабевающим интересом.

Но вскоре тцеславцам стало неинтересно хвастать друг перед другом, потому что они теперь знали наизусть все о великих достоинствах каждого соплеменника, и они принялись добывать слушателей на стороне. Тцеславцы похищали необразцовых скромняг, находя их по видимым предметам туалета, и залетевших на планету космических путешественников и морочили им головы своим хвастовством до такой степени, что постепенно эти люди тоже становились тцеславцами.

— Скажите, добрейший человек: вы не видели среди них не совсем обычных детей? Девочку и мальчика? — воскликнул я, очень волнуясь.

— Скажу, видел, — ответил мой собеседник. — Девочку зовут Машей, а мальчика Толиком Слоновым. И вы абсолютно правы: они не совсем обычные ребята.

— И еще скажите: что с ними? Сделайте милость.

— Сделаю. Скажу. А вернее, ничего не скажу, потому что сам не знаю. В последний раз я их видел в кругу моих соплеменников. Те без конца потчевали ребят своими рассказами. И что сегодня стало с детьми, это мне неизвестно.

За Машу я не боялся. Девочка была негибимой отличницей и активисткой. Ей не вскружили голову даже десят-

ки почетных грамот, и этим все сказано. А Толик Слонов такой впечатлительный, такой самолюбивый мальчик!

— Я по глазам вашим вижу, что, в конечном счете, вы спасете своих маленьких друзей, — одобрительно заметил землепашец.

— Не будем загадывать, — скромно предложил я.

— Не спорьте со мной, — слегка рассердился землепашец. — Ну, с богом, пройдете еще немного, и там будет наша стоянка.

Но едва я скрылся из его вида, как на меня набросились незнакомые люди в набедренных повязках. Они выскочили из зарослей орешника с криками:

— Ага, слушатель, попался! Братцы, покрепче держите его!

Но я и не думал сопротивляться. Так было даже удобней, не нужно было тратить время на поиски стоянки тщеславцев. И хотя я не шевельнул даже мизинцем, чтобы защитить себя, один из тщеславцев обеспокоенно предупредил своих товарищей:

— Поаккуратней, ребята, как бы не повредить ему уши.

Тщеславцы бережно связали меня по рукам и ногам и понесли на своих плечах.

— Это же надо! Чтобы обзавестись всего лишь одним слушателем, пришлось целый день в засаде сидеть, — пожаловался кто-то из моих носильщиков.

— Мы хоть в своем лесу сидели. А другим в город пришлось пойти, — возразил ему другой тщеславец.

— Да если бы эта несносная девчонка поверила хотя бы разок, не пришлось бы тратить столько сил и времени. А то: «Не может быть, не может быть. Это антинаучно», — передразнил Машу третий тщеславец. — И слово-то придумала какое: «ам... ан... антинаучно».

— Братцы, а может, ему прямо сейчас рассказать, пока несем? — попросил самый молодой тщеславец. — А то в глотке ужас как пересохло.

— Нельзя думать только о себе. В пещерах нас ждут товарищи, и каждый имеет равное право на нашу добычу, — сурово одернул его старший брат.

— А как же еще один слушатель? Толик? — спросил я, не удержавшись.

— Ну, этого теперь самого не остановишь. Так и лезет все время без очереди, — неодобрительно ответил старший.

Вскоре мы вышли к поросшей лесом горе, у подножия которой виднелось несколько пещер. Это и была стоянка тщеславцев. Все племя сидело кружком посреди поляны и, истосковавшись по слушателям, жадно смотрело в лес. Наконец самый зоркий из них заметил нашу процессию и закричал:

— Друзья, слушателя несут! Сегодня, кажется, будет кому нас послушать!

Тщеславцы бросились ко мне со всех ног, окружили меня. И тут, как это уже бывало со многими, их явно обманул мой возраст.

— Батюшки, да, может, он совсем глухой? — испугалась одна пожилая тщеславка.

Я хотел было обидеться, но, увидев расстроенные лица людей, сжалился над ними и сказал:

— Ладно, уже не один человек попадался на эту удочку. Вот, например, кто слышал из вас, как шуршит об облако солнечный луч?

— Никто не слышал, — честно признались тщеславцы.

— А я вот прекрасно слышу, — скромно сказал я. — Он шуршит так: «шширш, шширш...»

Убедившись, что я говорю правду, тщеславцы очень обрадовались. Кто-то предложил посадить меня в центре круга и немедленно начать рассказ. Но тут всех растолкал рыжий мальчишка в звериной шкуре и неистово закричал:

— Я буду первый! Чур, я первый ему расскажу!

— Какой невоспитанный ребенок! Ну и поколение рас-

тет. Разве мы в детстве были такие? — осуждающе заговорили взрослые тщеславцы.

— Дяденька! — продолжал мальчик, пренебрегая мнением старших. — Сейчас вы услышите потрясающую историю о том, как я чуть не устроил самое настоящее кораблекрушение и...

Разглядев меня, мальчик осекся. И я тоже узнал его. Это был Толик Слонов.

При моем появлении справедливый мальчик сразу сравнил свои истории с теми действительно необычными и благородными приключениями, которые приписывались мне, и стал снова здоров.

— Как видите, не удержался от соблазна, проявил слабость, — пояснил он, виновато опустив голову.

— Но ты понял, и это хорошо, — шепнул я и незаметно пожал ему руку. — А где Маша Фырова?

— Она в пещере. Они поставили Машу в угол, — так же незаметно шепнул мне Толик.

А тщеславцы продолжали сетовать на детей.

— Один так и норовит опередить старших, — жаловались они мне. — А другая упрямо не верит нашим рассказам. Утверждает, что мы не правы, что мы ошибаемся. Вежливая, а ишь? Это мы-то ошибаемся, великие тщеславцы?!

— Друзья! — обратился я к ужасно расстроившемуся племени. — Теперь у вас будет слушатель, который выслушает всех вас! И будет слушать без конца. И потом, если пожелаете, слово в слово повторит все то, что вы рассказали.

— Иван Иванович, что же вы делаете? Ведь вы еще никогда никого не обманывали! — не удержался и с горечью воскликнул Толик.

— А я и сейчас говорю чистую правду, — успокоил я мальчика. — У этих несчастных людей отныне будет такой, ну, может быть, не совсем вечный, но достаточно долговременный и добросовестный слушатель.

— Неужели вы останетесь здесь навсегда? — не поверил Толик.

— Ну, разумеется, нет. В общем, пока это тайна. Друзья! — вновь обратился я к тщеславцам. — Но, прежде чем выполнить свое обещание, мне хотелось бы посмотреть на упрямую, как вы говорите, девочку Машу.

Обрадованные тщеславцы были готовы оказать мне любую услугу.

— Она в той пещере! Стоит там, в углу! — наперебой закричали тщеславцы и охотно указали на вход в самую дальнюю пещеру.

Бедняжка Маша стояла в самом темном углу пещеры. Конечно, девочке ничего не стоило убежать из плена. Для этого ей достаточно было проснуться, и, проснувшись, она бы увидела, что сидит как ни в чем не бывало в салоне летящего вертолета рядом с отцом. Но такая девочка, как Маша, не могла оставить Толика в беде.

Маша стойко переносила свое наказание, черпая моральные силы из жизнеутверждающей детской песни, которая доносилась из ее походного магнитофона. Академический хор детей сурово и мужественно пел:

Если ошиблись дяди,
Перебори свой каприз.
И правды ради,
Истины ради,
Ни на кого не сердись.
Ты ведь такая хорошенькая!
Стой же, на стену глядя,
Сердце свое скрепя,
И правды ради,
Истины ради
Будут еще у тебя
Целых сто порций мороженого!

— Маша, я уже исправился, окончательно, честное слово! — сказал ей Толик. — Я больше не хвастаю своими придуманными победами.

— Правда? — обрадовалась девочка и, спохватившись,

добавила с очень серьезным видом: — А я все равно верила в тебя. Даже в самые критические минуты, когда ты сочинял про себя совершенно немислимые истории. И, как видишь, не ошиблась! Я знала, что в тебе заложена здоровая основа. И ты в самом деле нашел в себе силы и поборол свое тщеславие. Словом, ты — настоящий ребенок, Толя! — закончила она звонким от волнения голосом.

— Если уж быть честным до конца... то справедливости ради надо сказать, что мне помогло появление Ивана Ивановича, — мужественно признался Толик, хотя ему очень хотелось выглядеть перед Машей мальчиком с большой силой воли.

Признаться, мне было приятно узнать что я помог формированию личности Толика Слонова. Да еще это было сказано в присутствии такой выдающейся воспитательницы, как Маша.

— Неужели юнга так быстро пришел к нам на помощь? — удивилась между тем девочка.

— Да, я уже здесь, — подтвердил я.

Когда в полумраке раздался мой голос, Маша от радости забыла про то, что является сдержанной девочкой, и захлопала в ладоши.

— Теперь мы можем бежать? — азартно спросила она. — Хотя я и отправилась в сон с познавательной целью, но, наверное, могу позволить себе небольшое приключение.

— Ну конечно. Но перед этим я должен сдержать свое слово. — И я рассказал Маше о необычайном слушателе, обещанном тщеславцам.

Отличница поняла меня с полуслова и, сняв с плеча походный магнитофон, протянула мне, говоря:

— В чем же дело? Отдайте его тщеславцам. А реальный магнитофон все равно остается у меня. Он и сейчас там, в самолете, где я сплю. Лежит на коленях у папы.

— Вот и я так подумал, — признался я, забирая магнитофон.

Мы принесли магнитофон сгоравшим от нетерпения тщеславцам. Увидев вместо обещанного живого слушателя маленький ящичек, племя очень расстроилось, вознегодовало.

— Этот человек обманщик! — закричала одна из женщин.

— Чужеземец! — промолвил худощавый тщеславец. — Ты решил нас надуть и подсунил нам вместо слушателя ящик, у которого нет ушей. Я уж не говорю про рот, который должен прищелкивать языком, восклицая: «Вот это да! Вот это здорово!» Но мы, как известно, отличаемся тонким, пронизательным умом, и нам ничего не стоило разгадать твою уловку. Так вот, чужестранец, тебе все-таки придется остаться с нами и слушать нас до конца дней своих! Тебе и этим ребятам!

— Не торопитесь с выводами, — посоветовал я с добродушной улыбкой. — И расскажите-ка нам одну из своих удивительных историй.

— Удивительных для вас, — поправил меня тщеславец и недоверчиво спросил: — Вы просите сами? То есть добровольно? И хотите, чтобы я начал прямо сейчас?

— Вот именно. И не теряя больше ни одной драгоценной секунды, — уточнил я и включил магнитофон.

Но тщеславца не нужно было упрашивать. Воодушевленный моим призывом, он красочно описал мне свою недавнюю воображаемую охоту на стадо пещерных мамонтов. Поведал о том, как он подобрал с земли огромный сук, открыв тем самым и тут же закрыв эпоху великого технического прогресса, и, взмахнув новым сверхмощным оружием, оглушил разом все стадо. Увлечшись, рассказчик прищелкивал языком и восклицал, восхищаясь собой:

— Вот это да! Вот это здорово!

Остальные тщеславцы нетерпеливо топтались возле нас, ожидая своей очереди.

— Ну как я? Могуч? Умен? — придиричливо спросил

рассказчик, закончив свою историю. — К тому же я должен заметить, что вы умеете слушать. Во всяком случае, мне еще не приходилось встречать такие чуткие уши. Они, право, заслужили того, чтобы я рассказал им о другом своем подвиге.

— Уж если кто и достоин, так в первую очередь это он, — возразил я, указывая на магнитофон. — Если вы заметили, этот слушатель внимал вам затаив дыхание. А сейчас он, как я и обещал, воспроизведет каждое ваше слово.

Я нажал другую кнопку, и магнитофон к радостному изумлению тщеславцев повторил рассказ слово в слово.

— Все слышали? Он одобрительно прищелкивал языком. А ведь признаться, еще ни один слушатель не прищелкивал языком и не говорил: «Вот это да! Вот это здорово!» Мы только слышали: «Хватит, надоело, какая чужь!» — кричал рассказчик, самый счастливый сейчас человек в племени, пускаясь в неистовый пляс.

Я показал тщеславцам, как управлять магнитофоном, и мы, воспользовавшись тем, что племени в эти минуты было не до нас, обратились в бегство.

— Теперь можно спокойно гулять по этой планете, ни капельки не боясь, что выскочат из леса тщеславцы и уведут к себе. Теперь у них есть магнитофон — самый добросовестный слушатель, — сказал я ребятам по дороге через лес.

Наконец беглецы (то есть мы) добрались до опушки, где я совсем недавно повстречал землепашца. На этот раз необычайный тщеславец сидел под кустом шиповника и мастерил охотничий лук.

— А, это вы? — удивился тщеславец. — Да, никак, избавились от моих соплеменников? Ишь ты! Такое еще никому не удавалось. Все, кто к ним попал, так у них и остались. Растворились в племени, значит. Приняли обычай и язык. Впрочем, от вас я и не ждал другого.

Он подергал тугую тетиву, послушал, наклонив голову,

густой шмелиный звук, который она издала, и пояснил:

— Решил изобрести новое орудие охоты. Копьем да палицей много ли дичи возьмешь? Соплеменников кормить надо, а один сколько может пищи добыть? Потому и вся надежда на технику.

Я посоветовал умельцу изобрести колесо, намекнул, как добыть из руды железо, и дал ряд других советов, необходимых для развития первобытного производства. После этого мы пожелали ему трудовых успехов и продолжили свой побег из плена.

Но когда уже перед нами замаячила окраина города, я хлопнул себя по лбу и сказал:

— Нехорошо получилось, ребята. Мы спасли планету от набегов племени, а о самих тщеславцах я и не подумал. Люди вокруг уже в космос летают, а тщеславцам что же, вечно в каменном веке жить да ходить в первобытных? Вы, друзья, возвращайтесь на Землю. Ты, Маша, к отцу в самолет. А ты, Толик, к себе в город. Скоро начнется новый учебный год. Пора к нему готовиться. А я на стоянку вернусь.

Толик было заупрямился, попросился было со мной, но Маша строго одернула его.

— Раз юнга говорит, значит, так будет лучше.

— Все, все, я больше не буду, — смутился Толик.

По дороге к пещерам я думал, как излечить тщеславцев от хвастовства, и вскоре нашел очень остроумный способ. Я должен был их перехвастать, доказав, что как бы они ни старались, а первое место уже занято, что самый тщеславный человек на свете — это я!

Способ был прост и элегантен. Но когда уже казалось, будто ничто не помешает мне спасти племя, попавшее в такую страшную беду, передо мной выросло непреодолимое препятствие. И им был я!

«Но как ты докажешь, что самый тщеславный на свете, если у тебя нет ни капли этого чувства?» — вдруг сказал я себе.

И я, к сожалению, был прав. Мне ничего не стоило преодолеть космос или спуститься на дно океана, забыв по рассеянности дома скафандр. Но вымолвить хоть одно хвастливое слово?! Нет, это было выше даже моих сил. Я растерялся, впервые не зная, что предпринять. Известный и давно разоблаченный хвастун Мюнхаузен вызывал сейчас у меня откровенную зависть. Если бы мне дали одну тысячную его бесстыдства, я бы показал, что такое настоящее хвастовство!

Мои безрадостные размышления прервали топот и треск ветвей и возбужденные голоса, долетевшие из густой лесной чащи. А затем на тропе появились трое тщеславцев, тащивших упирающегося Пыпина. Как я понял, они ушли в город до моего визита и потому ничего не знали про магнитофон.

— Вы перепутали все! Это я должен хулиганить и красть людей среди белого дня на главной улице. Я, а не вы! — возмущался Пыпин, красный от гнева.

На груди у него болталась большая позолоченная медаль с надписью: «Скромнейший из скромнейших».

— Но мы же не виноваты, что у вас такие замечательные уши, — смущенно отвечал один из похитителей, видимо, старший среди своих товарищей.

Я спрятался в кустах, и маленький отряд и его пленник прошли, не заметив меня.

— Я докажу, кто из нас хулиган! Вы или я! Скоро об этом узнает весь лес! — донесся угрожающий голос Пыпина, и треск ветвей и топот затихли.

Я понял, что над племенем нависла новая опасность, и прибавил шаг. Однако похитители знали короткий путь к своей родной стоянке, и мне, несмотря на свое проворство, догнать их так и не удалось.

Прибежав, наконец, к пещерам, я увидел, что тщеславцы по-прежнему сидят на земле вокруг магнитофона и хвастают своим невежеством, стараются перещеголять друг друга. Но Пыпина нигде не было видно. Не удалось

мне найти его и в пещерах. Старый хулиган словно растаял в воздухе.

Я громко покашлял, чтобы обратить на себя внимание тщеславцев, но никто из них даже не повернул головы. Обычно мое появление привлекало даже чрезвычайно занятых людей. И не потому, что у меня была необычайная внешность, хотя и невзрачной ее тоже не назовешь. Просто какое-то чувство подсказывало им, что пришел необычайный человек, и, значит, сейчас что-то будет. То же самое чувство не оставило без внимания и тщеславцев. Но они настолько были зачарованы своим хвастовством, что пропустили это важное известие мимо ушей.

Тогда я потряс за плечо молодого тщеславца, в котором узнал одного из похитителей Пыпина, и спросил, где пленный слушатель. Парень долго не мог понять, что мне от него нужно, но потом сказал, что пленного отпустили на все четыре стороны, потому что какой-то добрый человек подарил его племени почти идеального слушателя.

— Но куда? Куда пленный ушел? — закричал я, предчувствуя беду и заранее страшась за местных зверей, потому что нет ничего опасней на свете, чем хулиган, забравшийся в лес.

И тотчас в чаще послышался отчаянный крик:

— Погибаю! Спасите!

Из-за деревьев выбежал перепуганный Пыпин и от страха мигом взлетел на высокую неприступную скалу. Следом за ним из леса выскочили взрослые пещерные медведи, саблезубые тигры и мамонты.

— Долой самосуд! Да здравствует всеобщее уважение к законам! — закричал Пыпин, глядя сверху на зверей.

И те ответили гневным рычанием.

Над стоянкой тщеславцев стоял такой возмущенный рев, что те на время забыли про свое хвастовство и поднялись на ноги. Их изумил вид животных, с которыми они столько раз в своих историях вступали в единоборство, но

о которых знали только понаслышке, потому что никогда не углублялись в лес.

Увидев людей, звери погрозили Пыпину лапами и клыками и, сердито ворча, удалились в чащу.

— Ну, что вы опять натворили? — спросил я Пыпина, обхватившего руками и ногами острую верхушку скалы.

— Подумаешь, какие мелочи: научил медвежат не слушаться старших, — обиженно ответил хулиган.

— Слезайте, Пыпин. Родители уже ушли, — сказал я, тяжело вздохнув, потому что чувствовал себя косвенно виноватым.

Не оставь я тогда свое второе «я» на берегу, ничего бы этого не случилось.

Пыпин решил спуститься, посмотрел вниз, и тут я и он сам поняли, что ему со скалы не слезть. Скала оказалась отвесной, и вершина ее уходила чуть ли не за облака.

— Помогите! — закричал Пыпин.

— Друзья, нужно что-то придумать, — озабоченно сказал я тщеславцам. — Помочь ему спуститься вниз.

Тщеславцы небрежно сплюнули, заговорили:

— А что тут думать? Это дело простое.

— Чепуховое дело!

— Ерунда, а не дело.

— Оно не стоит выеденного яйца.

Я на минуту забыл, что они тщеславны, поверил, будто им и вправду ничего не стоит помочь, и поэтому очень обрадовался, попросил:

— Помогите ему, может, в конце концов, он больше не будет.

— Не буду, не буду. Хотите, дам честное слово? Но лучше обойтись без него.

— Сейчас мы его снимем. Сейчас мы ему поможем слезть. Сейчас мы вот что сделаем... — бодро начали тщеславцы. — Сейчас мы сделаем вот что... сделаем вот что...

Они никак не могли сказать, что же собираются предпринять для спасения Пыпина.

— Мы сделаем вот что, — еще раз повторили они и растерянно посмотрели друг на друга.

— Что мы имеем в виду? — спросили тщеславцы у одного из своих товарищей.

— Не знаю, — испуганно ответил тот.

Тогда они спросили второго, и этот не знал. Так тщеславцы опросили все племя. Каждый мог тут же, не сходя с места, поведать тысячу историй о своих подвигах, но никто не имел представления о том, с чего хотя бы начать.

К счастью, я вспомнил, кто такие тщеславцы, и решил надеяться в первую очередь на себя.

— Может, для начала сплести веревку? — предложил я тщеславцам.

— Может! Вот именно! Непременно нужно сплести веревку, — обрадовались они и, притихнув, осторожно спросили: — А что такое веревка?

Я объяснил, что такое веревка. Мы надрали лыка и сплели из него веревку длиной с километр. Тщеславцы так возгордились своей работой, что сейчас же решили включить магнитофон и похвастаться перед ним своей свежей историей о том, как они героически сплели изумительную веревку. Но я напомнил им, что Пыпин еще сидит на вершухе скалы и что веревку мы сплели не просто так, а для его спасения.

— Ну, а теперь вы, наверное, знаете, что делать дальше? — спросил я у них.

— А как же! Остальное нам ничего не стоит, — заверили меня тщеславцы. — Сейчас мы... Сейчас мы... А что мы сейчас? — поинтересовались они у одного из своих соплеменников.

— Не имею представления, — жалобно ответил тот.

Тщеславцы снова опросили друг друга, и опять выяснилось, что никто не знает, что нужно сделать с веревкой, чтобы помочь человеку, сидевшему на скале.

— Странно, — сказали они мне, растерявшись, — мы умеем все, но почему-то с этой веревкой у нас заело.

— По веревке он спустится вниз, — пояснил я тщеславцам. — Только нужно один ее конец каким-то образом подать бедняге Пыпину, но вот каким именно, для меня это неразрешимая задача.

— Ну, это мы... — начали было тщеславцы и смущенно умолкли.

— Что же вы ждете? — закричал сверху Пыпин. — Я же сказал: больше не буду!

Я хотел ему пояснить, что положение, в общем-то, безнадежное, но не успел это сделать. Меня отвлекла большая ворона, севшая на сук в двух шагах от меня. По выражению ее глаз я понял, что сук пришелся птице не по вкусу, и, еще не зная, зачем это нужно, сказал тщеславцам «тсс...», вытянул левую руку, точно ветвь, и застыл, изображая дерево.

Ворона неодобрительно щелкнула клювом, осуждая неудобный сук, и, оглядевшись, остановила свой взгляд на мне.

Я показался ей самым подходящим деревом. Она обрадованно взмахнула крыльями и перелетела на мою вытянутую руку.

Я дал ей устроиться поудобней и затем, все еще не зная, зачем это нужно, схватил птицу свободной рукой. И тотчас меня осенила простенькая, но, как выяснилось потом, спасительная идея.

Я попросил тщеславцев подержать птицу и изготовил из кусочков кожи маленькие шоры, похожие на те, которые надевают на голову пугливой лошади, чтобы животное видело только дорогу, находящуюся перед ним. Затем я привязал кусочки кожи около вороньих глаз, закрыв ей поле обзора, к хвосту прикрепил конец веревки и, нацелив птицу точно на Пыпина, выпустил ее из рук. Освобожденная ворона устремилась прямо к верхушке скалы, по тому коридору, который она видела перед собой. Когда ворона

поравнялась с Пыпиным, он взял ее в руки и, отвязав от хвоста веревку, сунул было птицу за пазуху.

— Пыпин, сейчас же отпустите ворону! — крикнул я. — Иначе у вас ничего не выйдет.

Это была маленькая простодушная хитрость, но Пыпин поверил и, испугавшись, снял с птицы шоры, отпустил ее на свободу. Потом он закрепил петлю на макушке скалы и с улюлюканьем и разбойничьим свистом съехал по веревке вниз.

Пока он спускался, тщеславцы что-то обсуждали, собравшись в тесный кружок и временами бросая на меня сконфуженные взгляды.

А когда операция по спасению Пыпина подошла к счастливому концу, тщеславцы приблизились к нам, и самый почтенный на вид тщеславец вернул мне магнитофон и, виновато потупив глаза, произнес:

— Возьмите своего слушателя назад. Мы больше не хотим обманывать ни его, ни себя. Нам очень стыдно перед вами, слушатели. Как оказалось, мы ничего не умеем делать. Научившись говорить, наши далекие предки решили, что язык создан только для того, чтобы хвастать своими несуществующими достижениями. И вот к чему это привело: один из вас попал в беду, но наше славное древнее племя и, как мы думали, могучее, не смогло оказать даже самой маленькой помощи. В общем, вы преподнесли нам поучительный урок. Спасибо вам, добрые слушатели, и особенно вам. — И тщеславец протянул Пыпину ладонь для рукопожатия.

— Это вы мне? — удивился Пыпин.

— Вам! Ну конечно, вам! — воскликнул тщеславец и заговорщицки подмигнул. — Мы же понимаем, вы специально взобрались на скалу, и такой ценой вы доказали нам, что, в сущности, мы ни на что, кроме хвастовства, не способны.

— Вот уж о чем, о чем, а об этом я думал меньше всего.

— Так мы вам и поверили, — протянул тщеславец. — Вы еще кричали: «Я вам докажу, я вам докажу!»

— Это же по другому поводу, — возразил Пыпин.

— По этому, по этому самому! — упрямо сказал тщеславец. — Вот и медаль у вас. «Скромнейшему из скромных». Мы читать не умеем, но догадываемся. В общем, вашу руку, дружище!

— Ну, если хочешь, — сдался Пыпин и неумело, потому что делал это впервые в жизни, пожал ладонь тщеславца.

— Спасибо вам, сердечное спасибо! — сказал тщеславец, продолжая горячо трясти руку Пыпина.

— Да ладно, чего там, — пробормотал Пыпин. — Подумаешь, делов-то.

— Какой он щедрый! Какой удивительно щедрый! — восторженно зашептали тщеславцы.

— Дети, учитесь доброте у этого дяди, — говорили женщины детям и показывали на Пыпина.

После этой церемонии тщеславцы пригласили нас погостить у них день-второй. Но Пыпин тревожно посмотрел на лесную чащу, окружавшую стоянку с трех сторон, пожегил и сказал:

— Что-то домой захотелось. Страсть!

Я тоже считал, что пора возвращаться. Все дела на планете Скромной были удачно завершены. Тщеславцы стали скромными, а скромняги в меру скромны и в меру честолюбивы.

Мы попрощались с тщеславцами и зашагали по тропинке, протоптанной во время набегов к окраине города. Нас сопровождали недавние похитители Пыпина. На этот раз они шли в город с исключительно мирной целью. Им предстояло вступить в переговоры с правительством скромняг. Дипломатов одели в лучшие шкуры, и им приходилось проявлять нечеловеческие усилия, чтобы не важничать по старой привычке друг перед другом.

Наш отряд не прошел и сотни шагов, как я заметил,

что Пыпин тайно показывает мне глазами, отзывая в сторону для секретного разговора. Я остановился, но, помня о недавней его ловушке, держал, как говорится, ушки на макушке. Пыпин приблизился ко мне почти вплотную и заговорщицки шепнул:

— А это, в общем-то, приятная штука.

— Какую штуку вы имеете в виду? — И я на всякий случай еще больше насторожился.

— Какую, какую, — проворчал Пыпин. — Ну эту... благодарность.

Я возликовал и, тотчас воспользовавшись удобным моментом, назидательно сказал:

— А это зависит от вас, Пыпин. Чем чаще вы будете делать людям добро, тем больше получите благодарностей.

— Ты меня не агитируй, не агитируй! Ишь обрадовался! Знал бы, ни за что не сказал, — рассердился хулиган не на шутку. — Думаешь, Пыпин уже готов? Спекся? А Пыпин будь-будь. — И он зашагал вдогонку за дипломатами.

Войдя в город, мы тепло распрощались со своими спутниками. Тщеславцы направились в президентский дворец, а я и Пыпин свернули на улицу, ведущую к нашему бумажному мосту, соединившему две братские планеты.

Страна скромняг неузнаваемо изменилась со дня исторического соревнования по пятиборью. Вокруг нас деловито сновали теперь уже видимые глазу скромняги и с легкой грустью, которая сопутствует расставанию с близкими людьми, спрашивали:

— Домой? К себе на Землю?

— Да уж пора, — чуточку виновато отвечал я за себя и за черствого Пыпина.

— Будет время, заживайте к нам на планету, — говорили скромняги и добавляли с прямой дружеской улыбкой: — Заживайте, и, может, проведем еще одно состоя-

зание. Теперь-то мы знаем, что такое настоящая скромность.

— А зачем ждать меня? У вас есть новые соперники, — отвечал я лукаво.

— Это кто же? — удивлялись скромняги.

— Тщеславцы, — пояснял я.

— Тщеславцы? Неужели они поскромнели? Ну, вы нам сказали приятную новость, — радовались скромняги. — И все равно мы не забудем вас, — говорили они Пыпину.

Скромняги относились к нему, точно к национальному герою, и ему это казалось смешным.

— Ну и дадут, — шептал он, тыча в мой бок кулаком.

**ГЛАВА XII, в которой произошло событие,
потрясшее всю Вселенную**

Так, мило переговариваясь с прохожими, мы незаметно подошли к нашему мосту. Можно представить мое удивление и легкую вспышку гнева, когда вдруг из-за столба бумаги навстречу нам вышли Толик и Маша.

— Ага, они тебя не послушались. Значит, я, хоть и немножко, да на них повлиял. Ха-ха! — обрадовался Пыпин.

— Толик всегда был склонен к авантюрам, но от вас, Маша, я этого не ожидал, — сказал я, стараясь не замечать, как празднует победу матерый хулиган.

— Я тоже от себя этого бы не ожидала, — призналась Маша. — Но в тот самый момент, когда мы были готовы ступить на кипу вашей бумаги, на нее прямо с Земли взлетела эта собака. И кипа как зашаталась, чуть не разлетелась вся по галактикам и вселенным! Но мы ее удержали.

Я повернул голову и увидел спаниеля бело-шоколадного цвета. Он сидел на задних лапах и возбужденно дышал, словно после долгого бегства.

— Это спаниель Аркадий, который себя считает котом, — представил Толик Слонов собаку.

И пес заговорил на чистом человеческом языке, сильно картавя.

— Не слушайте детей, — сказал он с досадой. — Я самый настоящий кот. И как даже подозреваю — чистейший ангорский! А доказательством тому мои пушистые уши, — он мотнул головой, и его большие шоколадного цвета уши взлетели точно крылья, их размах достигал целого метра. — Ну, а на вашу кипу я залез под давлением суровой негостеприимной действительности. А все произошло оттого, что меня взяли на дачу, хотя я категорически возражал: мне ближе уют хозяйского кабинета. На полках

книги, книги! Тысячи книг! И едва мы приехали на дачный участок, как тут же начались мерзости взаправдашней жизни. Стоило нам выйти из машины, как на меня напало лохматое чудовище с длинными усами. То есть оно еще только готовилось к атаке и страшно лаяло: мяу-мяу! Да изогнулась дугой! Судя по Брему, это была самая настоящая свирепая собака. Ну и вы сами понимаете, я не удержался и... — сказал пес, смущенно опустив глаза.

Дело было ясным: вконец запутавшийся спаниель принял обычную кошку за ужасного пса, бумажный столб за высокое дерево и взлетел наверх, отчаянно взмахивая ушами.

— Да, только так можно было спасти мой роскошный, изысканный хвост от жутких когтей собаки, — сказал пес, вильнув кудрым хвостом. — Но куда я попал? — Он провел лапой перед глазами: — Это я надел воображаемые очки... О-о, тут асфальт? Лично я предпочитаю паркет. Ну и, разумеется, мягкую мебель. А это что?.. Э-э, да меня, кажется, окружает какой-то мир?

Спаниель начал осматриваться по сторонам, придерживая лапой воображаемые очки.

— Поглядите на этого пса. Еще рассуждает, — возмутился Пыпин. — Ишь, начитанный какой! Да я этих грамотеев всю жизнь камнями гонял!

Я заметил, как сконфуженно покраснел Толик Слонов. Видимо, он еще недавно точно так же относился к животным.

Маша хотела возразить Пыпину, но вовремя вспомнила, что со взрослыми спорить нельзя, и промолчала. Но, к счастью, сам Аркадий, увлеченный изучением улицы, пропустил обидное замечание Пыпина мимо ушей.

Но все равно мне, Маше и Толику стало неловко за поведение Пыпина. Хотя его поступок можно было отчасти понять. Если мы не остановим этого болтуна, нам придется надолго застрять на планете Скромной.

— Кто-то что-то сказал? Или мне просто послышалось? — рассеянно спросил пес, не прекращая своих наблюдений.

— Видите ли, Аркадий, мы спешим, — сказал я ему. — Нам пора домой, на Землю. Нас ждут дела. Да и вас, конечно, ищут ваши хозяева.

— Как? Разве я не на Земле? Я попал в иную цивилизацию? Вы это хотели сказать? — поразился Аркадий. — Тогда вы меня разочаровали. От иной цивилизации я большего ждал. Сравните ее с картинками в книгах. Или вы не любите научно-фантастическую литературу?

И спаниель вызывающе сощурился, надеясь втянуть нас в долгий спор.

— Извините, но иначе нельзя, — сказал я псу и, нагнувшись, взял его за ошейник.

— Отпустите меня! Что за фамильярность? Стоит встретиться с незнакомым человеком, как он тут же поровит взять тебя на руки! Я об этом читал! — запротестовал Аркадий. — Я понимаю: я теплый, пушистый, меня приятно гладить по шерсти и против. Но, пес меня подери, вас много, а я один. И тем более не ваш кот. Не приучайте меня к чужим рукам. Не балуйте! — завопил Аркадий и машинально потерся головой о мою ногу.

— Ну, если хотите, оставайтесь здесь. А мы должны вернуться домой, — вежливо ответил я и отпустил ошейник.

— Нет уж, и я с вами. Я ведь о чем? Чтобы вы уважали мое самолюбие. Мы — коты — очень самостоятельный народ. Для нас независимость превыше всего. Ну разве что чуть выше кусок свежего мяса, — пояснил Аркадий, успокаиваясь. — И еще. Только уж, чур, вместе так вместе. Не оставляйте меня в беде. Кто знает, может, злой пес до сих пор караулит меня у подножия.

Я пообещал свое покровительство, и мнимый кот взошел на верхний лист бумаги. За ним последовал Пыпин, а я задержался с Машей и Толей, чтобы отправить их до

мой. У нас все было готово к возвращению, и добрые ребята могли уже не волноваться за нашу судьбу.

— Иван Иванович, а можно мы вернемся вместе с вами? — попросила Маша, глядя на меня серьезными ясными глазами. — Мы будем вести себя дисциплинированно. И не зайдем много места. Лично я и вовсе воздушная, потому что нахожусь во сне.

— А собственно говоря, какая вам разница? — удивился я, еще ничего не понимая.

— Иван Иванович, для нас же это будет здорово! Это же такая честь! — воскликнул Толик.

— Иван Иванович, это же будет иметь для нас, детей, огромное воспитательное значение. Представляете: рядовой человек, то есть вы, совершает невероятное. Это очень поучительно, — пояснила Маша, давая понять, что, несмотря на то, что я не подумал об этом сам, мой авторитет для нее все равно остался на очень высоком уровне.

— Ну, если так, тогда прошу на наш бумажный мост, — сказал я, сразу согласившись с резонными доводами Маши.

Мы кое-как разместились на верху бумажной колонны, и я под прощальные возгласы собравшихся скромняг осторожно вытащил из-под ног верхний листок. Планета Скромная тотчас отделилась от нас, потерявшись среди россыпей звезд, а мы дружной, тесной группой начали свой путь к Земле.

— Так вот я про пса, который меня караулит, — нарушил молчание спаниель и, проделав замысловатые движения лапой, пояснил: — Это я протер воображаемые очки. Запотели... Так вот, про пса. Странная логика: если у человека есть хвост, я имею в виду нас, кошек, то каждый пес считает своим долгом вцепиться в него зубами.

Я понял, что здесь его ничем не остановишь, придется терпеть до самой Земли. Но пространные рассуждения спаниеля Аркадия были прерваны раньше, чем я предполагал.

На двадцатой страничке нашу компанию сильно потрянуло, бумажный мост закачался, накренился под нами, изогнувшись дугой.

— Дети, сейчас же марш на Землю, — сказал я, балансируя на ускользящей из-под ног бумаге. — А вас, надеюсь, можно теперь взять за ошейник? — спросил я собаку, которая, как заправский кот, выгнулась дугой и зашипела на невидимую опасность.

— С превеликим удовольствием. Ваша рука теперь мне кажется весьма надежной, — ответил спаниель и, не дожидаясь, сам подставил шею с красивым ошейником.

— А я что? Хуже всех? — обиделся Пыпин.

— Пожалуйста! Держитесь за меня, — разрешил я великодушно.

Он вцепился в мое плечо, и бумажный мост тотчас рухнул, развалился на отдельные листочки. Мы полетели в черную бездну.

В последний момент я увидел замешкавшихся, как мне показалось, Машу и Толика.

— Маша! Сейчас же проснись! Подъем! — закричал я, удаляясь к звездам.

— Я перейду в другой сон! Где вы можете мне присниться? — откликнулась Маша.

— Пока это тайна и для меня самого!.. Толя, а ты должен немедленно взять и перенестись на Землю! — крикнул я уже издалека.

Толя что-то крикнул в ответ, но я уже не слышал и не видел. Мы летели в бездонном космосе. Пыпин висел на моем плече, а рядом, раскинув уши, планировал спаниель.

— Ах, — сказал Аркадий. — По-моему, я уронил свои воображаемые очки. Мы не могли бы вернуться за ними?

— К сожалению, это не в наших силах, — ответил я.

Спаниель вздохнул и сказал, ободряя меня:

— Ничего, я придумаю себе другие. Модные. Правда, к тем я привык. Они хоть и несовременные, но очень удоб-

ные были очки. Да, ничего не поделаешь, сурова правда жизни. И вообще... — он хотел развить свою мысль пошире, но нас подхватило притяжение большой звезды и понесло на ее поверхность.

Нам угрожала гибель от столкновения с твердью. Но тут нашу тройцу заметила другая хищная звезда и, перехватив своим невидимым щупальцем — притяжением, потащила к себе.

Опомнившись, первая звезда напрягла все свои гравитационные силы и снова повлекла нас к себе. Однако и вторая звезда не собиралась расставаться с добычей. Между космическими гигантами завязался упорный поединок. Мы, крепко сцепившись, летали между ними, словно теннисный мячик. У нас захватывало дух, и пес то и дело со сладким ужасом восклицал:

— Ух ты!

Я понял, что этот матч может длиться бесконечно, если мы сами не выйдем из игры, и, уловив при счете 15:15 удобный момент, изловчился и связал притяжения звезд крепким морским узлом.

Пока соперники, войдя в азарт, старались перетянуть друг дружку, я придал нашей компании небольшое ускорение, выбросив в космос гребень, которым расчесывал бороду, и мы устремились к крошечной планете, которую мне уже удалось присмотреть.

Когда звезды опомнились и бросили нам вдогонку все свои силы гравитации, мы были уже далеко. Их мощи хватило только на то, чтобы задержать наше падение на поверхность планеты. Благодаря этой нечаянной услуге, наш мирный десант приземлился медленно и спокойно, точно нас бережно опускал широкий купол парашюта.

Почувствовав под ногами твердую основу, мы разомкнули объятия, скреплявшие нашу компанию, расправили онемевшие мышцы и огляделись. Нас окружал жизнерадостный пейзаж. Над головой синел купол атмосферы, ко-

торой можно было дышать. В зеленых кущах пели птицы, а понизу шелестела трава.

— И все же ни с чем не сравнить интеллектуальную тишь городской квартиры, — пробормотал Аркадий, почесывая задней лапой за ухом.

— А по мне нет ничего лучше пыльной улицы, с темными подворотнями, конечно, — пробурчал Пыпин.

Я больше всего любил уютный ют, на котором можно после вахты выслушать от других и рассказать самому не одну правдивую и вместе с тем необычайную историю.

Но мне так и не удалось высказать вслух свое личное мнение.

По воздуху пронеслось легкое дуновение, и перед нами возник Толик Слонов.

— Наконец-то я вас догнал, — сообщил он, отдуваясь.

— И это перед началом учебного года! — с горечью сказал я, стараясь не смотреть на Пыпина, чтобы не видеть его торжества.

— А что нам учебный год? Подумаешь! Нам ничего не стоит его пропустить, — ответил за Толика Пыпин.

Толик растерянно оглянулся, словно надеялся увидеть Машу и найти у нее одобрение.

— А Маше теперь мы не нужны. Она теперь видит другой, сладкий сон, — ехидно сказал Пыпин и допустил ошибку.

— Неправда. Она ищет сон, где можно встретиться с нами, — твердо, к моей неопишуемой радости, возразил Толик. — Иван Иванович, не сердитесь на меня. Пока вы в беде, мне бы ни один содержательный урок на пользу не пошел. Вот я взял и перенесся к вам. Правда, не легко это было сделать, потому что вас бросало из стороны в сторону. И каждый раз я опаздывал на какой-то миг. А Маше будет еще трудней. Уж очень сложный выбрала она способ передвижения.

— Ладно уж, но только чтобы ты наверстал пропущенные уроки, — проворчал я, скрывая свое удовлетворение,

чтобы Толик не возомнил себя совсем образцовым ребенком.

После короткой педагогической дуэли с Пыпиным я предложил осмотреть незнакомую планету, которой — кто знает! — может навсегда суждено стать нашим домом. Мы обогнули рощу кудрявых веселых деревьев и увидели человека с кларнетом, который строил из музыкальных звуков дом.

Его кларнет был набит музыкой. Прямо-таки удивительно, сколько ее помещалось в этой тоненькой трубочке. Музыкант-строитель уже воздвиг стены и крышу и теперь украшал окна и карнизы затейливым узором. Вот он нажал на клапан кларнета, и из узкого раструба выплыла славная затейливая мелодия. Музыкант взял ее кончиками пальцев и аккуратно повесил над крыльцом.

— Дом из музыки?! — изумленно воскликнул Толик. — Неужели такое бывает?

Музыкант обернулся на его голос и, ничуть не удивляясь нашему появлению, сказал:

— Как видишь, бывает. Но только у нас, на планете Чудной. У нас, на Чудной, все бывает.

— Но разве в нем можно жить? Он же развалится от первого ветра! — не унимался Толик.

— Конечно, развалится, если не верить в то, что он будет стоять вечно. Но если верить, в нем можно жить, как в настоящем доме. Очень уютном, разумеется, — ответил музыкант и улыбнулся мне, приняв меня за человека, который знает Всё!

Однако, к его чести, нужно сказать, что я на этот раз уже слышал о том, что существует такая планета, куда съезжаются разные чудаки.

— И кому нужен такой дом? Здесь даже не побьешь как следует окна, — хмуро произнес Пыпин.

— А зачем окна бить? Впрочем, если вам хочется, разбейте. Я сделаю новое стекло, — любезно предложил музыкант.

— Спасибо, но мне так неинтересно, — обиделся Пыпин.

— Но что ни говорите, дома на книжных картинках все равно красивее этого, — решительно вмешался Аркадий.

Я с тревогой подумал, что пес сейчас же ударится в пространный монолог. Но за домом послышалось чье-то бормотание, и из-за угла вышел смуглый полуобнаженный человек в набедренной повязке и чалме.

— А сейчас ступишь левой ногой, — говорил он себе. — Вот видишь, я угадал. Я же предвидел, что так и будет... О, да у нас гости! — сказал он музыканту, увидев нас.

— Знакомьтесь: мой сосед. Он считает себя прорицателем, — представил его музыкант.

— Да, да, я могу предсказывать будущее. Сейчас вы убедитесь в этом сами. Я кое-что предскажу себе на самое ближайшее будущее, и это обязательно сбудется.

Он поправил чалму, сосредоточился и произнес потусторонним голосом:

— Ты пойдешь вон в ту сторону и непременно споткнешься вон о тот камень, — и прорицатель указал на заметный камень, лежащий посреди тропы, по которой мы только что пришли к музыканту.

— Ну, иди же, иди. Почему ты стоишь? — сказал он себе.

И все получилось, как и предсказал прорицатель. Он пошел по тропинке и споткнулся о камень.

— Ну что я вам говорил? — спросил он торжествующе.

— А почему вы не перешагнули через камень? Вы же знали, что на тропинке лежит камень, — удивился Толик.

— Да потому, что не мог. Если б я не споткнулся о камень, вы бы подумали, что я никакой не пророк, а просто мелкий мошенник, — возразил прорицатель, покраснев.

— Ну, если вы на самом деле пророк, тогда, может, скажете, что нас дальше ждет? Неужели новые неприятности? — спросил Аркадий. — С тех пор, как меня привезли на дачу, неприятности сыплются на мою голову одна за другой.

Прорицатель почесал затылок, сдвинул чалму на лоб и неуверенно сказал:

— Я думаю, теперь все будет хорошо.

— Учтите, я кое-что читал об оккультных науках, — предупредил пес. — Ну, может, не в прямом смысле читал, а только видел на картинках, но тем не менее... — Он провел лапой перед глазами и пояснил: — Это я надел очки. Новые, в красивой овальной оправе... Так вот...

Но Аркадию в этот день не везло. Едва он углубился вновь в свои рассуждения, как его тут же опять прервали очередные очень серьезные события. Планета Чудная вдруг заходила ходуном, запрыгала, словно была яблоком на дереве и это дерево трясли.

Мы все повалились с ног, и я, падая, увидел, что здешнее Солнце, только что ласково светившее над планетой, скачет по небу, будто резиновый шар. Атмосфера, окутывавшая Чудную, местами съехала от тряски, как одеяло, открыв черный космос, усеянный звездами.

И среди звезд творилось что-то невообразимое. Опалевший Скорпион ужалил Змееносца, и тот с перепугу забрался в чашу Весов. Потревоженный Кит ударил хвостом, и Пегас, сорвавшись с привязи, помчался через небесный свод, подняв по дороге Лебедя. Тот задел крылом струны Лиры. Их звон разбудил дремавшего Дракона. Взбудораженные гончие Псы кинулись на обеих Медведиц. Мрачно закаркал Ворон. С тяжелым топотом, поднимая серебряные брызги, побежал по Млечному Пути Единорог.

Глядя на эту панику, я понял, что со Вселенной приключилась беда!

Тряска затихла так же внезапно, как и началась. Мы поднялись на ноги и увидели печальную картину. Вокруг

нас лежали поваленные деревья, от дома из музыки осталась кучка покареженных нот. И Солнце теперь напоминало опавший мяч, из которого частично вышел воздух.

Мы начали утешать музыканта, уверяя его, что он построит себе новый дом и лучше прежнего.

— Спасибо, друзья, спасибо вам за теплое слово, — растроганно ответил необычный строитель. — Новый дом я построю из целой симфонии. Это будет не дом, а дворец. И вы, если пожелаете, можете жить вместе со мной. И даже ваша собака... А где, кстати, она?

Мы тоже заметили, что пес куда-то исчез, и собрались было приступить к поискам его, но в это время зашевелился холмик из поломанных нот, и из-под него осторожно вылез Аркадий.

Он сел на задние лапы, провел передними перед мордой и сокрушенно покачал головой.

— Ну вот, опять разбились очки. Причем совершенно новые, — пожаловался Аркадий и с упреком посмотрел на прорицателя. — А вы, между прочим, утверждали, что все отныне будет хорошо.

— Значит, перед таким явлением природы отступил даже мой магический ум, — ответил прорицатель, сокрушенно разведя руками.

— А что бы это могло быть? — спросил Толик Слонов, проявляя похвальную любознательность.

Но этого никто не знал. Кроме меня. Люди даже не подозревали, какая страшная опасность нависла над нашей Вселенной.

А я сразу — случайно, разумеется, — понял, что произошло.

— Друзья! Наша старая добрая Вселенная стала игрушкой в руках у ребенка, — сказал я и, видя недоверие на лицах своих слушателей, пояснил: — Все объясняется просто. Вселенная, в которой мы живем, на самом деле является игрушечным волчком. Его подарили мальчику

Пете, там, в другой Вселенной. А наши галактики — это не что иное, как молекулы, составляющие основу веществ, из которого сделана игрушка.

— Поразительно! — воскликнул музыкант. — Когда и как вы об этом узнали?

— Узнал недавно, — ради скромности солгал я. — А как? Путем умозаключений. И до сегодняшнего дня это было только моей догадкой. Но после того, что случилось с нами на бумажном мосту и произошло минуту назад, мои подозрения перешли в твердую уверенность.

— И все же, какая связь между игрушечным волчком и происшедшей катастрофой? — спросил прорицатель, слегка задетый тем, что не он, а кто-то другой обладает даром такого глубокого проникновения в тайны.

— Успокойтесь, — сказал я ему. — К этому открытию я пришел случайно. А что касается связи, ее объяснить легко: мальчик пытался сломать свою игрушку и тем самым едва не загубил нашу Вселенную.

Мое сообщение поразило всех, кроме Пыпина.

— Славный мальчик... — начал было матерый хулиган и тут же осекся.

— Да, мальчик несомненно хороший, но кто-то научил его ломать игрушки. Какой-то хулиган, — сказал я.

— Да на такое не пойдет ни один порядочный хулиган, — обиделся Пыпин.

— А он, как и мальчик, не знает, что у ребенка в руках не просто волчок, а целая Вселенная. В том-то вся и беда, — пояснил я со все возрастающей тревогой.

— Ну, если не знает, значит, мог и научить, — признал Пыпин упавшим голосом.

— Значит, катастрофа может вот-вот повториться, и мне незачем снова строить дом? — горестно воскликнул музыкант.

— Да, это так. И чтобы предотвратить новую катастрофу, которая может быть гибельней этой, кто-то должен проникнуть в тот мир, где мальчик играет нашей Вселенной,

и предупредить его семью и школу, — сказал я и, подумав, добавил: — Или детский сад.

Прорицатель недоверчиво покачал головой и спросил:

— Ну, разумеется, я, — сказал я обреченно.

Присутствующие посмотрели на меня, не скрывая своего удивления и восторга. Даже на лице Пыпина на какой-то миг появилось невольное уважение ко мне. И тут же пропало.

— А ведь я могу пойти с тобой и проверить. Может, ты отсидишься на каком-нибудь астероиде, а мы будем считать, будто ты герой, — ухмыльнулся Пыпин.

ГЛАВА XIII, всё в которой увеличивается
в несколько тысяч раз

— Ну что ж, Пыпин, я возьму вас с собой, — сказал я, взвесив все «за» и «против».

Толик занервничал: ему очень хотелось принять участие в нашей экспедиции и он очень боялся, что моему терпению придет конец и я все-таки отправлю его домой. Можно представить его радость, когда он услышал мои слова:

— Как это ни прискорбно, гражданин Слонов, но я, вместо того чтобы отправить вас готовиться к началу учебного года, вынужден пригласить в свою экспедицию. Ваш способ перемещения в пространстве будет нам просто необходим.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Толик солидно. — Так и быть, я принимаю ваше приглашение.

— Если вы думаете, что я останусь в этой ненадежной Вселенной, которая вот-вот развалится на куски, то вы глубоко ошибаетесь, — сказал Аркадий. — Нравится вам это или нет, но вы возьмете меня с собой. Не станете же вы рисковать жизнью единственного в своем роде кота? Что потом о вас скажут видные натуралисты? Насколько мне известно...

— Считайте себя зачисленным в штат, — сказал я псевдокоту, опасаясь, что из-за его разглагольствований нам никогда не удастся начать экспедицию.

— А я за это себе подберу потрясающие очки, — пообещал довольный Аркадий. — Они украсят нас всех!

— Итак, состав экспедиции почти укомплектован. Осталось всего лишь два вакантных места, — объявил я.

— Ну что ж, возьмите меня, — предложил музыкант. — Пока Вселенная под угрозой, строить здесь все равно нет никакого смысла. А там я, может быть, пригожусь.

— А если возьмете меня, я буду предсказывать ближайшее будущее, — сказал прорицатель. — И только прекрасное притом!

— Тогда в путь! — призвал я своих товарищей.

— Но чтобы попасть в другую Вселенную, к Пете, мы должны добраться до края нашей Вселенной. Но как это сделать, если она бесконечна? — вдруг спохватился музыкант.

— Я об этом где-то слышал, потому и согласился пойти вместе с тобой, — весело признался Пыпин. — Ну что, юнга, разоблачили твою смелость, да? Ты заранее знал, что у Вселенной нет границ, а значит, тебе никогда не выбраться из ее пределов. То-то!

Но я с достоинством пренебрег его обидными словами. Да и что можно ждать от бывшего двоечника, если даже самые гениальные умы и те наивно считали, что у Вселенной нет границ?

— Да, Вселенная бесконечна и вместе с тем у нее есть пределы, — возразил я с улыбкой.

Мои друзья, начавшие было волноваться, притихли, пораженные моим сообщением. И чтобы не наслаждаться своим триумфом, я быстро прочитал коротенькую лекцию.

— Не забывайте, что наша Вселенная — волчок. Он вертится вокруг оси, и поэтому все летает внутри у него только по кругу да по спирали. Вот оттого Вселенная и кажется бесконечной. По кругу можно ходить сколько угодно, и ему не будет конца. Но у каждой игрушки есть форма, а значит, и предел. И если мы отправимся по прямой, то быстренько доберемся до границы. Поверьте, наша Вселенная не так уж и велика. Так что дело остается за транспортом.

— Ну, если за транспортом... — произнес с облегчением музыкант. — Есть у нас на Чудной один изобретатель. У него-то мы что-нибудь найдем.

Он повел нас за собой, и вскоре мы, обойдя невысокий

ходм, очутились перед диковинным домиком, который стоял на воздушной подушке. Над его крышей сияли большие стеклянные буквы:

КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО! МАШИНЫ ДАЮТ ТОЛЬКО В ОБМЕН!

На каменном крыльце домика появился толстенький лохматый человечек и, ликуя, спросил:

— Что, удивлены? Вокруг все разрушено, а мой дом стоит! Я чувствовал, что когда-нибудь будет вселеннотрясение, и потому построил дом на воздушной подушке. Вот он уверял: мол, все будет хорошо, — и толстяк со смехом указал на прорицателя, — а я не поверил.

— А что я мог поделаться, если оптимизм так и бьет из меня ключом? — простонал пристыженный прорицатель.

— А я не поверил! — с наслаждением повторил толстяк. — И дом мой стоит как ни в чем не бывало. Оценили? Ну, а теперь можете сказать, зачем пожаловали ко мне.

Я объяснил толстяку, что нам нужен транспорт, который бы доставил нашу экспедицию к границе Вселенной.

Толстяк подумал и сказал:

— Что быстрее скорости света? Мысль! Так вот, есть у меня мыслелет. Он перенесет вас в любой пункт назначения со скоростью мысли. Но я хочу напомнить об одном условии. — И толстяк, хитро улыбаясь, прочитал: «Машины дают только в обмен!» А у вас есть что-нибудь для обмена?

Мои будущие спутники было упали духом, им казалось, что нам нечего предложить взамен, а я, не раздумывая, спросил:

— Что вы хотите за свой мыслелет?

— Машину времени! — выпалил толстяк и торжествующе засмеялся.

— Эко сказал! Да где нам ее взять? — оживился Пыпин.

— А иначе я не отдам свой мыслелет! — И толстяк потер руки, очень довольный собой. — Условие есть условие!

— Значит, условие есть условие? — настойчиво переспросил я, чтобы он потом не отказался от своих слов.

— Условие есть условие, — повторил толстяк. — Вы мне — машину времени! Я вам — мыслелет! Уж очень мне хочется взглянуть на себя в прошлом. Какой я был красивый и умный. Знаю, знаю: время сделало мою особу еще краше, и она продолжает и дальше цвести. Но мне хочется посмотреть самому, как я совершенствуюсь прямо у себя на глазах.

Я извлек из кармана маленькое зеркальце и протянул толстяку.

— Вот вам машина времени!

— Что вы мне дали? Это же обычное зеркало! — возмутился толстяк, поворачивая зеркальце перед носом и так и этак.

— Точно, зеркало, обыкновенное, — поддержал его довольный Пыпин.

— Правильно. Это зеркало, — подтвердил я. — И вместе с тем это простейшая машина времени.

— Не морочьте мне голову! Оставьте его себе! — рассердился толстяк, пытаясь вернуть мне зеркало.

Мои товарищи смущенно молчали, тоже считая, что зеркало — это всего лишь зеркало. Им было даже немножко неудобно за меня. За мои откровенные, как они думали, попытки обмануть изобретателя.

— А вы посмотрите в него, — невозмутимо посоветовал я толстяку, отстраняя его руку.

— Ну посмотрел, — с холодной яростью сообщил толстяк, полагая, будто я издеваюсь над ним.

— И что там увидели? — спросил я с невольной улыбкой.

— Себя! — в бешенстве рявкнул толстяк.

— Вы не совсем точно выразились. Не просто себя, — поправил я. — Вы увидели себя в прошлом. То есть каким были одну миллиардную, а может, всего лишь миллионную секунды тому назад. Я имею в виду время, которое понадобилось для того, чтобы ваш облик дошел до поверхности зеркала и отразился в ней.

— И следовательно, зеркало является самой настоящей машиной времени! — радостно подхватил прорицатель.

— Я могу подсчитать точно, на какое время вы погрузились в свое прошлое, — деловито пообещал Толик Слонов.

— Я-то думал, что такие удивительные события происходят только в книжках с картинками, — произнес спаниель, покачав головой.

— Не верьте им! Юнга их всех обвел вокруг пальца! — суетливо сказал Пыпин изобретателю.

Но толстяк еще раз посмотрел в зеркало и потрясенно пробормотал:

— Да, это и вправду машина времени... Батюшки, как я неустанно хорошею! О, мой лик стал еще лучше, чем был одну миллиардную секунды тому назад! Чудеса! А я столько лет бился над таким агрегатом, и все было напрасно... Надеюсь, вы не передумали? — обратился он ко мне. — Учтите, вы обещали отдать машину времени за мой мыслелет.

И толстяк крепко прижал зеркальце к своей груди.

— Я бы ни за что не обменял машину времени на какой-то мыслелет, — опять суетливо вмешался Пыпин.

Но я заверил настороженного изобретателя в неизменности нашего уговора, и мы тут же обменялись машинами. Я оставил толстяку свое зеркальце, а он, сияя от удачной сделки, выкатил из прихожей дома космический аппарат.

Мыслелет походил на типичное межзвездное судно будущего и отличался от него разве что комнатными размерами. Его приводила в движение энергия мысли, и потому

он не нуждался в запасах горючего, которое будет занимать на космических кораблях очень много места.

Я предложил назвать наш корабль «Перепелкино-3». Почти весь экипаж отнесся к моему предложению с одобрением. И только Пыпин, из-за присущей ему привычки перечить всем и во всем, проголосовал против.

Я подобрал под ногами осколок известняка, вывел на борту мыслелета его гордое имя, и наш маленький отважный отряд погрузился в корабль.

Мы уже приготовились к старту, и тут изобретатель, вместо добрых напутственных слов смущенно хихикнул и произнес:

— Сказать по правде, мыслелет не взлетит. Я изобрел его просто так, для обмена. И сколько ни пробовал, он ни с места. Только, чур, назад не возвращаем, — и спрятал зеркальце за спину.

Хорошо, что я уже в это время сел в кресло пилота и по привычке начал думать.

«Голубчик, — подумал я, обращаясь к мыслелету, — трогай! Иначе погибнут тысячи миров. Пропадет наша родная Вселенная!»

И мыслелет легко вспорхнул в космос. Под нами мелькнуло изумленное лицо изобретателя. И планета исчезла из виду. А загадочный летательный аппарат, получив излученный мной мощный заряд мысли, уносил нас все дальше и дальше к окраинам Вселенной.

Это был невообразимый полет! Я еле успевал мыслить. За иллюминаторами проносились скопления галактик. Но нам они казались черными пятнами, потому что их свет никак не мог нас догнать.

И вдруг кто-то невидимый подхватил наш мыслелет и швырнул куда-то в сторону по крутой дуге. Корабль упал на что-то мягкое и замер, потому что мы, потрясенные переменой, на время перестали мыслить. И как выяснилось потом, сделали это вовремя. Иначе бы наш корабль улетел за пределы квартиры, в которой жил мальчик Петя.

Мы вышли из мыслелета и осмотрелись.

Вдалеке, пониже линии горизонта, посреди безбрежного океана паркета крутился яркий волчок, сверкающий всеми красками радуги. Это была наша Вселенная, из которой нас выбросила вон центробежная сила, как только мы приблизились к ее границе.

— Что же выходит? Мы там живем? — забеспокоился Пыпин.

— Да, Пыпин. Это наша родная Вселенная, — тепло отозвался я.

— Такая маленькая? Ну и ну, — ошеломленно пробормотал Пыпин.

— Отчий дом изнутри всегда кажется большим, — напомнил я ему, стараясь избежать ложного пафоса.

С трех других сторон нас окружало тугое, пружинящее под ногами зеленое пространство. Я понял, что наш корабль угодил на тахту, на которой спит мальчик Петя.

А затем мы увидели и его самого. Он сидел на коврикe среди других игрушек и пытался разобрать заводной автомобиль. По сравнению с нами Петя казался фантастически огромным. Его лицо с азартно горящими глазами и высунутым от усердия кончиком языка находилось на высоте сотен миллионов километров.

— Эй ты, пацан! — закричал Пыпин. — Ты эти штуки брось! Не трогай Вселенную! Тебе что? Других игрушек мало? Вот их и ломай!

— Кто знает, может, и другие игрушки Вселенные? И этот заводной автомобиль, — заметил я Пыпину.

— Ну да? Ты это... слишком, — не поверил Пыпин, но на всякий случай добавил: — Петьк, ты вот что, положи автомобиль.

Но мальчик его не слышал.

У всех, кроме еще ничего не понявшего Пыпина, дружно упали сердца. У тех, кто понял, что нам не удастся поговорить с родителями Пети, потому что они никогда не

заметят нас, не услышат нашего голоса, что для них мы меньше самой крошечной песчинки, а голос наш тоньше писка атомов комара. А нам нужно было срочно предупредить родителей, что Вселенная наша в опасности. И может, угроза сейчас нависла и над другим миром, заключенным в игрушечном автомобиле.

— Не слушает, что взрослые говорят, — пожаловался на мальчика Пыпин.

Но когда мы ему объяснили, что происходит на самом деле, Пыпин вместе с нами впал в отчаяние. Это случилось с ним впервые в жизни.

Лично я всегда впадаю в отчаяние перед тем, как найти неожиданный выход из совершенно безнадежного положения. Так случилось и на этот раз.

— Друзья! Нам необходимо попасть под микроскоп! — воскликнул я неожиданно даже для самого себя. — Мы должны найти молодого талантливого ученого с микроскопом! И когда он увидит нас увеличенными в миллиарды раз, мы расскажем ему о наших тревогах.

— Это вы придумали остроумно, — признал прорицатель. — Но каким образом, хотелось бы знать, мы отыщем и ученого, и микроскоп в таком огромном мире?

— Биолога нам найдет Толик Слонов, — ответил я, подмигнув заговорщицки мальчику.

— Так вот зачем я нужен был экспедиции! — обрадовался Толик. — Я мигом его найду! Вот возьму и окажусь перед линзой микроскопа!

Сказав это, Толик исчез. Не прошло и минуты томительного ожидания, как он снова вырос перед нами, словно появился из-под земли. И вести, которые мальчик принес, оказались самыми обнадеживающими.

По словам нашего разведчика, нам очень повезло. Петин папа был тем самым биологом, которого мы мечтали найти. И здесь же, за стеной, стоял самый современный электронный микроскоп.

Оживившись, повеселев, наш экипаж сел в мыслелет и

отправился путешествовать по квартире. Мы пересекли детскую комнату, облетели гостиную и, заглянув в кабинет, сразу увидели микроскоп, стоящий посреди письменного стола — новенький, сверкающий линзами и никелем.

Самого хозяина в кабинете не было. Видно, он все еще вел научно-исследовательскую работу в своем институте.

Я убавил свои мысли и осторожно посадил корабль на сухое чистое стекло, расположенное перед микроскопом.

Мы вышли наружу и в ожидании ученого разбрелись по стеклу. Каждый старался по-своему скоротать свободное время. Толик сразу же, не теряя ни одной драгоценной минуты, уединился в стороне и, радуя мой глаз, начал повторять учебный материал, который он не твердо усвоил в прошедшем году.

Музыкант достал кларнет и, упражняясь, тихо и задушевно запел, в то же время аккомпанируя себе под сурдинку:

Ах, ты моя дорогая Вселенная,
Для одних голубая или зеленая,
Для других желтая или красная,
А в общем, для всех очень прекрасная!

Грустные звуки складывались в легкие домики и беседки, как бы символизируя образ его милой Вселенной.

Пока музыкант, экспериментируя, строил изящный дачный поселок, прорицатель старался предсказать свое ближайшее будущее.

— Поверьте мне, милейший, — говорил он себе, — не пройдет и двух секунд, как вы поскользнетесь. Я уж не знаю, что это будет: лед или паркет, — но вы поскользнетесь, точно!

Прорицатель сделал шаг, его ноги разъехались на гладком стекле, и он мягко шлепнулся на спину.

— Вы свидетели: я это предвидел! — напомнил он нам, гордясь своим природным даром.

— Какой содержательный кабинет! — с восхищением говорил мне Аркадий. — В таком кабинете можно провести всю жизнь, даже не выглядывая в окна. Пусть откуда доносится шум автомобилей и разные голоса: птичьи, людские. Пусть! Зато здесь столько книг и картинок! Любопытно, есть ли в этих книжках картинки? И еще вопрос: цветные они или черно-белые? Как полагаете, коллега?

Он вертелся перед глазом микроскопа, норовя и так и этак посмотреть через него на корешки книг, стоявших на полках. Ведь, как известно, оптический прибор, если заглянуть в него с обратной стороны, наоборот, уменьшает предметы.

А я тем временем, расположившись на стекле, как на полу, написал большими печатными буквами на листах бумаги два транспаранта. В одном сердечно приветствовал местное население от имени всех цивилизаций нашего волчка. В другом извещал хозяев квартиры о вселенской катастрофе, которая может произойти из-за того, что они не уделяют достаточного внимания воспитанию своего ребенка.

И только Пыпин слонялся по стеклу, не зная, куда себя деть от безделья. Походив просто так — руки в брюки, — он было потянул спаниеля за ухо. Но тот даже не обернулся, только оживленно спросил:

— Скажите, Пыпин, вы что любите больше: реальную жизнь или прекрасный вымысел?

Пыпину сразу стало неинтересно. Он отпустил ухо Аркадия, пробурчал:

— А тебе какое дело? — И отошел.

— Странный тип, — шепнул мне пес, кивнув в сторону Пыпина. — Как будто не целый человек, а всего лишь его половинка, — и, сдвинув воображаемые очки на лоб, вновь начал вертеться перед линзой.

Наконец за дверью кабинета прогрохотали, точно раскаты приближающегося грома, чьи-то шаги. Мы прихорошились, привели свое платье в порядок, готовясь к встрече с первым представителем другой Вселенной. И в комнату вошел подросток четырнадцати лет.

Мы знали, что нас никто не услышит, но все равно, не удержавшись, приветствовали паренька радостными возгласами, приветливо махали ему руками. Музыкант поднес к губам кларнет и сыграл встречный марш, выстроив помпезную арку в честь этой исторической минуты.

— Вот увидите, сейчас он подойдет к микроскопу, — взволнованно предсказал прорицатель.

— Друзья, я должен вас разочаровать, — сказал я, не теряя головы. — Ни один воспитанный подросток не позволит себе подойти к микроскопу без разрешения взрослых. Так что наберитесь терпения. Подождем, когда появится сам ученый.

А подросток пританцовывал, насвистывая веселенький мотив, показавшийся мне поразительно знакомым.

— Это старая песня уличных мальчишек, — пояснил музыкант.

— Точно, — подтвердил Пыпин. — «Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане финский нож».

Мне было известно, что воспитанный подросток не станет петь такую гадкую песню. Поэтому мной овладело хорошее предчувствие.

— Друзья! — обратился я к своим товарищам. — Это он научил своего младшего брата, и тот ломает игрушки. Нам следует быть начеку! Этот человек крайне опасен!

Не подозревая, что за ним следят несколько пар зорких встревоженных глаз, подросток слонялся по кабинету в поисках развлечений. Он оттолкнул ногой тяжелое кожаное кресло, сделал стойку на голове, провел пальцем по корешкам книг, но это не принесло ему удовлетворения.

И вдруг ищущий взгляд озорника остановился на микроскопе. На его губах заиграла ехидная улыбка шириной в тысячи километров.

— Ага, что я сказал? Он приближается к микроскопу! — закричал в ужасе прорицатель.

Я поискал глазами наш мыслелет и увидел, что мы удалились от него на слишком далекое расстояние.

— Маэстро, нам нужна большая лодка, — сказал я хладнокровно музыканту.

— Понятно! Сюита ре мажор! — объявил музыкант, поняв меня с полуслова, и начал строить корабельные стапели.

Мне еще казалось, что подросток, прежде чем сделать то, чего я так опасался, посмотрит в окуляры микроскопа и, заметив людей, остановится. Но он, даже не заглянув в окуляр, начал именно с того, чего я так опасался. Вредно хихикая, подросток взял со стола пипетку, набрал из банки с цветами воды и поднес ее к стеклу, на котором находилась наша экспедиция. На конце пипетки висела гигантская капля воды размером с Атлантический океан.

— Э-э-э... Ты хулигань, да знай меру! Ты что? Совсем того? — опасливо закричал Пыпин.

Я повернулся к музыканту, чтобы узнать, что происходит на стапелях. Там стояла уже готовая к спуску замечательная турецкая фелюга, отличающаяся отменными мореходными качествами.

— Все на борт! — скомандовал я и схватил за ошейник собаку.

И едва мы успели взобраться на судно, как на стекло тотчас обрушился невиданный потоп.

Волны носили нас из стороны в сторону, но я уверенно вел фелюгу сквозь шторм.

— Я бы такое себе не позволил. Это уже чересчур, — сказал мне Пыпин, отряхиваясь от брызг.

— Да ведь и он считает, что не сделал ничего особенного, — возразил я.

— Да ну? — удивился Пыпин.

Океан наконец затих. Но когда всем уже казалось, будто беда осталась позади, мы увидели в океане Машу. Она плыла к нам уверенным кролем, словно на уроке физкультуры.

Несмотря на суровую обстановку, Толик не удержался, засек по своим наручным часам скорость, с которой Маша покрывала расстояние, отделявшее ее от фелюги, и сожалеюще произнес:

— Жаль, что плывет во сне, не то был бы личный рекорд.

Машу и нас уже разделяло несколько метров, мы уже верили, что и эта неожиданность тоже осталась позади, как вдруг из пучин океана вынырнуло диковинное чудовище и бросилось вслед за беззащитной отличницей.

Я сразу узнал его. Это был свирепый вирус гонконгского гриппа. Только в этой Вселенной он по размерам превосходил самую опасную земную акулу.

— Иван Иванович... вы должны... меня спасти, — серьезно сказала Маша в промежутках между гребками. — Иначе я... должна проснуться... А это, по-моему... лишено логики... Мне столько... пришлось перевидеть... снов, чтобы... встретиться с вами.

В ее словах было столько резона, что у меня не повернулся язык отказать. В самом деле, было бы очень неразумно после долгих стараний оставить приключение в разгаре. И нам пришлось заняться спасением рассудительной девочки.

Однако, уже принимая первые меры, мы открыли, что у нас нет оружия, способного поразить гигантского хищника.

А он между тем достигал отличницу, хотя у Маши был третий спортивный разряд и девочка плавала всеми существующими на свете стилями, и, когда уже казалось, что все потеряно и Маше придется прервать свой сон, я вспомнил о пачке антибиотиков, которая всегда находи-

лась в моих карманах среди прочих неожиданных предметов, крайне необходимых во время бедствия.

Я сунул руку в карман и уже нащупал лекарство, но в это время меня опередил Аркадий. Грозно рыкнув, он перепрыгнул через борт и вцепился клыками в загривок вируса, который уже протянул свои инфекционные щупальца к Машиной пятке.

Вирус издал ужасный вопль и заметался по океану, пытаясь сбросить с себя седока. Но пес держался за его загривок, словно заправский ковбой, пока хищник не сбежал в морские глубины.

После этого Маша подобрала собаку, и мы втащили своих товарищей на борт фелюги.

— Ну теперь-то никто не скажет, будто я до сих пор не видел живую мышь, — сообщил спаниель и шумно отряхнулся от воды.

— Я должен вас разочаровать, дорогой Аркадий. Если вы до сих пор не видели живых мышей, то ничего не изменилось и сегодня, — сказал я с мягкой улыбкой.

— Здравствуйте! А это кто, по-вашему, был? — возмутился пес.

— Вирус! — сказал я. — Зверь пострашней мышей. В Англии в прошлом году из-за эпидемии гриппа из строя вышли тысячи людей. А уж кошек и собак никто не считал. Некогда было!

— Не может быть?! — воскликнул Аркадий.

И попытался упасть в обморок, но ему помешало крепкое здоровье.

Он предпринял еще две попытки лишиться чувства, и все равно у него ничего не вышло.

— А все случилось потому, что я в этой кутерьме опять уронил очки. Иначе бы меня ничто не заставило броситься в эту драку, — сердито пробормотал Аркадий, пытаясь скрыть свое смущение.

И все же мои антибиотики нашли себе применение. Пока экипаж фелюги поднимал Машу и собаку на борт,

гонконгское чудовище вернулось, приведя с собой целую орду своих сородичей. Но мы растворили в воде мой антибиотик, и вирусы тут же погибли.

Пока наша экспедиция спасала Машу, в кабинете появилось новое действующее лицо. Покончив со страшным врагом и вернувшись к своему главному делу, мы увидели пожилого мужчину с гривой седых волос. Эта грива была так велика, что нам поначалу показалось, будто потолок над нами затянут кучевыми облаками. А под облаками, точно два ясных неба, синели добрые глаза этого человека.

— Я же запретил подходить к микроскопу! — напустился ученый на своего старшего сына.

— А я и не хотел. Но там, папа, такое!.. Такое!.. Что я прямо-таки был обязан туда посмотреть, — не моргнув, солгал подросток.

— Ну и врунишка, — осуждающе пробормотал Пыпин.

— И что ты мог увидеть? На стекле под линзой ничего нет, — удивился мужчина, но, заглянув в окуляр микроскопа, воскликнул:

— Батюшки, это же люди!

Мы приветственно помахали ученому. Потом выловили из воды транспаранты и показали хозяину кабинета. Буквы размокли, слегка подтекли, но ученому удалось расшифровать оба текста.

— Извините нас, пожалуйста, — сказал ученый с самым искренним сожалением... — Мы, конечно, не предполагали, что волчок может на самом деле оказаться целой Вселенной. И тем не менее нам нельзя было полагаться только на старшего сына. Мы надеялись, что он присмотрит за Петей, и вот к чему это привело. Моя супруга, видите ли, певица. Все время гастроли, гастроли... У меня с утра до вечера институт... Мы и тебя проглядели, сынок, — грустно признался он подростку. — А ты и сам превратился в своенравного распущенного мальчишку, стал учить своего младшего брата нехорошим поступкам.

И вот из-за вас чуть не погибли миллионы самобытных цивилизаций.

— Я же об этом не знал. Я никому не хотел плохого, — расстроился подросток.

После этого биолог пообещал, что и волчок и другие Петины игрушки будут целы, и предложил обменяться информацией.

Я охотно ответил согласием.

Но поначалу наша беседа столкнулась с большими затруднениями, потому что мой голос был неуловим для толстой барабанной перепонки ученого. Все же я и тут нашел выход из положения, став с помощью взгляда посылать своему собеседнику знаки морзе. Продолжительный взгляд — тире. Взгляд короткий — точки. И вскоре мы толковали с ним, забыв о необычайных условиях, в которых проходила научная конференция, о том, что я и мои друзья стоим на борту слегка покачивающейся фелюги, а биолог смотрит на нас через сложную оптику своего микроскопа.

Но в конце концов наступила минута прощания. Мы расстались с легкой печалью, потому что успели привязаться друг к другу.

— Я обращаюсь через газету ко всем нашим ребятам, попрошу, чтобы после этого случая они берегли свои игрушки, — пообещал биолог.

Он символически пожал каждому члену нашего экипажа руку и даже мысленно почесал за ухом у пса.

Распрощавшись с биологом, мы поплыли к своему мыслелету, который терпеливо лежал на волнах, и перebrались на его борт.

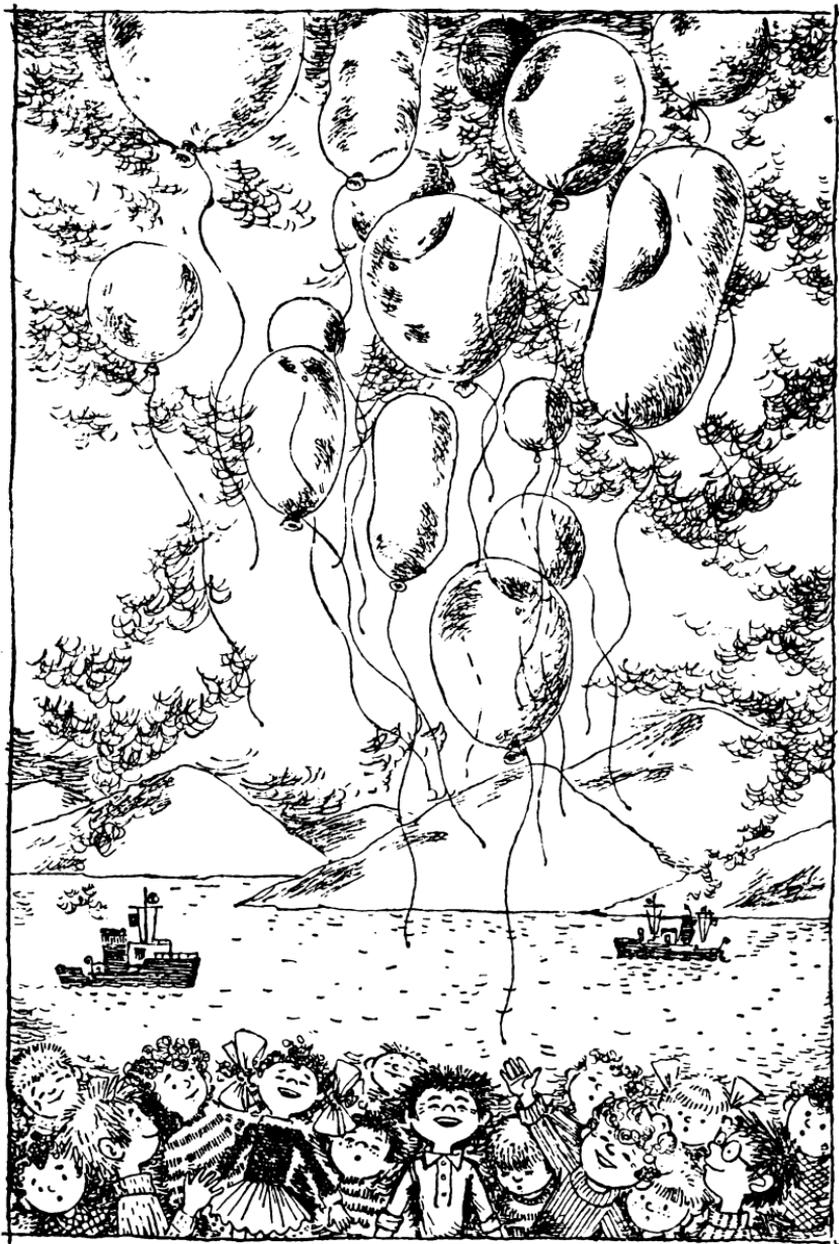
Я сел за пульт и начал мыслить, вначале медленно, а потом все быстрее и мощней. «Перепелкино-3» поднялся над водой и, описав под линзой микроскопа прощальный круг, полетел в детскую комнату.

Пересекая пространство Петинои комнаты, мы увидели, что мальчик с помощью старшего брата аккуратно сложил

все игрушки в специальный шкаф. И лишь наш волчок, как и прежде, вращался посреди пола.

Я направил корабль к сверкающему ободку экватора, сделанному из нержавеющей стали. Однако центробежная сила, еще недавно выбросившая нас из волчка на тахту, помешала нам вернуться в родную Вселенную. Мыслелет бился носом о поверхность волчка, но центробежная сила каждый раз отталкивала его назад.

И когда мои друзья уже начали терять надежду на возвращение домой, мне вновь отчаянно повезло. Меня осенило! Я развернул корабль и повел вокруг волчка в сторону его вращения. Мощные мысли рождались в моей голове одна за другой, разгоняя наш мыслелет. И когда наконец его скорость сравнялась со скоростью вращения волчка, он без всяких препятствий, боком-боком, вошел в родную Вселенную. Теперь мы были дома!

По дороге к Земле мы завезли прорицателя и музыканта на их родную планету. Во время небольшой остановки я, желая размять мышцы, отправился на прогулку по Чудной, и, обогнув знакомый холм, увидел изобретателя.

Его дом на воздушной подушке покосился, просел, а сам хозяин, забросив все дела, сидел перед машиной времени и пытался наладить контакт с собой в прошлом.

— Хорош был, дьявол, хорош, — восхищенно бормотал изобретатель. — Ну как ты чувствуешь себя? О чем мыслим? Небось думаешь, будто нет никого умнее тебя и прекрасней? А вот и ошибаешься, приятель! Есть! Ты сам через одну миллиардную секунды! Сообразил? Ну, отвечай, отвечай. Что молчишь? — упорно спрашивал он «себя в прошлом», добиваясь, чтобы скорость вопроса и ответа опередила скорость отражения.

Мы попрощались со своими недавними спутниками и взяли курс на Землю. Перед нами лежал путь совершенно чистый от приключений. Так утверждала лоция здешнего района Вселенной, которую я каким-то непонятным мне образом знал наизусть. Избыток опасностей немножечко нас утомял, и мы радовались возможности отдохнуть и поделиться богатыми впечатлениями. На борту «Перепелкино-3» не затихал веселый шум. А спаниеля и вовсе невозможно было бы уговорить, если бы даже кто-то за это и взялся. Им овладело невероятное возбуждение. Он то и дело приставал к членам нашего экипажа, почти без умолку повторяя:

— Как я этого вируса, а? Он меня так, а я его этак!

И шерсть у него на загривке вставала дыбом, глаза зажигались фиолетовым огнем. Ему рисовались эпизоды недавней битвы с гонконгским чудовищем.

Он и меня теребил за штанину, мешая управлять ко-

раблем. И мне каждый раз приходилось вежливо напоминать ему об этом.

— Иначе мы никогда не попадем домой, — пояснял я, не сводя глаз с космической дороги.

— Извиняюсь, больше не буду, — спохватываясь Аркадий и оставлял мою штанину в покое. Но через минуты две снова дергал ее, горячо говоря:

— Вы только послушайте: он меня по уху раз, а я ему по загривку два!

Наконец спаниель устал, разлегся у моих ног, подстелив под себя просторное мягкое ухо и накрывшись вторым. Но и во сне он переживал недавнюю битву: и рычал, и скулил, и шевелил лапами, за кем-то гонясь или убегая от кого-то.

Я бы тоже с большим удовольствием поспал или предался общему веселью, но мне приходилось думать и тем самым вести мыслелет через неизведанные дебри Вселенной. И я думал о том,

Что человек рожден быть добрым,
Что человек рожден быть смелым,
Что человек рожден быть мудрым,
Что человек рожден быть умелым,
Что человек рожден быть счастливым,
Что человек рожден быть красивым,
Что человек рожден бы...

И тут мыслелет вдруг резко затормозил, будто уперся в невидимое препятствие. От внезапного толчка все его пассажиры попадали на пол. А я, лежа на спине и глядя в потолок, сразу понял, что допустил неточность. Красота бывает духовной и просто физической, внешней, часто обманчивой красотой. И вот эта нечетко выраженная мысль и остановила наш мыслелет посреди глухого темного космоса.

Пыпин понял, в чем дело, и насмешливо спросил:

— Не в ту сторону подумал, водитель?

— С кем не бывает, — ответил я, покраснев.

— Вот-вот, у вас, у хороших, один ответ. Сделаете не так и сразу: «Люди — не ангелы». А мы, плохие, значит, всегда ангелами быть должны, — проворчал хулиган, покачивая головой.

Между тем мы находились без движения целых сто двадцать секунд, и это, как я догадывался, грозило нам неизвестными осложнениями.

«Человек рожден быть духовно красивым», — поспешно подумал я, не заботясь уже о стихотворном размере.

И все равно опоздал на какое-то мгновение. Нас заметили особенно свирепые гравитации, обитавшие на черных звездах-невидимках. Они нападали на все, что беспечно залетало в эти тущобы Вселенной, и тащили несчастных пленников в свое мрачное логово. И ничто уже не могло вырваться из ненасытной утробы черной звезды. Даже ее собственный внешний вид. Хотя ему, как и всякой другой внешности, ничего так не хочется, как показать себя людям во всей своей красе. Без этого он чахнет, как и цветок, заключенный в темное сырое подземелье.

Итак, обнаружив наш корабль, временно потерявший управление, гравитации кинулись на него со всех сторон. Корпус мыслелета, сшитый из добрых надежд, застонал, затрещал под напором фантастических сил.

Мы уперлись изнутри в стенки, помогая им выдержать давление извне. Но потом космические чудовища опомнились и каждое яростно потянуло корабль к себе. Теперь даже необразованный Пыпин и тот понял, что еще немного, и гравитации разорвут «Перепелкино-3» на части.

— Я как чувствовал, когда не учил уроки про эти гравитации, мутации, — рассердился старый хулиган. — Эх, если бы не они, сколько еще можно было скверных дел натворить!

— Мне тоже обидно, — вздохнул Аркадий. — Я еще не видел живую мышь. Выходит, жизнь прошла мимо меня. Или я прошел мимо жизни.

Я приказал Маше проснуться, а Толику взять и перенестись на Землю, прихватив с собой спаниеля. Мальчик и девочка горько заплакали, жалея меня и Пыпина, и наотрез отказались оставить нас в беде.

Даже обычно бесчувственный Пыпин и тот растрогался и сказал:

— Ладно уж, ступайте домой, так и не испытай моего дурного влияния. Я не обижусь на вас.

Я принялся уговаривать Толика и Машу. Но даже незаслуженно приписываемая мне сила убеждения не смогла поколебать упрямых детей.

Не зная, чем закончится эта история, я уже было пришел в отчаяние, но тут среди грома, и скрежета, и пыхтения чудовищ донеслось легкое царпанье. Кто-то не очень сильный, но больно настойчивый искал свободное место на обшивке корабля и тоже пытался за него зацепиться. Я тотчас узнал незнакомца. Это было притяжение нашей родной Земли!

Она отыскала нас в темных просторах Вселенной и теперь старалась вырвать из чужих лап. Любовь к своим блудным сыновьям придавала ей энергии и отваги, но силы все же были неравны. Масса самой маленькой звезды превосходила массу Земли в тысячу раз! И все же Земля храбро бросилась в бой.

Я понял, что ей нужно помочь, остроумная идея и на этот раз каким-то чудом избрала именно мою голову и вновь надоумила меня. Я достал из кармана морскую пуговицу с изображением якоря и, приоткрыв люк, выбросил ее наружу.

Чудовища, заметив новую вещь, заманчиво блестящую при свете звезд, набросились на нее. Их могучие щупальца сплелись в клубок, а земное притяжение, не мешкая, подхватило нас и понесло домой.

Когда перед нами появился голубой шар Земли, Аркадий потерял меня за рукав и небрежно спросил:

— Надеюсь, меня доставят прямо на дачу?

И только теперь я подумал о некоем странном обстоятельстве.

Дача, которую снял хозяин нашей собаки, находилась где-то под Новороссийском.

А мой бумажный мост был временно сооружен в окрестностях Краснодара. Значит, спасая свой воображаемо роскошный хвост от обычной домашней кошки, Аркадий пересек Краснодарский край от его морских берегов до самой столицы. Когда я сообщил ему о своей догадке, спаниель воинственно вздыбил шерсть на загривке и закричал:

— Ах, вот он куда меня загнал?! Ну, попадись мне этот неграмотный пес, я ему покажу, что такое образованная кошка!

— Угомонитесь, Аркадий! Лучше скажите, где находится дача профессора. Под Новороссийском, если мне не изменяет память, немало замечательных дачных мест, — напомнил я, полагая, что этакий ученый спаниель должен разбираться в азах географии.

Но Аркадий небрежно махнул лапой, легкомысленно бросил:

— А разве не все равно, где эта дача? Мне лично плевать!

И он, чтобы ему поверили, залихватски сплюнул.

Мы с Толиком переглянулись, и я ему шепнул:

— Жаль, конечно, расставаться раньше времени. Но ничего не поделаешь. Тебе придется взять и очутиться вместе с собакой на даче профессора. Аркадия просто не узнать. Где его обычная рассудительность? И как бы он в таком состоянии не попал в беду.

Толик понимающе кивнул, обещая, что все будет в порядке.

Я посадил мыслелет посреди очень симпатичного дачного поселка и открыл люк корабля. Первым наружу вылез Толик, за ним выпрыгнул спаниель, потянулся, прогнул спину дугой. Мы вышли следом за ними, чтобы проститься со своими товарищами.

— М-да, следует признать: эта натуральная жизнь все-таки дьявольски хороша! — объявил наш верный четвероногий друг, он провел лапой перед глазами и швырнул что-то воображаемое оземь. — Это я разбил воображаемые очки! Они мешают мне смотреть на солнце. И вообще, спрашивается, зачем коту очки? Даже в самой модной оправе. Э-э, со мной что-то происходит... Кажется, я теряю способность говорить на человеческом языке. Помните, как я этого вируса, а?.. Это был... Гав!.. самый счаст... гав-гав! — и спаниель смущенно залаял.

— Ну, нам пора, — вздохнул Толик, не сводя с Аркадия глаз.

И все же он опоздал. Из лопухов, растущих вдоль забора, вышел боевой уличный кот. Он подмигнул, сжав желтый зрачок, качнул большой головой, приглашая подраться нашего пса, и скрылся за углом. Спаниель зарычал и бросился в бой. Толик махнул нам рукой и побежал за ним вдогонку.

— Мне тоже пора, — вздохнула Маша. — Я чувствую, как папа трогает меня за плечо. Видимо, наш вертолет пошел на посадку.

Она серьезно, по-взрослому, пожала нам руки и исчезла, а мы с Пыпиным остались одни.

Я засмотрелся по сторонам и упустил своего двойника из виду. Воспользовавшись моим глубоким интересом к пейзажам родной природы, старый хулиган вскочил в мыслелет и поспешно захлопнул за собой дверцу люка. Когда я спохватился, Пыпин уже сидел в кресле пилота и победно смотрел на меня из кабины.

— Пыпин! Сейчас же оставьте мыслелет! — закричал я, барабанив по обшивке корабля.

— Я теперь хулиган прогрессивный! Так и иду, так и иду прямо со временем в ногу! Аж слеза прошибает, — ответил растроганно Пыпин.

Я зажмурил глаза, представив будущие грандиозные безобразия по всей Земле, которые он теперь учинит, завла-

дев мыслелетом. Но, открыв глаза, я, к своему удивлению, обнаружил, что мыслелет не сдвинулся с места.

А что же Пыпин? Тот прыгал в кресле, тер свой лоб, неистово колотил себя по голове, стараясь расшевелить свои мысли.

— Выходите, Пыпин, у вас ничего не выйдет! — крикнул я, догадавшись о причине, помешавшей ему взлететь.

Пыпин предпринял еще несколько попыток поднять мыслелет и, отчаявшись, вышел.

— Признайтесь, Пыпин, о чем вы старались думать, когда сели в кресло пилота? — спросил я помрачневшего хулигана.

— О чем же еще? — пробурчал Пыпин. — О том, что люди дураки. И что я им еще покажу, как надо нарушать общественный порядок.

После этого я утвердился в своем неожиданном открытии. Мыслелет обладал изумительным и чрезвычайно важным свойством. Двигатель «Перепелкино-3» подчинялся только светлым мыслям. Этой тайны не знал даже сам изобретатель, и оттого мыслелет казался ему бесполезной игрушкой.

Я поделился с Пыпиным своей догадкой, ничем не рискуя. К сожалению, мыслить светло Пыпин еще не умел. Ну, а если бы у него вдруг неожиданно прорезалась эта способность, я бы и сам отдал ему мыслелет.

— Но лично мне нужно в Туапсе, — сказал Пыпин в полном отчаянии. — Уж на этот-то раз дым по адресу не дошел. И ребята небось остались без игрушек.

— Что ж, посмотрим, — ответил я. — Нам по пути.

Мы сели в мыслелет и через мгновение приземлились на набережной в Туапсе. Пыпин заглянул в открытый люк и быстро отвернулся. Рядом с нами у пирса мирно стоял мой буксир: «Перепелкино». А по небу Туапсе плыли стаи новеньких разноцветных шаров.

Я дружески подтолкнул Пыпина, мы вышли из мысле-

лета, и сразу в глазах у нас зарябило от бесчисленного множества ярких плакатов, расклеенных по всей набережной. С плакатов на нас смотрели веселые лица первых пришельцев с планеты Скромной. На плечах у одного из них красовались пышные эполеты, и я сразу понял, что это и есть командир звездолета «Скромняга».

— Ну что? Опять будешь читать мораль? — уныло спросил Пыпин.

— А вот и не буду, — лукаво ответил я.

— Это почему же?.. Ну да, все равно у тебя ничего не вышло и не выйдет.

К нам подошла маленькая девочка с красным резиновым мячиком.

— Вы тоже скромняги? — спросила девочка, указывая на мыслелет.

— Мы земляне, — сказал я. — А он тем не менее все равно скромнейший из скромных. — И я кивнул на Пыпина.

— Да чтобы я был скромным? — возмутился Пыпин.

Но тут девочка выронила мяч. Пыпин машинально поднял мяч и протянул девочке.

— Спасибо, — сказала девочка.

— Пожалуйста, — так же машинально бросил Пыпин и продолжал: — Да я ни за что не буду скромным... Девочка, ты не можешь еще раз уронить мячик?

— Могу, — кивнула девочка и уронила мяч.

Пыпин бросился за мячиком и вернул его маленькой хозяйке.

— Спасибо, — сказала девочка.

— Пожалуйста, — сказал Пыпин и снова продолжал: — Я всегда буду тщеславным... Девочка, тебе не трудно еще раз выронить мячик?

— Не трудно, — ответила девочка и выпустила мячик из рук.

Мячик запрыгал по ступенькам, ведущим к воде. Еще

прыжок, и он бы упал в море. Но Пыпин кинулся за ним с ловкостью барса и принес девочке мяч.

— Спасибо, — сказала девочка.

— А, было бы за что, — отмахнулся Пыпин и снова открыл рот, чтобы все-таки высказаться до конца, но в это время у края тротуара остановилась старушка. Она опасно смотрела по сторонам, не решаясь перейти улицу.

— Подожди! — бросил мне Пыпин и, подбежав к старушке, перевел ее через улицу.

Отпустив локоть своей подопечной, он выжидающе заглянул в ее лицо. Старушка произнесла неслышные мне благодарные слова. Пыпин небрежно кивнул и зашагал через улицу с чрезвычайно довольным видом.

Однако не сделал он и пяти шагов, как дунул ветер и сорвал кепку с головы здорового портового грузчика и понес под колеса машин. Пыпин и грузчик ринулись за кепкой с разных сторон. И подбежали к ней одновременно. Но Пыпин оказался ловчей, он поднял кепку и протянул ее хозяину.

Грузчик нахлобучил кепку на голову и, не сказав ни слова, пошел дальше.

— Эй, а где спасибо? — грозно окликнул грузчика Пыпин.

Грузчик остановился и виновато пробормотал:

— Извини, друг. Спасибо!

— Вот то-то, — проворчал Пыпин, подходя ко мне. — Цени, когда человек тебе помогает, — и крикнул кому-то, находящемуся за моей спиной. — Шофер, подожди! Я подтолкну твою машину.

И Пыпин заметался по городу, оказывая людям услуги. Я еле за ним поспевал.

— Что делается, что делается! — ошеломленно бормотал Пыпин, перебегая от одного человека к другому.

Наконец он устал и, перевея дух, прислонился спиной к стволу белой акации.

— Что с вами, Пыпин? — спросил я, тоже вытирая вспотевший лоб.

— Сам не пойму, — прошептал Пыпин. — Видимо, вот тут копилось, копилось, — он ударил себя в грудь, — потом количество перешло в качество, и я... перевоспитался, глядя на тебя... прошу прощения, на вас.

— Вы шутите? Скажите, что вы пошутили, Пыпин! — взмолился я, чувствуя, что моя попытка оправдать себя перед потомками терпит крах.

— Какие уж тут шутки? Мне то и дело хочется делать добро, как будто я помешался на этом, — ответил Пыпин, жадно озираясь, высматривая человека, нуждающегося в доброй услуге.

Но, к сожалению, лица, окружавшие нас, в этот момент все как один были счастливы.

— Пыпин, не пугайте меня. Я всего лишь простой скромный юнга. Не слушайте моих современников. Мало ли что они наговорят? Я еще не совершил ничего такого, что могло бы служить примером для всех, — пояснил я, представляя, как торжествуют мои биографы.

— Теперь уже поздно об этом говорить, — обреченно возразил Пыпин.

Я растерянно промолчал, и тогда Пыпин добавил:

— Лучше скажите, как нам отныне жить? Мы станем вновь одним человеком? Иван Ивановичем Пыпиным?

— К несчастью, это уже невозможно. — Я не удержался и огорченно вздохнул.

— Да ты не вешай носа! Не вешай! Это хорошо и даже очень, — обрадовался Пыпин и похлопал меня по плечу. — Пусть будут два Пыпина. Два хороших... Молчу, молчу... Я хотел сказать: два сносных. Теперь мне небось тоже предлагается быть скромным?.. В общем, не бойся, я тебя не подведу.

— Ты будешь моим вторым положительным «я»? — спросил я, все еще не веря в происходящее.

— Буду! — Но, подумав, Пыпин добавил: — Ну конеч-

во, в жизни всякое бывает. Трудно загадывать наперед. Ты уж на меня не обижайся!

Слыханное ли дело: Пыпин, матерый хулиган, наводивший ужас на все детсады и школы, просил не обижаться! Не за то ли я с ним боролся все эти бурные пятьдесят лет?!

И вдруг в тот самый момент, когда наше долгое единоборство завершилось полной победой добра и мое второе «я» тоже стало положительным, так вот в сей радостный момент мое первое совершенно идеальное «я» совершило нехороший и предосудительный поступок.

Пока мы выясняли свои новые отношения, из-за дворца моряков появилась длинная процессия. Люди в спецовках, обсыпанных опилками и стружками, несли на плечах необычные для здешних широт экзотичные бревна. Я заметил их еще издалека и сразу узнал. Да, да, именно из этих бревен когда-то был связан мой легендарный стомаран. Однако с тех пор прошло много лет, и бревна давно уже были мне не нужны. Я так и подумал, ведя очень важный разговор со своим переменившимся двойником Пыпиным.

Но стоило шествию поравняться с нами, как тут же со мной произошло нечто неожиданное: я повернулся к строителям и закричал:

— Это мои бревна! Сейчас же верните мои личные бревна!

— Что с тобой? Зачем тебе бревна? — зашептал Пыпин, стараясь удержать меня за рукав. — Они ведь годами валялись на пустыре. Пусть же теперь послужат людям.

Плотники переглянулись между собой: я ли это? И старший по возрасту из них виновато сказал:

— Уж очень красивые бревна. Мы хотели построить сказочный город для наших туапсинских ребят. Но если они вам нужны, мы отнесем их на место.

— А это никого не касается: нужны или нет! Мои бревна, и все! — скандалил я и капризно топал ногами.

Очевидно, передав хулигану часть своей доброй души, я, сам не зная того, прихватил у него долю плохого.

— Иван Иванович, что с вами? — деликатно спросил другой строитель, теперь уже самый молодой. — На вас это никак не похоже.

Люди смотрели на меня с испугом и состраданием, словно со мной случилось самое большое несчастье.

— Случилось не случилось! Это уж мое дело! — возразил я, грубя прямо-таки голосом прежнего Пыпина.

— Товарищи, с Иваном Ивановичем что-то стряслось. Давайте сегодня бревна вернем, а завтра, может, ему станет лучше, — предложил старший плотник, и процессия развернулась, понесла бревна на прежнее место, на пустырь.

— Признаться, я тоже тебя не узнаю, — удивленно проговорил замолчавший было Пыпин. — Знаешь, на кого ты сейчас очень похож? На хулигана Пыпина.

— Ну и сказал! А ты, может, похож на юнгу Ивана...

Я окинул Пыпина взглядом с ног до головы и не договорил, умолк, пораженный увиденным. Лицо у моего второго «я» тоже от растерянности вытянулось, стало продолговатым, как дыня. Мы перепутались, мы не могли отличить: кто Пыпин тот, кто Пыпин этот.

И тут, словно с неба свалился, перед нами возник вездесущий оркестр. У музыкантов еще трепетали длинные черные хвостики фраков.

— Прошу побыстрее, маэстры! — лихорадочно закричал дирижер. — Три! Четыре!.. Катастрофично!.. Еще катастрофичней!.. Полная катастрофа!

— Да замолчите! Я вас сегодня не звал! — воскликнул Пыпин с досадой.

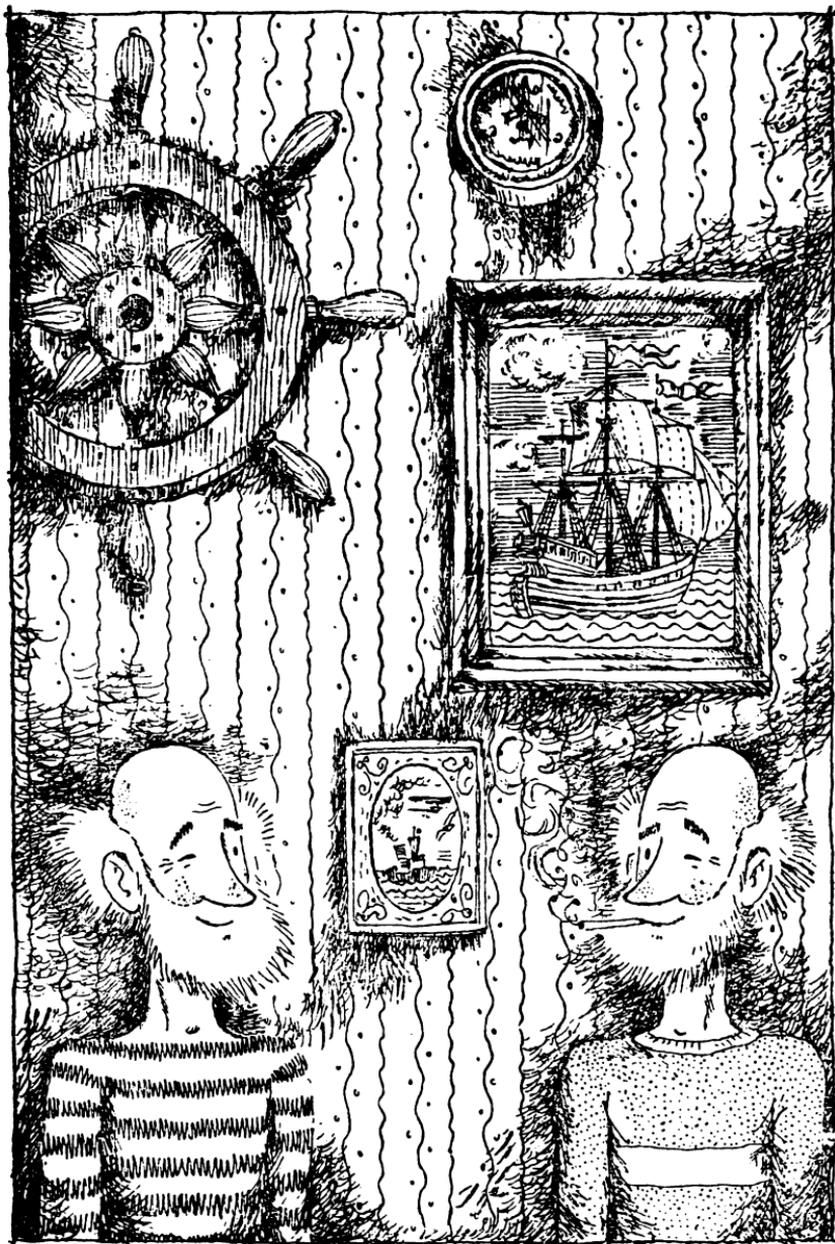
— Извините, почтеннейший хулиган. Но мы не могли удержаться! Ведь это же преступление века! Вы сбили юнгу с истинного пути! И мы просто обязаны подчеркнуть весь трагизм этой катастрофы. Средствами своего скромного ис-

куства, конечно, — возразил дирижер и сконфуженно добавил: — Мы немножко опоздали. Преступник уже завершил свое черное дело. Но кто знал?! Кто знал, что наш знаменитейший, стойкий из стойких юнга не устоит?!

— Но это только половина факта, — возразил, в свою очередь, Пыпин. — В то же самое время юнга Иван Иванович привил мне стремление к добру. И мне очень стыдно за свое хулиганское прошлое. Не верите? Тогда смотрите! — И он смахнул рукавом набежавшую слезу.

— Тогда сделаем так, — не смутился дирижер, — одна половина оркестра будет играть ликующий туш, а вторая поведет тему ужасающей катастрофы.

А мне было очень обидно. Добиться в конце концов полной победы и одновременно потерпеть такое сокрушительное поражение...

**ГЛАВА XV, которой предстоит сыграть
почетную роль эпилога**

Догорели воображаемые дрова в воображаемом камине. Затихла воображаемая метель. Потому что за окном стояло теплое солнечное лето. И потому, что мой рассказ подошел к концу.

Мы сидели перед потухшим воображаемым камином— я и я. Два пенсионера Пыпина. Два Ивана Ивановича. И молчали, все еще находясь во власти воспоминаний.

Потом я открыл школьную тетрадь и начал писать послание всем ребятишкам Земли. Я сочинял его в стихах. Мне хотелось, чтобы дети усвоили мораль из нашей весьма поучительной истории.

Первые строки послания будто сочинились сами, едва мое перо прикоснулось к бумаге.

Не выходите из себя!
Назад возврата нет!

— А разве так уж плохо, когда возврата нет? — обиделся двойник, заглянув в тетрадку через мое плечо.

— А что же тут хорошего? Это ведь мне случайно удалось вернуть свое сбежавшее отрицательное «я» и перевоспитать его на личном примере. Не каждому так повезет. И даже мой фантастический успех и тот еще нельзя считать окончательным.

Я пристально взглянул в глаза своему двойнику. В моей памяти еще жило позорное поражение — тот случай с личными бревнами, после которого только с большим трудом мне удалось восстановить свои положительные качества в прежнем виде. И хотя двойник в последние годы вел себя смирно, я хотел, чтобы он успокоил меня.

— М-да, мало ли что в жизни бывает. Разве можно ручаться заранее, — философски произнес двойник, отводя глаза.

И так он каждый раз ускользал от ответа, лишая меня полной уверенности.

Я бы, наверное, очень расстроился, но тут, словно в утешение, у меня родились две новые строчки:

А если ты раз
д
во
и
лсь!
Будь добр, держи ответ!

Пока один «я» сочинял стихи, другой придирчиво следил за его занятием.

— Я, конечно, ничего не смыслю в поэзии. Но по-моему, «раздвоился» не помещается в стихотворный размер. И потом, даже мне известно, что в этом слове ударение ставят совсем не там, — заметил двойник, дыша над моим затылком.

— Во-первых, я не виноват, что слово «раздвоился» такое длинное. А во-вторых, ты хочешь, чтобы я еще ко всему и был гениальным поэтом? Не слишком ли? — отпарировал я.

Признаться, я схитрил. Мне ничего не стоило найти подходящую рифму, но тогда бы литературные критики получили долгожданный повод и разразились тучей хвалебных статей. А смысл моего послания и так будет ясен ребятам.

И я смело продолжал:

И не вали на педсовет,
Борись с собою сам!
Такой даю тебе завет
И всем ребятам. Пам!

Мне очень нравилась рифма «пам». Она звучала как заключительный удар медной музыкальной тарелкой. Па-а-ам! Но я лукавил, скрыл от себя свое удовлетворение.

— Ты прав, — сказал я, кривя душой с самыми лучшими намерениями. — Плохие получились стихи. Рифмы «сам» и «пам» никуда не годятся. Да и что еще можно ждать от меня? Фигуры, незаслуженно раздутой моими современниками?

— Положим, стихи не так уж и плохи. Пожалуй, они под стать моей песенке. Помнишь: «Дети, дети обоего пола...» — промурлыкал двойник и хитро подмигнул. — И не такой уж признаться, раздутый... Вынести такие испытания!

— Если уж говорить об испытаниях, то самые трудные из них выпали на долю моей многострадальной скромности, — уточнил я на тот случай, если бы кто-то каким-то образом подслушал наш разговор.

— Да, да, ты сказочно скромен! — подхватил двойник намеренно громко для тех, кто мог все же случайно подслушать. — Я хотел сказать: если бы не твоя скромность... — Он подался в мою сторону, искушающе зашептал: — Мы-то с тобой понимаем, что она у тебя самая смелая, самая находчивая, самая мудрая, самая...

Он застал мою скромность врасплох. Он льстил ей самой! Я с ужасом заметил, что начинаю зазнаваться, и последним отчаянным усилием перебил его, воскликнув:

— Ты ничего не слышал о Маше и Толике Слонове?

— А разве днем появились свежие новости? — спросил он с живым интересом.

Он так полюбил наших юных друзей, что тут же забыл про свою затею.

Я тоже забыл про пучину зазнайства и тщеславия, которая было разверзлась перед моими ногами, и озабоченно переспросил:

— А разве не появились? Ведь после их последнего письма прошло три часа! И я подумал: может быть, до тебя дошли хоть какие-то скудные новости.

— К сожалению, не дошли. Я знаю только то, что мы прочли с тобой в письме, которое получили сегодня утром.

Но если ты хочешь, я с удовольствием напомню, о чем они пишут в своем утреннем письме, — щедро предложил двойник.

— Напомни. А я с удовольствием послушаю, — попросил я и поудобней устроился в плетеном кресле.

— Итак, они успешно закончили школу. И летом Маша поступила в педагогический институт. А Толик пошел на курсы радистов. Он хочет работать где-нибудь на краю света. На маленькой метеорологической станции... Ну как, дружище Пыпин, ты ими доволен?

— Доволен. А ты, дружище Пыпин?

— Очень! Мальчик понял, ради чего путешествуют люди. И я думаю, теперь мы можем спокойно подремать на солнышке.

Мое второе «я» откинулось на спинку кресла, закрыло глаза, и вскоре до меня донеслось его мирное посапывание.

Я тоже вытянул ноги, положил затылок на спинку своего кресла и опустил веки. Но не совсем. Между ними остались щелки. Я был начеку и не спускал глаз с Пыпина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i> , в котором рассказчик обещает обойтись без предисловия, потому что сам страсть как не переносит предисловий	3
<i>Глава I</i> , которую иначе никак не назовешь, потому что она и есть самая первая и служит началом всей истории	7
<i>Глава II</i> , в которой я и Пыпин приближаемся с разных сторон к разгадке тайны Толика Слонова	35
<i>Глава III</i> , необходимая для того, чтобы рассказчик смог предаться приятным воспоминаниям о некоторых событиях своей удивительной молодости	41
<i>Глава IV</i> , в которой юнга все-таки терпит временное поражение, и после этого события совершают резкий поворот в другую сторону	55
<i>Глава V</i> , рассказанная Толиком Слоновым, в которой он нехотя открывает тайну своего загадочного поведения	65
<i>Глава VI</i> , вписывающая новую страницу в историю воздухоплавания	71
<i>Глава VII</i> , в которой в облаках витают незнакомые люди и появляются следы Толика Слонова	87
<i>Глава</i> , появившаяся неожиданно среди других глав и не имеющая своего номера, но тем не менее играющая очень важную роль	95
<i>И вновь глава VII</i> , восстанавливающая справедливость и позволяющая миражанину довести рассказ до конца	108
<i>Глава VIII</i> , в которой оба противника хотят избавиться друг от друга навсегда	123
<i>Глава IX</i> , в которой юнга уже в который раз, и как всегда совершенно случайно, находит выход из очень сложного положения	143
<i>Глава X</i> , в которой юнга борется за звание скромнейшего среди скромных	163
<i>Глава XI</i> , в которой юнга старается доказать, что он самый тщеславный человек во Вселенной	169
<i>Глава XII</i> , в которой произошло событие, потрясшее всю Вселенную	189
<i>Глава XIII</i> , всё в которой увеличивается в несколько тысяч раз	203
<i>Глава XIV</i> , в которой мне и Пыпину приходится решать очень важный вопрос	221
<i>Глава XV</i> , которой предстоит сыграть почетную роль эпизода	235

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Садовников Георгий Михайлович

ПЕШКОМ НАД ОБЛАКАМИ

Повесть-сказка

ИБ № 2901

Ответственный редактор

Е. К. Махлах

Художественный редактор

И. Г. Найдёнова

Технический редактор

Н. Г. Мохова

Корректоры

В. В. Борисова и

Л. Г. Петроченко

Сдано в набор 17.04.79. Подписано к печати 28.01.80. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 11,76. Тираж 100 000 экз. Заказ № 891. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Садовников Г. М.

С 14 Пешком над облаками: Повесть-сказка/Рис. — В. Сергеева. М.: Дет. лит., 1979. — 239 с., ил.

В пер.: 60 к

Повесть-сказка с элементами фантастики, в которой рассказывается о необыкновенных приключениях юнги, убеждающих читателя в том, как много надо знать и уметь, чтобы плавать на современном судне и овладеть морскими профессиями.

С 70802—092
М101(03)80 — 444—80

Р 2

60 коп.

